

Баянғали
Әлімжанов
❁
ШЫҒАРМАЛАРЫ

X

Баянғали
Әлімжанов

ШЫҒАРМАЛАРЫ

X том

Разрешите жить!

Повести и рассказы

Кокшетау 2016

ӨОЖ 821.512.122-1

КБЖ 84 (5Қаз)-5

Ө 55

Әлімжанов Баянғали.

Ө 55 Шығармалары: Многотомное собрание сочинений. Произведения на русском языке. /Б. Әлімжанов. – Кокшетау: Келешек-2030, 2016.

ISBN 978-601-302-125-6

Т. 10: Разрешите жить! Повести и рассказы. – 248 с.

ISBN 978-601-317-069-5

Десятый том произведений Баянғали Алимжанова – это творчество писателя на русском языке. Книга интересна многообразием содержания, читается на одном дыхании.

Повесть «Разрешите жить!» – крик души нашего современника. Многострадальный инвалид войны пишет генералу-политику: «Господин генерал! Разрешите жить! Я вам разрешаю!» «О, люди! Живите сами, и дайте жить другим!» – восклицает он, считая, что все беды человечества – в потере совести и чувства справедливости. Блуждая по миру на своей уникальной инвалидной коляске Янғалибусе, он старается пробуждать у сильных мира сего совесть и справедливость своим фантастическим оружием.

Повесть-легенда «Аблай хан и его батыры» основана на легендах и преданиях казахского народа. Познавательный материал из народной сокровищницы, исключительные перипетии судьбы Аблай хана, потрясающие подвиги могучих героев эпохи казахско-джунгарских войн, мудрость и великодушие кочевников представляют большой интерес.

В сказках маленькие герои ищут, ошибаются, раскаиваются, проходят через многие испытания и с помощью добрых сил, преодолевают трудности и одерживают нравственную победу.

УДК 821.512.122-1

ББК 84 (5Қаз-Рус)-5

ISBN 978-601-317-069-5 (Т. 10)

ISBN 978-601-302-125-6 (общ.)

© Әлімжанов Б., 2016.

РАЗРЕШИТЕ ЖИТЬ!

Повесть

Бандероль вместо бомбы

Генерал Янга Ли Мжанба приказал начать спецоперацию через три часа. Массированные бомбежки и артобстрел города должны решить исход боя. Обычно после такой атаки живых не оставалось.

«Жестоко, но необходимо!» – подумал про себя пятидесятилетний, но подтянутый, стройный военачальник и искусный политик, и устало откинувшись в большом кресле, затянулся густым дымом дорогой сигары.

Быстро и бесшумно, как дрессированный леопард, вошел адъютант. Он принес неожиданную, странную бандероль.

– Мы проверили... Все чисто, безопасно! – отчеканил бравый служака. – От неизвестного, хорошо засекреченного профессионала!

Генерал небрежно бросил взгляд на адрес. Там было напечатано компьютерным шрифтом:

«Генералу-политику Янгу Ли Мжанбе! От борца за совесть и справедливость во всем мире!»

Он полистал послание и проиронизировал:

– Бредовик-авантюрист? Явление нонсенс? Глава абсолютных леворадикалов, имеющий абсурдные лозунги и манипулирующий жизнепрожигающими авангардистами-новобранцами от верно-подданных?!

Но в следующее мгновение лицо его посуровело, он всерьез начал читать странное письмо таинственного незнакомца. Адъютант, точно оценив ситуацию, тихо удалился.

Абсурдная война

Мистер Янга Ли Мжанба!

Не удивляйтесь моему письму.

Да, я заклятый враг ваш и вам подобных, но иногда весьма полезно послушать горькую правду недругов, чем слащавую ложь фальшивых друзей.

Никогда не думал, что буду писать вам и отправлю бандероль вместо бомбы.

И вот ирония судьбы – я изливаю свою израненную душу извечному врагу. Почему? Потерпите и прочтите мое письмо до конца, тогда все поймете!

Не буду пудрить вам мозги мудреватými выкрутасами ухищренной словесности, которых никто не понимает толком, где смысл и чувства теряются в нескончаемом потоке слов. Удивительно, но факт – вроде высокообразованные критики оценивают всю эту невыносимую болтовню как образец высшего художественного пилотажа. Разве они не понимают, что сейчас век компьютеров и космических скоростей, и у людей просто нет времени и желания даже полистать толстые тома, копаться в детальных описаниях жития-бытия исторических персон или в мелочных душевных переживаниях вымышленных пузырярных персонажей? Или у них тоже что-то не так со вкусом? Да, ладно, мне нет дела до них, и я расскажу вам все по-народному, просто и мудро.

Естественно, я не назову вам своего настоящего имени. Называться вымышленным, фальшивым надоело. (Хотя вы всю жизнь скрываетесь под вымышленным, загадочным именем – всем известно, что Янга Ли Мжанба – ваш псевдоним, а настоящее имя, наверное, вы сами забыли).

Я смертельно ненавижу вранье, лучше скрою некоторые детали и честно расскажу истинную историю моей страдающей души. Вообще-то я думаю, что история жизни человека – это не просто факты биографии, а история движения его души.

Я не скажу вам о своих корнях, ибо ваш несправедливый, необузданный, абсурдный гнев может быть направлен на моих ни в чем не повинных сородичей. Единственное, что могу сообщить – во мне смешалось много кровей, как восточных, так и западных. Я нормальный, образованный человек, свободный гражданин высокоразвитого демократического государства.

Но вам не нужно знать, в какой стране я родился, где живу – такой хитроумный профессионал даже по малейшим намекам может вычислить и нанести ракетный удар по моему кварталу.

Не суть важны и моя профессия, бытовые подробности моей жизни. Так же ничего не скажу о вероисповедании, чтобы у вас не возникли подозрения, что я пропагандирую определенную религию или, хуже того, воюю за нее. Нет, смысл и суть моей борьбы в другом.

По знаку Зодиака я Весы, родился в год Лошади.

Я без ума люблю справедливость и честность.

Несправедливость, наблюдаемая мною, с самого детства больно ранила мое крохотное сердечко. С годами страдания и переживания закалили меня, но все равно – несправедливость и насилие в этом мире проходили через мою душу, легко выводя меня из себя. Даже взрывы на далеком Востоке безжалостно разрывали мою бедную сущность на части, и я все больше и больше ненавидел насильников всех мастей.

И вот в один прекрасный день меня призвали в армию.

Целыми днями мы проходили медицинскую комиссию и бегали от одного врача к другому. Было неуютно и неудобно нагими являться перед незнакомыми, опрятно одетыми людьми. Стояла осень, отопления еще не дали, и в огромных, пустых, продуваемых сквозняком полубетонных полуподвальных коридорах военного ведомства мы продрогли до самых костей. Но холодный пол и холеный полковник были абсолютно безразличны к нашим страданиям. В этот миг я возненавидел всех военных самодуров. Ну могли же провести медкомиссию призывников в нормальных человеческих условиях, не издеваясь над молодой гордостью? Я начал возмущаться, и полковник, выматерившись основательно, отправил меня к психиатру.

Психиатр попался странный. Вид у него был какой-то влажный, изможденный, глаза потухшие.

Спросил: какие сны видишь?

Я с воодушевлением начал ему изливать свои переживания и фантастические сновидения, потому что никто и никогда так сочувственно не спрашивал меня про мои сны, тем более не слушал так внимательно.

– Летаешь во сне на Луну? – неожиданно прервал он меня.

– Еще как летаю! Даже перелетаю Луну и гуляю по Марсу, Юпитеру и Сатурну одновременно!

У него отвисли челюсти.

– Красавиц... во сне обнимаешь? – вымолвил он наконец.

– На Юпитере юбок нету! Сатурн тоже существует без секса! – отрезал я. И быстро добавил: – Но марсианки да... снятся мне голенькими, миленькими... и до утра... до утра ласкают меня...

– Ясенько! – Психиатр что-то записывал. – А воюешь во сне?

– Да, воюю! – ответил я с особенным азартом.

– С кем? – спросил с интересом психиатр.

– Со всеми, кто творит зло!

– Стреляешь в них?

– Нет, я в них не стреляю! Я их взрываю!

Он записал в личном деле, что я – психопат.

А я думаю, что психиатры сами психопаты, потому что, постоянно общаясь с душевнобольными, они, наверное, потихоньку становятся похожими на своих пациентов. Подобное тянет подобное, как говорили древние, а в психдиспансере, естественно, духовного здоровья не наберешься.

Так меня вначале признали ненормальным и негодным к строевой службе. Но затем срочно, даже странно, наспех призвали в армию. Обучили и отправили за тридевять земель, в неизвестную, непобедимую страну, на непонятную и несправедливую войну. Эти страшнейшие пятьсот пятьдесят четыре дня среди крови и страданий, огня и дыма окончательно закалили и убедили меня, что мы, люди, народ – орудие, игрушка в большой политической игре.

С самого начала я мучился в этой кровавой бойне. Через страдания, душевные муки полностью осознал: война – бессмысленная мясорубка. И мы, люди – пища для непрерывной работы чудовищной машины убийства. Я видел много смертей. Мы оправдывали свое нахождение здесь исполнением долга перед родиной, воинской обязанностью, приказом, но это не утешало и не облегчало наши души.

И однажды мы решились напрямик задать этот сакраментальный вопрос нашему командиру. Бывалый майор, битый мужик, до мозга костей человек войны, построил нас в ангаре, среди каменных скал и начал резко отчитывать.

– Война заложена самой природой в генах человека! – отрывисто, четко и резко говорил командир. – Каждый самец стремится подавлять, подчинять, а в случае сопротивления уничтожать чужих и развивать свои семена! Один народ всегда хочет властвовать над

другим! Жизнь – это борьба! А закон, цель любой борьбы – унижение или уничтожение противника! И в этой борьбе побеждают только сильные! Поэтому не надо морочить голову разными ветряными идеями о равенстве, братстве народов! А надо просто стрелять во врага! Если ты не выстрелишь, выстрелят в тебя! Если не убьешь ты, то убьют тебя! Может, вы скажете, что это безвинные люди, как их убивать? В начале карьеры я тоже так думал. Я искренне рыдал, когда наши стерли с лица земли целое селение. Но когда из этого пепелища вдруг кто-то выстрелил и убил моего друга, я понял, что такая жалость ни к чему. Естественно, стрелявшего наши ребята в мгновение ока разорвали в клочья! Поэтому вы не думайте о врагах, что это люди! Представьте себе их просто как мишень на учебном полигоне – и мочите! Человек есть куча мяса, и не более того! И ваша задача – попасть в эту массу первым, дабы самим не лежать на камнях разложения! Да, да, да, человек – это просто куча мяса и костей, крови и дерьма! И он жив, пока все это цело! Старайтесь сохранить себя целеньким в вашем кожаном мешке! Если он разорвется... фу-у! И не тешьте себя тем, что душа бессмертна, что есть потусторонний мир, есть вечность! Нет этого, просто не-ту! Все это обман, иллюзия, заблуждение, как хотите, так и называйте! По крайней мере я видел столько смертей, но ни разу не видел бессмертия! Мяса, разлетевшегося по сторонам, разбрызганную везде кровь, видел вдоволь, да! А душу не видел! Вот такая она, бессмысленная, жуткая штука жизнь... Преходящая игра плоти и политическая мясорубка! Ха-ха-ха!

Командир захохотал так громко, что смех отозвался эхом, сотрясая горы. Он истерично смеялся... И вдруг смех его резко удалился... Мы толком ничего не поняли. Страшный свист – снаряда, мины или гранаты из базуки – оглушил нас. В следующий миг мы увидели, как тело командира медленно падает на землю.

Головы не было!

Она куда-то улетела!

Стало страшно.

До сих пор мне кажется, что голова нашего бравого командира бродит по ущельям чужих гор, не находя покоя. Иногда во сне разрывает мой слух его истерический хохот, эхом сотрясающий невозмутимые скалы.

Мы долго не могли прийти в себя. И остались горький осадок и самый страшный вопрос бытия: а если он прав? Как быть, как жить, если нет бессмертия души, нет вечности?! Тогда ведь все,

абсолютно все, вся история человечества, вся цивилизация теряют смысл! Тогда зачем все это? Какой во всем этом смысл?! Зачем жить, бороться, страдать?! Тогда что: безумствовать как хочешь и как можешь? Это и есть единственный смысл жизни в этом безумном, хаотичном мире?!

Какое-то непонятное, необъяснимое чувство давило меня все это время.

Но, кроме этого давящего и безответного, абстрактного вопроса, меня везде, дено и ночью, упорно преследовал еще один жестокий, но конкретный вопрос: зачем мы здесь и какой смысл во всей этой бойне? Почему мы, здоровые крепкие молодые ребята, вместо того, чтобы наслаждаться бурной жизнью, пришли сюда убивать ни в чем не повинных, абсолютно незнакомых нам людей? Почему мы не даем этим людям жить по своему усмотрению на своей родине? Я и мои боевые друзья вообще не хотим воевать и находиться здесь, и кто же заставляет нас брать в руки оружие и отправляет за тридевять земель уничтожать других? Кто дал им право распоряжаться и играть нашими и чужими судьбами? Некоторые стараются объяснить это политической необходимостью, нуждами государства. Но ведь это несправедливо! И эту несправедливость надо же исправлять! Надо принять общечеловеческий закон, по которому никто – ни один король, царь, император, хан, президент, командующий, полководец – не имел бы право давать приказ своим войскам на вторжение в чужую страну! Да, никто не должен иметь право начинать агрессивную войну, убивать людей, уничтожать народы! И все, точка! А защищать свою родину – совсем другое, святое дело!

Этот вопрос не давал мне покоя и во сне, и наяву, и тогда, когда шел бой, и когда стрелял я и стреляли в меня. В каждом свисте пуль, в каждом взрыве мин, в каждом стоне раненых, в последнем вздохе погибающего звучало одно и то же: Бес-смыс-ленно! Абсурд! Бес-смыс-ленно! Абсурд!

Однажды после кровопролитного боя мы наткнулись на раненого врага. Он лежал возле огромной глыбы серого камня. Автоматная очередь прошла насквозь его грудь. Наши удалцы готовы были растерзать его в отместку за погибших боевых друзей. Мне удалось их отговорить. Санитар дал ему воды и перевязал раны. Но было ясно, что он не жилец. Он мучился от боли, но держался молодцом. Видно было, что он верующий и с достоинством ждет своего последнего решающего и счастливого мига, когда

улетит в вечность. Санитар знал их язык и перекинулся с ним несколькими фразами. Он спросил его, зачем он воевал против нас, стрелял в наших солдат, зная, что проиграет, погибнет. Не лучше ли было покориться нам и жить в мире?! Раненый при этих словах ожил, глаза его засверкали, и он начал говорить отрывисто, харкая кровью, но уверенно.

– Не мы пришли к вам войной... Мы защищаем свою страну... Всего-навсего...

... Мы хотели жить на родной земле... независимо и по-своему... равными со всеми... всего-навсего... и за это вы хотите нас сломать... истребить... но не будет этого никогда!

... Это несправедливо! Вам этого не понять!

... Как бы вы поступили, если б чужеземец пришел к вам домой с оружием и потребовал, чтобы вы стали его рабом?!

... Вы стреляете именем закона! Мы стреляем во имя справедливости!

... Вы воюете ради придуманного вами порядка. Это для вас порядок... А для нас это рабство... Мы воюем ради совести, свободы и равенства...

... В конечном счете – мы все убийцы! Слышите вы... и как вам не стыдно?!... Или у вас вообще нет совести!?

С этими словами он испустил дух...

Мы завалили его тело камнями и поспешно покинули это место.

Но от себя не убежишь... Его душевные предсмертные откровения о совести, справедливости, вражде и всеобщей ненависти и страхе, окутавшем весь земной шар, вызвал отклик в моей душе и преследовал меня всегда. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, временами я отчетливо слышу хриплый голос харкающего кровью поверженного, но непобежденного, доселе абсолютно чужого мне, а затем вмиг ставшего моим вечным спутником, душевным мучителем, человека!

Я – инвалид

И незаметно пришло мое время. Однажды меня ранило. Я даже не понял, как это случилось. Шла перестрелка ожесточенная... Я стрелял, не целясь, в сторону врага, как вдруг что-то блеснуло и все исчезло.

Очнулся уже в госпитале.

Все тело пронизывала нестерпимая боль. Хотел перевернуться на бок, но не смог сдвинуться с места. Ноги не слушались меня! «Онемели, наверное, – подумал я. – Ничего, сейчас пройдет!»

Но не проходило! Медленно, испуганно хотел пощупать рукой и не нашел ногу! Одной ноги не было вообще!

Весь покрывшись холодным потом, в ужасе, я начал искать вторую ногу. Ее тоже не было! Нет, и все!

Я закричал в шоке. Прибывшие врачи и медсестры быстро дали мне обезболивающий укол и принялись успокаивать. «Благодаря судьбу, что остался живым! Мы тебя буквально с того света вытащили!»

Сказали: оторвало взрывом мины, и что я в рубашке родился. Когда меня нашли, я лежал на залитом кровью бронетранспортере, все наши были мертвы. Меня тоже считали трупом, и когда начали грузить, санитар ощутил едва уловимый признак жизни. Дальше – вертолет, госпиталь и... калека!

Вначале было страшно. Я никогда не испытывал такую пустоту.

Жить не хотелось, умирать тоже. Такое непонятное полумертвое, полуживое существо в оживленном центре города – явление ненормальное. Мне казалось: все, кончена моя жизнь, сломана, растоптана и выброшена на обочину, в канаву, на свалку, называйте как хотите. И с обжигающей душу болью я непрерывно мучил себя вопросом: почему я оказался в таком положении? Почему именно я, а не другие? А другим не было дела до моих страданий, они проходили мимо моей коляски, даже не обращая никакого внимания, громко разговаривая, смеясь. Некоторые, бросив беглый взгляд, быстро отводили, прятали глаза: не думаю, что всем им было жалко инвалида, просто некоторым здоровым, счастливым, было неприятно видеть уроды! И я кипел от необъяснимой ярости! Мне было обидно, до боли обидно смотреть на здоровых людей. Я со злостью думал, почему я – калека, а они здоровые. И в глубине души я желал, чтобы все люди стали калеками! Так будет справедливо, думал я, и никто не будет на меня смотреть свысока, жалеть, презирать!

Мир сделал меня инвалидом, и я возненавидел весь мир!

И мне очень хотелось установить в самом центре мегаполиса крупнокалиберный пулемет и мочить всех подряд по ногам или взрывать, взрывать, не щадя снарядов и мин, чтобы все люди, все народы, существующие на планете Земля, стали такими же безно-

гими инвалидами, как я! Вот так я мстил всем в душе за свои потерянные ноги, погибшую молодость, растоптанную мечту.

Но со временем, свыкнувшись с судьбой, я успокоился, ибо ясно понимал, что люди и народы тут ни при чем. Я замкнулся, ушел в себя, инвалидная коляска стала моей крепостью, моим прикрытием.

Я начал читать умные вещи о жизни и смерти, размышлял о бренности бытия и смысле жизни. Чего только не написано и не сказано об этом извечном, жгучем и убийственном вопросе! Человек приходит из небытия и уходит в небытие! Мир катится в пропасть независимо от человека! Наступит конец света, и все будет кончено! И многовековая история, громыхающая цивилизация превратится в прах и тлен! Так что в конечном счете нет никакого смысла в этом обманчивом процессе под названием жизнь. Поэтому какая разница в том, как мы живем! Хоть в хижине, хоть в золотых дворцах, все равно неумолимо летящее время поглотит любую жизнь!

Эти мысли навевали такую страшную тоску, что иногда хотелось просто покончить собой. Но один нюанс меня бесил и останавливал. Ладно, оставим неподвластную нам вечность в покое. Давай подумаем по-народному, просто и мудро, размышлял я. Мы пришли в этот мир, и мы должны прожить достойно, по-человечески! Тот отрезок времени, отпущенный нам создателем, судьбой, космосом, природой, называйте как хотите, ибо никто точно не знает суть этого таинственного творца, миг по сравнению с вечностью. Но это наша жизнь, наш путь, и мы просто обязаны пройти его до конца, а там посмотрим! И вот тут-то возникает немало вопросов, которые доступны нам, и мы в сила повлиять на их решение по справедливости и по совести! Поэтому есть, есть все-таки разница в том, как и где провести эту самую бренность! Если вы возражаете, то представьте себя на мгновение беспомощным инвалидом, сидящим в инвалидной коляске, в центре бурлящей вокруг жизни! Нет, генерал Янга Ли Мжанба, конечно, у вас нет ни малейшего желания поменять свой командный пост, комфортное кресло в высоком кабинете на мою коляску! А по справедливости надо бы! Надо бы, чтобы вы тоже сидели рядом со мной, со своим бывшим солдатом, товарищем по оружию, и испили горькую чашу судьбы до дна!

И так я жил и думал. Думал о многом! Болезненно, непрестанно и навязчиво размышлял о справедливости и совести. Задавал

себе жестокий вопрос – почему такие цивилизованные, высокообразованные политики творят невыносимую, вопиющую несправедливость без зазрения совести?

И я все больше и больше утверждался в мысли, что должен бороться против всей несправедливости и нечестных людей на земле!

Я не могу сказать точно, когда все это началось во мне. Наверное, я родился с этим, ибо, насколько помню себя, это было всегда со мной. Я и сейчас затрудняюсь назвать это каким-то одним словом, термином. Это – странное, смешанное чувство, какое-то неопределенное понятие, не вмещающееся ни в какие нормальные рамки человеческого поведения и психики. И вот, насколько себя помню, я болезненно реагировал на любое проявление несправедливости и нечестности, независимо от того, были ли эти действия направлены непосредственно против меня или на других. Меня бесило все, что связано с этими поступками. Так же легко выводила меня из себя словесная грязь, которой поливали люди друг друга. И мне мгновенно хотелось наказать таких, и наказание это в мыслях часто переходило в крайность. То есть, в порыве гнева, я мысленно сразу, безоговорочно уничтожал таких или страстно желал, чтобы их наказал Бог, да так, чтобы они исчезли в небытие.

Но, во имя справедливости, должен подчеркнуть, что, когда эти люди, допустившие несправедливость в отношении кого-то, затем искренне раскаивались и просили прощения, я опять же мгновенно растаивал и прощал их в душе.

Был у нас командир, невыносимо придирчивый. Мы, солдаты, недолюбливали его, втайне даже ненавидели. Он все время старался подчеркнуть свое превосходство, поблескивая капитанскими звездочками. Строевик до мозга костей, он гонял солдат в жару до седьмого пота. Кто пытался возразить, аргументируя тем, что мы на войне, а не на учебном полигоне, он поливал отборной матерщиной, и заставлял еще больше бегать и ползать. Меня всегда возмущали любое проявление неравенства людей и все, кто смотрел на остальных свысока, старался подчинять себе, подавляя эго других. Таких я мысленно уничтожал, убивал, стирал в порошок и развеивал по ветру. А этот капитан был как раз из таких монстров. И я долго вынашивал мысль, как его пристрелить при первом же удобном случае во время боя из трофейного вражеского автомата. Конечно, это был бешеный порыв моей жаждущей справедливости души, и, естественно, я бы этого не сделал. Однажды его смертельно ранило в скоротечной, но кровопролитной внезапной

схватке. Он лежал на спине, истекая кровью, и долго-долго смотрел на безоблачное синее небо. В его глазах была такая тоска, что меня всего передернуло. Я вперился в него, сочувствуя от души. Он это заметил и тихо подозвал к себе. Когда я подошел, он крепко сжал мою руку и дружелюбно улыбнулся. Это была его первая улыбка. Я ответил тем же.

– Ну, я отвоевал свое! Скоро буду там! – Капитан обратил взор к небесам. – Передай ребятам, пусть простят меня за жесткую требовательность! Без этого нельзя в нашем деле! Поймите и простите! Не поминайте лихом! Живите, ребята!

Я помню только, что горячо кивал ему в ответ. Сердце мое растаяло, от былой неприязни и обид не осталось и следа! Теперь я его искренне жалел и желал, чтобы он остался жив! Да ведь он оказывается тоже человек, наш боевой, отважный товарищ! Он еще раз улыбнулся, преодолевая боль, и тихо умер.

Мы долго поминали его добрым словом. И нам было даже немного стыдно за те чувства неприязни! Вот такая она штука жизнь – неоднозначная, нелогичная, порой не вмещающаяся ни в какие рамки!

И мне всегда хотелось взобраться на самую высокую точку в мире, на Джомолунгму, в космос, и оттуда донести свой крик души всему человечеству! Именно человечеству, а не отдельному государству и народу!

Люди мира! Зачем вы делаете плохое другим, зачем ежедневно расстреливаете друг друга пулей – словами, нанося душевные раны, причиняя боль и страдания, зачем убиваете друг друга на бессмысленных войнах? Почему один народ хочет поработить другой народ, вторгается в чужие земли, наводит свои порядки насильно, угнетает и эксплуатирует? Остановитесь, люди, живите сами и дайте жить другим! Ведь судьбы всех людей взаимосвязаны, у нас у всех один-единственный ковчег-приют – планета Земля в безграничном океане космоса. А она, добрая матушка Земля, может и не вынести всю тяжесть энергетического и физического негатива, который исходит от человечества. И тогда наступит конец всему! Настоящая дружба бывает только между равными, а настоящая свобода начинается с уважения свободы других! А по-настоящему счастливыми люди будут только тогда, когда счастливы все!

Но я прекрасно понимал, что это только благородный порыв моей доброй души. А жизнь, история показывают обратное. И я

недоумевал – неужели это есть неизменный, трагический путь человечества, как сизифов труд, и альтернативы этому нет?! Может, мы прилагаем недостаточно усилий для того, чтобы жизнь стала лучше, чище?!

И после долгих мучительных раздумий, душевного смятения и борьбы я принял твердое и окончательное решение – очистить мир от всякой мрази и беспощадно бороться за справедливость!

Но как?

Уничтожать мерзавцев? Убивать убийц и отмороzków?

И, признаюсь, мне хотелось так и сделать. В своей необузданной фантазии я придумывал разные новые оружия и методы расправы с негодяями всех мастей!

Но какой смысл в такой борьбе, в такой справедливости? Ведь тогда ты сам становишься монстром, врагом человечества?!

Но что я могу сделать с моей раненой душой, которая так жаждет возмездия и желает всем злодеям такого же несчастья?

Мучился я над этим вопросом долго.

Ненависть и совесть

И вот однажды я переходил дорогу на своей коляске и чуть-чуть не успел: светофор замигал и загорелся красный свет. Машина, с нетерпением ожидавшая свой зеленый, рванулась было с места. Чуть не сбив мою коляску, резко затормозила.

– Ты че, обрубок несчастный, калека проклятый! – донесся до меня грубый окрик. Обернувшись, я увидел искаженное от злости лицо тучного водителя. Он продолжал хамить: «Не валяйся тут под ногами и не мешай жить нормальным людям! Твое место на мусорной свалке!»

Я уже переехал на другую сторону. Такое оскорбление вывело меня из себя, и я, выматерив этого мерзавца как следует, плюнул в его сторону. Отвел душу и покатился дальше. И вдруг кто-то остановил меня сзади, схватил за глотку да так сжал, что я начал задыхаться. Все в глазах поплыло, я начал терять сознание. Но тут он отпустил меня и начал опрокидывать коляску. Я облегченно вздохнул и крепко схватился за поручни. Прохожих было много, но никто не стал вмешиваться, все обходили нас и поспешно удалялись, как будто ничего не видели. Вдруг всю эту немую сцену пререзал звонкий голос женщины:

– Да как вы смеете! А ну прочь!

Я почувствовал сильный рывок, и через мгновение – облегчение. Повернувшись, увидел, как огромный монстр пошел с матом и поднятыми кулачищами на мою спасительницу – стройную немолодую женщину. Я кипел от ярости и беспомощности, а женщина спокойно отступила на несколько шагов, вытащила из сумочки баллончик и ударила струей газа прямо по жирному лицу толстяка. Тот ничего толком не понял, наглотался газа и медленно, как обмякший мешок, начал оседать на тротуар и остался лежать там. Женщина подтолкнула мою коляску и быстро, нервно проговорила:

– Скорее уходим отсюда! Полежит и очухается сволочь! Ну, озверели люди... совсем совесть потеряли! Стыдились бы себя самих! Что поделаешь, люди без совести – это нелюди! Вот вернуть бы совесть многим, кому следует, то и мир стал бы намного справедливее!

– Дайте ему пинка по голове, пожалуйста! За меня! – попросил я ее.

Она посмотрела на острые носки своих туфель и решительно покачала головой.

– Нет! Тогда мы сами станем подонками! Мечь и ненависть к добру не приведут! Помните это и берегите себя!

Я поблагодарил смелую добрую женщину, и она, помахав мне маленькими ручонками, ушла своей дорогой. Но ее слова, сказанные в порыве чувств, с огромной энергетической силой, глубоко запали в мою душу.

Долго думал я над этим эпизодом, особенно над ее словами о людской совести.

А ведь общеизвестно, что самое страшное наказание – это угрызения совести! Совесть – штука хитрая, она живет где-то в глубине души, ее нельзя увидеть глазами, нельзя схватить руками и выбросить вон. От нее не убежишь, не спрячешься нигде. Ее невозможно вытравить химией, вылечить облучением, антибиотики на нее не действуют. И вот она пробуждается и начинает неустанно мучить человека за совершенные им злодеяния. Единственный способ победить ее – не переступить ее, не допускать низменных поступков. Правда, можно ее заглушать на время выпивкой и наркотой. Но все это обман, временные меры, и в конце концов она берет свое с удвоенной силой. Никто не может помочь человеку победить ее, человек остается один на один со своей совестью, и она медленно, но уверенно загрызет всю его душу, если человек

не раскаивается искренне и не попросит прощения у тех, против кого было направлено его зло, и у создателя, и не начинает творить добрые дела!

Анализируя всесторонне, я пришел к выводу, что это произошло не случайно. Судьба преподала мне наглядный урок и указывала путь!

И еще она показала мою полную беспомощность и незащищенность!

Я начал думать обо всем подробно, детально и задал себя сакраментальный вопрос: что делать?

Надо определиться и действовать!

Но с чего начать?

И я начал с самого себя!

Я начал убивать убийцу в себе, в своей душе! И после долгой, упорной душевной и умственной борьбы вместо яда выбрал лекарство!

Это была моя великая победа!

А кто побеждает себя, тот побеждает во всем!

И наконец, после долгих и мучительных раздумий, духовных и интеллектуальных исканий нашел! Нашел идеальный метод борьбы со всем злом на свете!

Надо пробуждать совесть в людях! И чувство справедливости!

Но как? Как быть, если у человека эти чувства загнаны так глубоко и подавлены абсолютно? Еще хуже, если их нет вовсе?

Да надо просто воздействовать на них очень сильно и заставить стыдиться и думать о справедливости!

Я с особым рвением начал изучать химию, кибернетику, электронику, нанотехнологию. Также налегал на биологию, где почерпнул много полезных знаний и идей по вопросам бактериологического и генного оружия.

Ни в какие организации не вступал, ни с кем не делился мыслями, никого не посвящал в свои дела. Стал эдаким волком-одиночкой, строгим, справедливым, свободным и абсолютно секретным.

И придумал уникальный аппарат, который, воздействуя специфически, насильно пробуждает совесть у человека! И ему становится стыдно за свои злодеяния! Такой неприметный маленький компьютер направляет Н-частицы. Они всесильны в союзе с веществом Х., которое я открыл в результате долгих исканий и держу в строжайшей тайне. Х. надо предварительно ввести в кровь челове-

ка в мизерной, пусть даже микро-доле, и направить на него Н-частицы от компьютерчика, которые с любого расстояния, невзирая ни на какие препятствия, воздействуют почти мгновенно. В мозг, на центральную нервную систему, во внутренний мир, на душу, на биополе, ауру, энергетическую структуру, чакры, жизненный центр, называйте как хотите, вместе с Н-частицами идет мощная команда-сигнал: «Как тебе не стыдно! Что ты натворил!? Остановись! Это несправедливо! Подумай, прежде чем совершить! Крепко подумай о последствиях! Не будь таким бессовестным!»

И человек меняется на глазах. Ему становится стыдно за свои несправедливые поступки и злодеяния. Он раскаивается, испытывает ужасные муки совести, отказывается от всяких злых намерений и начинает призывать всех к добру.

Недостаток и опасность этого аппарата в том, что человек, подвергшийся этой атаке, потом будет всю жизнь испытывать угрызения совести за все содеянные им преступления и в дальнейшем будет стыдиться даже за самые маленькие прегрешения. Ну что же... лучше угрызения совести, чем всемирная грызня! Пушай себе стыдится, лишь бы не уничтожал и не унижал других!

Я поставил себе цель и методично, точно атаковал самых опасных для человечества персон, пробуждая в них совесть и перделывая их.

Норазве небезнравственно мучить человека всю жизнь угрызениями совести?!

Да, может быть! Но пусть лучше люди испытывают муки совести, чем бессовестно будут уничтожать себе подобных!

Я еще крепко подумал о том, что моя инвалидная коляска оказалась совсем беспомощной, беззащитной от любого посягательства хамов и извергов.

И я создал свою чудо-коляску, мою обитель-крепость! Мне ее любезно изготовили на военном заводе мастера своего дела как спецзаказ, по моему проекту за сносную цену. Четырехколесная, около полутора метров в длину и около метра в ширину, с изящным рулевым управлением, ручными и ножными педалями движения и тормозами, со стеклянными окнами и передвижным тонким, но прочным тентом – защитой от жгучих солнечных лучей и дождей – наверху. Спинка кресла была высокая, она полностью закрывала и защищала спину, плечи и голову. Колеса были широкие, с жесткими каучуковыми протекторами, цельные. То есть, не было необходимости надувать шины воздухом и бояться проколов.

Мягкое, легкое, комфортное кресло при желании откидывалось до горизонтального положения, и коляска превращалась в спальню! В металлический корпус были приделаны множество тайников разного размера, предназначения которых было известно только мне. Она имела еще три батареи-аккумулятора на сорок восемь часов работы. То есть, в случае усталости или трудностей, да просто при желании, я мог включить аккумуляторы, и моя коляска катилась со скоростью до сорока километров в час под воздействием электричества. А по ходу движения они накапливали выработанную электроэнергию, и коляска не боялась непроглядной ночной темноты – две маленькие, но мощные фары освещали ее путь. К тому же она была двухместной, ну не могу же я оставить на дороге желающую ехать ко мне в гости милую подружку! Не коляска, а прямо маленькая БМП! Это еще не все – она была непотопляемой! То есть, при необходимости могла поплыть как лодка, катер! И назвал я свою чудо-коляску Янгалибус! Во-первых, подражая легендарному Наутилусу, во-вторых, чтобы всегда помнить того, кто усадил меня в эту коляску. То есть, Янгалибус означает, что настоящим автором этого средства передвижения является генерал, политик Янга Ли Мжанба! Изготовители прикрепили металлическую табличку с выгравированной надписью на латыни прямо на двери.

Хитроумные специальные устройства были надежно припрятаны везде, особенно в трубчатых сетчатых ручках коляски.

Оригинальность Янгалибуса была в том, что она ни на кого не нападала. Она защищалась! Защищалась хитроумно, изящно! Если кто-нибудь напал на нее, она мгновенно реагировала, ее защита срабатывала автоматически и давала отпор! То есть, атака агрессора оборачивалась против него самого же, и он получал по заслугам!

В самом начале пути Янгалибуса была очень серьезная преграда в лице дорожных полицейских. Два сержанта и капитан придрались к этому странноватому средству передвижения. Они остановили меня в оживленном центре города и отвели в сторону. Долго разбирались со мной, пытаюсь понять, что это такое и к какому виду транспорта отнести.

– Чудесно! Мини-машина, коляска, квадроцикл или тарантас? Куда прикажете пристроить, к какому виду приписать? – тарачил глаза бравый капитан. – Он не вмещается ни в какие рамки правил дорожного движения и технического арсенала. Такого нету нигде!

– Так не было, теперь есть! – возразил я сдержанно. – Надо вам расширить эти самые рамки и границы понятия!

– Расширить-то можно! – нашелся капитан. – Но вот только надо определиться, где и в каком статусе вам ездить? По тротуару, как инвалидная коляска, или по дороге, как транспортное средство?

Вопрос был резонный, и можно было его решить разумно и справедливо. Но парни перегнули и начали создавать волокиту с определением статуса Янгалибуса и законным оформлением этого еще неопределенного определения. Мне все это надоело и пришлось пробудить у них совесть, после чего они много раз извинились и сами начали хлопотать о законном оформлении документов. В результате их стараний мой Янгалибус получил исключительные права на беспрепятственное передвижение по дорогам, тротуарам и рекам страны в любое время. Ставшие вдруг сердобольными бюстители порядка хотели даже выхлопотать для моей коляски-крепости право свободного полета, но не получилось, да и не нужно было.

Таким образом, мой Янгалибус стал законным уникальным средством передвижения и проживания. И словно капитан Немо, бороздивший мировой океан на своем Наутилусе, я бродил среди людей на своем Янгалибусе. И никому в голову не приходило, что молодой инвалид замышляет такие дела. Наоборот, люди жалели меня, некоторые даже чувствовали себя в чем-то виноватыми передо мной и всячески старались помочь мне передвигаться, охотно брались за ручку и подталкивали до нужного места. И все генералы мира не догадались бы, что таким образом я преобразил сто тридцать семь фигур! Дело в том, когда нужный мне объект касался ручки моего Янгалибуса, я всегда использовал прием «кольцо Борджиа» и таким образом вводил в него микрочастицу Х. А затем дело техники – направлял на него частицу Н, и все! Этот злодей сгорал от стыда, корил себя за все свои злодеяния и мучился, мучился страшно до тех пор, пока не покаялся и не встал на путь праведный. И начал бывший преступник творить добрые дела, смывать свои грехи.

Судьба вручила мне пару костылей для опоры, и я решил выжать из этого максимальную пользу. Они стали для меня тренировочными снарядами и боевым оружием. По спецзаказу изготовили мне складные трубчатые костыли. Их можно было удлинять или сокращать по надобности – одна труба входила в другую. Можно

было использовать их как дубину, как железный блок. Кончики внутренней трубы были заострены и при необходимости одним ловким движением костыль превращался в настоящее копьё! В корпусе было много дырок, где припрятаны разного рода хитрейшие приспособления для атаки и защиты, о чем распространяться не буду по понятным соображениям.

И так около пяти лет я мучился и боролся. Огромным усилием воли заставил себя ходить в протезе. Да так приноровился, что мог танцевать и никто не заподозрил, что я – инвалид. Но без коляски и костылей всегда бывало туговато, и я пользовался ими постоянно, по своему усмотрению.

Наверное, звучит парадоксально, но и контузия была моей привилегией. Я бережно хранил соответствующую справку из медучреждения об этом и при малейшем недоразумении с людьми, особенно с полицией, предъявлял ее. И все немедленно оставляли меня в покое и поспешно удалялись. С контуженного какой спрос? Самый лучший способ уйти от ответственности, от общественного и семейного груза обязанностей – это быть психологически неадекватным, душевнобольным, по-народному просто и точно – чокнутым. Это идеальная психологическая маска! Представьте, на вас нет никаких обязанностей, вы не отвечаете за свои поступки и проступки, даже за преступление, все о вас заботятся, вас боятся, сторонятся, вы можете себе позволить любые выходки почти безнаказанно. Правда, есть опасность, что можно нарваться на такого же, как вы сами, но обычно чокнутые быстро находят общий язык и каким-то удивительно тонким чутьем сразу понимают, что к чему.

И самое главное открытие, которое я сделал и которое давало мне исключительную силу духа то, что инвалид не считает себя инвалидом! То есть, он может быть калекой телесно, но душой он не калека! Душа не может быть инвалидом! Вам этого не понять, мистер Янга Ли Мжанба, ибо вы никогда, ни на мгновение не задумывались над судьбами жертв ваших военных новаторских идей и захватнического бреда! А если бы подумали о тех десятках, сотнях тысяч, миллионах судеб, искалеченных войной, то бы поняли, что главные калеки – это вы сами! Да, да, можно как угодно называть, но души, способные на такие уродливые и ужасные дела, действительно ненормальные!

Мне иногда кажется, что все люди в какой-то мере с заскоком, ненормальные, и весь мир – какой-то дурдом.

И мечется моя больная душа в этом безумном мире и мучается бесконечно!

Но невзирая ни на что, бродил я по этому миру на своем Янглибусе, подобно капитану Ахаву, бороздившему по океану в поисках своего кровника – белого кита по имени Моби Дик. Если по справедливости, не белый кит пришел домой к героическому капитану, оскалив свою огромную пасть, а капитан охотился за ним. Но Моби Дик был безобидным существом по сравнению с тем монстром, перемоловшим мою судьбу. И я бродил один среди людей, как живой упрек, как жертва и свидетель человеческой жестокости и безумия, и пробуждал у людей совесть одним своим видом. А у кого она слишком крепко спала, пробуждал насильно! Таким образом, уничтожая в них злое, преображал их через совесть и чувство справедливости!

Гениальный злодей

Первый раз я применил свой метод против моего эксцентричного друга Януса, с которым вместе учился, рос. Он был фантазером, мечтал о величайших открытиях для человечества и очень сильно хотел остаться в истории личностью номер один всех времен и народов. Это задевало меня, и вначале, когда он об этом говорил, мы сильно спорили и в конце обязательно били друг друга морду. Но затем я как-то смирился с этим, и только иногда возражал его передовым, то есть бредовым, идеям. Пусть себе бредит, я ведь не обязан разделять его бремя, мудро решил я и отстранился от его вечных исканий. А фантазер он был несусветный! О чем бы он ни говорил, за что бы ни брался – ему обязательно надо было что-то открывать, ошарашить весь мир. Слушая его эмоциональное словоблудие, мне казалось, что все бредовые идеи сегодняшнего дня принадлежат ему. Он мастерски присваивал себе, обрабатывая до неузнаваемости, все откровения сомнительного толка современных сумасбродов, то есть был еще и прирожденным плагиатором.

И вот однажды Янус похвастался, что придумал нечто такое, что позволяет получать урожаи фруктов и овощей до десяти раз в год и притом в десятки раз большем объеме, чем в природе. В пылу бахвальства он поведал мне, что собирается семена всех живых растений обрабатывать уникальными соединениями радиационных и бактериохимических элементов, что даст нам гигантские

плоды-мутанты. И тогда он завоюет весь мировой рынок дешевыми и свежими овощами и фруктами круглый год. Самое главное: энные вещества, внедренные в эти плоды, влияют на клеточном уровне на психогены и управляют ими по заданной программе. А народы, потребляющие эти продукты, постепенно становятся тихими, безликими, послушными гражданами-рабами, исполняющими любую команду, исходящую от хозяина энного вещества, то есть его. И, таким образом, он становится практически владыкой мира! А если кто и воспротивится, он посылает сигнал смерти, и эти люди тихо, незаметно покидают этот мир.

Я содрогнулся от ужасной фантазии неистового друга, но все-таки не верил в реальность этого и думал, что он опять бредит по своей привычке. Мои сомнения заделали его и разожгли пуще прежнего, и Янус стал доказывать мне свою правоту. Дошло до того, что он показал мне свою секретную лабораторию, готовые продукции и двух бомжей, живущих здесь же в вольерах и питающихся этими плодами. Для пущей убедительности он послал им через эфир секретные сигналы-команды со своей электронной спецаппаратуры, бомж и бомжиха стали медленно, театрально раздеваться. Походили полуголыми, демонстрируя публике, то есть мне, самые постыдные части своего тела и наконец начали открыто совокупляться. Смотреть на это было невозможно, я отвернулся. Он восторжествовал, увидев мое отвращение.

– Нет, ты еще не понимаешь супергениальность моего открытия! – воскликнул он в экстазе. – Люди покупают свое рабство и деградацию, болезнь и смерть за свои же деньги! И я становлюсь самым богатым человеком планеты и завоюю весь мир без единого выстрела!

– Но это же угроза для здоровья человечества, ведущая к уничтожению всего!

– А зачем вообще это человечество? Оно нам нужно только для прибыли и в качестве рабов! – истерично засмеялся Янус. – Вообще-то я иногда немножко люблю людей за их наивность и глупость, за то, что легко дают нам себя обмануть и быстро, податливо становятся послушными рабами тех, кто их надует и управляет ими!

Я похолодел от страха за судьбу мира и возненавидел смертельной ненавистью Януса и его открытие. В сознании, как вспышка молнии, блеснула мысль: вот тебе случай спасти мир, очистить от мрази. И я сразу решил уничтожить в нем врага чело-

вечества и его открытие в самом зародыше, пока оно не распространилось.

Незаметно достал из тайника Янгалибуса свое секретное оружие и применил его против них. Мистер Янус и двое бомжей в мгновение ока застыли на месте. В следующий миг я направил на них Н-частицы из крохотного компьютерчика, и сразу же они переменились! О-о, это надо видеть своими глазами! Они сначала содрогнулись от взрыва запрятаных и подавленных в глубины души совести и чувства справедливости! Янус обхватил свою кудрявую голову двумя руками и сжимал с такой силой, что мне слышался хруст его черепа! Бомж и бомжиха быстро оделись и катались по полу, готовые провалиться сквозь землю. Затем Янус решительно сжег лабораторию вместе с плодами, со всей документацией и молил Всевышнего, чтобы ни капельки информации об этом секретном плане не просочилось в наш безумный мир.

А последствия моего воздействия были таковы: Януса замучила совесть, и он ушел в религию вместе с двумя бродягами. Вот так-то, оказывается, гений и злодейство совместимы, если нет совести!

И так я впервые переступил черту и стал борцом за справедливость, спасителем человечества, а по-вашему – просто насильником-экспериментатором. Но ведь с таким же успехом и вас, политиков-генералов можно назвать террористами-убийцами, экспериментирующими на судьбах не только отдельных людей, но и целых народов! И это даже больше соответствует истине. Разве неправда, что вы уничтожаете под названием очистки от нечисти целые дома, кварталы, селения? И под вашими бомбовыми и артиллерийскими ударами погибает мирное население? Самое страшное в вашей войне – и ваше, и их оружие не выбирают, кто виноват, а кто нет. И гибнут невинные люди, причем массово! А я, в отличие от вас, высокопоставленных особ, выбираю и наказываю конкретных виновников человеческих несчастий, нанося точно рассчитанные удары и, хотя насильно, превращаю их в совестливых, тихих, мирных граждан!

Альтернатива

Я понимал, конечно, что задача, которую я возложил на себя, по большому счету, ненормальная. Но все равно та маленькая реальная польза от моих деяний оправдывают сумасшедшие порывы

моей души. Правда ведь, действие, направленное на защиту справедливости, пусть даже порой безумное, лучше, чем абсолютное равнодушие. Это была альтернатива.

Об альтернативе стоит поразмышлять. Удивительная штука – мир мыслей, и чем глубже в него погружаешься, тем чаще открываются поразительные, порой даже парадоксальные вещи. Вот посмотрите сами вокруг. Некоторые люди создают себе имидж борца за справедливость и совесть, ратуют за народ, активно критикуют власти. Причем критикуют власти как некий образ виновника всех бедствий в этой жизни абстрактно. То есть, нет конкретности. И все, даже представители этой самой власти, делают то же самое. А никто не называет конкретных виновников конкретного случая. Теперь дальше. Вот эти же якобы борцы за народ, якобы выступающие против власти, спокойно якшаются с представителями этой же власти, получают от них дивиденды, награды и благодарят в три поклона благодетелей от этой же власти! Какая альтернатива, какой парадокс!

Любовь в поезде

Однажды я ехал в двухместном купе люкс-вагона скорого поезда. Дорога была дальняя, и я специально выбрал поезд, чтобы по дороге хорошенько выспаться, отдохнуть от суеты и тревог.

И вдруг вошла она... прекрасная, удивительно обаятельная. Мы поздоровались, и она сказала:

– М-м, да... Почему-то нет женских вагонов, купе в этом поезде! Что делать, может поменяться с кем-то?

Проводница развела руками, мол, не с кем, и ушла. Она нехотя начала устраиваться.

– Вы чем-то обеспокоены? – спросил я дружелюбным, смешным тоном. – Я вовсе не собирался напугать вас! Но ваша тревога невольно наталкивает на многое!

Она засмеялась...

И тихо назвала свое имя:

– Жанмила Токанато!

Такое милое, редкое имя врезалось в мою память и осталось навеки – Жанмила Токанато!

Придерживаясь правил конспирации, мне пришлось назвать свое вымышленное имя.

Она оказалась международной журналисткой, пишущей на политические и военные темы. Мы разговорились. И разговор у нас был интересный, на разные темы.

Речь зашла о свободе слова.

– Что мы понимаем под свободой слова? – спросил я с наивным видом.

– Гражданин свободной, демократической страны должен иметь полную свободу слова! То есть, он вправе выражать свои мысли и чувства открыто, публично, говорить то, что считает нужным, правильным. Одним словом, говорить то, что захочет! – корректно отчеканила политкорреспондент.

– Вы полагаете, что человек волен говорить и делать то, что захочет? То есть, что приходит ему на ум? А как слово отзовется в душах людей? А если это его свобода ущемляет права других? Разве человек может быть свободен оскорблять, унижать, издеваться словесно над другими? И как быть, если абсолютная свобода слова пробуждает ненависть и злобу у других?

Жанмила слушала меня внимательно, не перебивая. Ее светлые глаза выражали сочувствие и понимание. Я чувствовал, что мои слова нравятся ей, мои мысли находят отклик в ее душе, поэтому мне хотелось говорить и говорить умные, хорошие слова такой чуткой спутнице. Я так воодушевленно, так откровенно не разговаривал давно! И речь лилась из меня!

– Зачем вам, просто говоря, играть на нервах? Тем более, если эти нервы могут взорваться от возмущения и взрывать города! – откровенничал я. – Не лучше ли быть деликатным, говорить, писать в согласии с разумом и совестью? Вы, журналисты, должны успокаивать бурлящий мир, а не поджигать, не подливать масла в огонь! Полмира и так в огне! А в погоне за жареными фактами, некоторые ваши братья по цеху готовы даже жарить шар земной! Вот скажите честно, разве не кощунство рисовать и публиковать карикатуры на пророка Мухаммеда? Я считаю, что это не просто кощунство и бесстыдство, а преступление против человечества! Потому что это и есть разжигание межрелигиозной вражды! Хотите верить, хотите не верить! Но высмеивать, тем более оскорблять священные чувства других никто не имеет права! А каковы будут последствия, вы об этом думаете, отдаете себе отчет, а, господа свободословные!?

Жанмила посмотрела на меня пронзительным взглядом.

– Я согласна с вами! – сказала она, с грустью в голосе.

Ее внимание и добрые глаза вдохновили меня пуше прежнего.

– А почему бы нам не примерить на себе и претворить в жизнь девиз древнего мудреца Солона – ничего чрез меру? Ведь правда: передозировка превращает лекарство в яд!

– Мне иногда кажется, что человечество все время бешено бросается из одной крайности в другую, – заметила она многозначительно.

– Есть только одна абсолютная свобода, которая не вредит никому. Свобода совести!

– Это действительно так или все-таки есть какие-то нормы общепринятой морали? Не означает ли абсолютная свобода совести распущенность и разгул бесстыдства? – спросила она, неожиданно внося новый смысл в нашу беседу.

– Нет, нет, нет! Наоборот, свобода совести должна сдерживать, оберегать людей от позорных поступков! – с жаром возразил я. – Вот мы все созданы любовью. Любовь – это жизнь! Все люди любят! Но она тем и прекрасна, что таинственна! Подумайте сами, какой народ, какой уважающий себя человек позволит себе прилюдно целоваться, тем более заниматься любовью?

Она задумалась и покачала головой, ее волосы заволновались, раскачивая и унося с собой мои чувства.

– А тогда почему это делается на экране, на виду у миллионов зрителей? Вот это и есть бесстыдство! Мы унизили, растоптали женщин! Мы их раздели публично и показываем в самых бесстыдных, позорных позах!

Жанмила тихо вздохнула. Замолчал на миг и я. Но, конечно, не мог остановиться и продолжил разговор о совести в иной плоскости.

– А сколько ненависти пробуждают войны? Вот вы пишете о войне... И вы считаете это справедливым? Когда ваше правительство отправляет свои войска – вооруженную до зубов, обученную убивать современную могущественную армию на порабощение и уничтожение малых народов, что вы пишете? Воодушевляете молодых солдат в своих статьях, где желаете им скорого возвращения домой с победой, да? Матери, провожая своих сыновей на войну, желают им того же самого!

– А что, они должны пожелать им другое? – с иронией возразила она.

– Вы что, не осознаете, что они благословляют сыновей на убийство, желают, чтобы другие матери осиротели и оплакивали

своих детей? Вопрос в том, что их победа – это поражение, гибель другого народа! Вы это приветствуете и вправду восторгаетесь, а, военно-политическая журналистка Жанмила Токанато?

Ирония слетела с ее лица, она загрустила. Задумался и я, но, признаюсь, на душе стало легче.

Волей-неволей наш разговор перешел опять к мужчинам и женщинам.

– К пророку Мухаммеду пришел мусульманин и сказал, что разводится с женой, – начал я новую тему. Жанмила заинтересовалась. – Совсем уж кривой характер у нее! Что ни потребую, она делает по-своему! Неисправимая! Я больше не вынесу этого!

Пророк лучезарно улыбнулся и изрек:

– Всевышний создал женщину из ребра мужчины. А ребро-то кривое! Поэтому не старайтесь выпрямлять его – можете сломать! А используйте с умом в превозданном виде!

Мусульманин засмеялся и понял глубокий смысл слов пророка, помирился с женой и зажил с ней нормально. Так вот, женщины прекрасны своей естественной кривизной. Только не искривляйтесь, пожалуйста, искусственно еще больше!

Жанмила от души засмеялась – в этот миг она стала еще красивее.

– Равенство между мужчиной и женщиной предусмотрено самой природой. Они как две половинки – друг без друга не бывают. Но каждый прекрасен на своем месте, то есть мужчина должен оставаться мужчиной, женщина – женщиной! Тогда все будет в гармонии. Но когда женщина начинает превращаться в мужчину или наоборот – нарушается естественный ход жизни!

– Постараюсь быть на своем месте! – ответила она с юмором, и я понял, что мои мысли ей понравились.

Оказывается, ночь наступила давно, незаметно. Пришло время отдыха. Я деликатно вышел.

Когда вернулся, она уже лежала в постели. Я переключил яркий свет на полутемный и начал возиться с чайником и стаканами.

– Надеюсь, у вас нет плохих намерений? – спросила Жанмила певучим завораживающим голосом.

– Конечно, нет! У меня самое благое намерение, которое знало человечество со дня своего появления на земле! – ответил я полупуштя. Она с удивлением взглянула на меня своими чарующими очами. – Я хочу вас... – продолжил я. Она застыла от волнения и удивления. – ... угостить кофе... в постель!

И начал готовить кофе.

– Но кофе в постель подают только по утрам! – вздохнула она смеясь.

– Я не могу ждать до утра! – так же весело ответил я.

– Кофе на ночь! Потом спать не буду!

– А я как раз и хочу, чтобы вы не спали!

Жанмила со смехом взяла чашку, и мы вместе пили кофе.

– Не спокойной ночи! – пожелал я ей, выключая свет. Она от души, тихо, приятно засмеялась. Смеялся и я. И вот так мы, радостные, опьяненные чувством любви, молча, нежно обнялись. Целовались мы долго, все крепче прижимаясь, чувствуя волнение, дрожь друг друга. И вот он, самый сладкий, счастливый миг жизни, а мне еще предстояло в который раз испить горькую чашу своей участи. Я ведь должен был, как всегда, снять протезы с обеих ног! С невероятным сожалением, горечью я торопливо избавился от них и обнял Жанмилу. Она все поняла, но не подала виду, еще крепче обняла меня, закрыла глаза и с жаром отвечала на мои поцелуи...

Назавтра она сошла с поезда раньше меня. Мы обменялись телефонами, нежно простились, предварительно договорившись встретиться снова.

Моя душа пела, и охваченный радостью, через некоторое время я позвонил ей. Хотелось еще раз услышать мелодичный, ласковый голос, поделиться порывом нежных чувств.

Но ее телефон был отключен. «Может, вне зоны связи?» – подумал я и с нетерпением стал звонить ей через каждый час. Ответа не было! Мне стало тревожно. В конце концов, она бы увидела мой звонок и ответила! Да, если только захочет... Сомнения начали закрадываться в мое сердце. Может, она уже выкинула меня из своей жизни? Да, скорее всего так, ведь за чем ей, красивой, цветущей девушке, инвалид без обеих ног? Или просто для нее это было мимолетным увлечением? Ну что же, взаимно! – утешал я себя. Но это был самообман! На самом деле я осознавал, что полюбил ее по-настоящему! Тем более стал тревожиться за нее – а может, случилось что-то нехорошее? Мало ли чего в наше буйное время.

По приезде в свой город я начал активно искать журналистку Жанмилу Токанато во всех редакциях страны и по Интернету, в адресных бюро. Но имя Жанмила Токанато нигде не значилось! Она попросту исчезла! Или, может быть, ее не было вообще?!

Так и оставила меня в недоумении, под грузом безответных вопросов моя любимая. Она, как глоток чистой родниковой воды в

мутном потоке жизни, как спасительный кислород задыхающему-ся пациенту в реанимации, освежила мою душу, оживила усыхающие нежные чувства. И таинственно исчезла!

Интуиция

Небеса одарили меня исключительной интуицией, а годы напряженной борьбы со всякого рода врагами человечества довели ее до фантастики. Я мог чувствовать намерения нелюдей на расстоянии, чувствовать опасность, агрессию и скрытые волны нервного напряжения всем нутром, слухом и нюхом. И почти безошибочно определял отморозка или отъявленного душегуба среди массы людей в светливой обстановке городской жизни.

Однажды в сумерках я сидел в своей коляске-крепости на набережной. Люди спешили домой после работы, им было не до меня. Я тихо двигался, нажимая на ручную педаль и любовался все еще красноватым после заката горизонтом. И вдруг почувствовал своей фантастической интуицией, что рядом очень опасный тип. Сбросив волнение, тихо, спокойно начал осматриваться по сторонам и благодаря хорошо развитому боковому обзору, увидел идущего чуть позади верзилу. Он сразу показался мне странным, и когда, обогнав меня, попал под прямой обстрел моих наметанных глаз, я понял по его осанке и походке, что он несет в себе нечистую силу, а может, даже смертельный груз. Не мешкая, я окликнул его, прося помощи. Он вначале как-то остоленел, затем медленно развернулся и пошел ко мне. Шаги его были невероятно тяжелыми. Когда он неуклюже подошел ко мне, я встретил его абсолютно кротким видом и мирным голосом попросил его подтолкнуть коляску до тротуара. Видно, он был еще не законченным отморозком и поспешил сделать доброе дело. Когда он взялся за ручку Янгалибуса, сработало «кольцо Борджиа», чего он вообще не заметил. Я направил на него Н-частицы совести. И, о чудо, в следующее мгновение он начал разговаривать со мной.

– Инвалид... войны или так? Плод пьянки... или авантюристической аварии?

– Пушечное мясо! Результат бессмысленной бойни! – в тон ему ответил я. Это ему так понравилось, что он крикнул.

– А-а! Знаешь что, давай выпьем виски... поговорим по душам, а! – предложил он умоляющим голосом, и как бы боясь, что я могу отказать, побыстрее покати меня к берегу.

На берегу ночного моря мы выпили и долго, откровенно беседовали. Вернее, изливал душу он, что было естественно для подвергшегося влиянию Н-частиц совести человека. А я слушал и поддакивал, наслаждаясь очередной победой над злодеем. Оказывается, он шел взрывать вокзал. И ему в этот момент стало страшно стыдно. Он рассказывал о своих злодеяниях и муках совести. Разволновавшись, поклялся, что больше не сделает ни одного выстрела, взрыва, вообще, больше не хочет, не желает обидеть и мухи.

– Все! Я не хочу больше воевать, тем более убивать, уничтожать мирных людей! Я клянусь, я завязываю!

С этими словами разгоряченный выпитым виски мой новый знакомый расстегнул легкий длинный плащ и отстегнул тяжеленный пояс – около пуда взрывчатки! Он, пошатываясь, шагнул в воду и бросил все это в море, как можно подальше от берега. Море всколыхнулось и поглотило смертоносное оружие. Мы оба облегченно вздохнули и выпили. Ее величество всепроникающая вода обезвредит окончательно чудовищное взрывчатое вещество.

Трест очистки

Я открыл неофициальный трест очистки в Интернете. Написал весьма странное, но понятное всем объявление:

«Всем желающим справедливости!

Напишите про тех, кто заслуживает наказания за какие-то преступления и духовного очищения через совесть вот на такой-то такой-то сайт!»

И потекли сообщения о тех, кто портит мир и подлежит пыткам совести. Меня бросало то в жар, то знобило от людской жажды справедливости и ненависти к себе подобным. Столько всего было написано! Даже при грубом подсчете, не хватило бы нескольких жизней, чтобы проделать эту работу по очистке не только планеты, но и страны, даже если сделать по сотни дел в день.

Люди указывали друг на друга. Судя по этим указаниям, следовало вообще подвергнуть все человечество угрызениям совести! Некоторые даже прямо так и заявляли, что надо очистить весь мир через совесть! Предлагали оказывать воздействие на всех подряд! Без разбора! «Да хватайте любого проходящего рядом и пробуждайте в нем совесть! Всем есть чего стыдиться! Мы, то есть все человечество, весь мир давно погрязли в таких грехах, что одной

очистки совестью вряд ли хватит!» – азартно, ожесточенно писали они. А один даже предложил создать «бомбу совести» типа ядерной, водородной и взорвать в атмосфере, чтобы ее частицы окутали весь земной шар. Получилось бы некое оружие массового поражения совестью. В принципе, идея неплохая. Действительно, если в результате взрыва такой бомбы все люди прозрели бы и начали жить по совести, то да здравствует такой взрыв! Но вот загвоздка: процесс очищения совестью необратим. И всю жизнь человека будут мучить угрызения совести, что само по себе тоже ужасное испытание. Было бы идеально, если человек постыдился немного, исправился и дальше жил спокойно. Но нет, этого не будет. Ее величество совесть достанет человека где угодно и когда угодно и будет пытаться за содеянное. Поэтому я не могу допустить этого – моя совесть не позволяет мне поступить с абсолютно незнакомыми людьми так бессовестно, так безжалостно! Но, с другой стороны, в одиночку, кустарным методом вряд ли возможно добиться больших успехов. Но все-таки лучше что-то маленькое, чем совсем ничего. И вот так, задавая себе морально-нравственные вопросы, не позволяя себе выпустить джинна из бутылки, я продолжал наносить точечные удары в бетонную стену бесстыдства!

Чего я не пережил за эти десять лет напряженной борьбы! Многого повидал, многих встретил. Были среди моих пациентов люди разных мировоззрений, религий, совершенно не похожие друг на друга по характеру, жизненному опыту, образованию. Но у всех была одна схожая черта – отсутствовали чувства справедливости и совести. Нет, они сами считали, что их дело правое и они поступают по совести! Они могли спорить до бесконечности о понятии справедливости и совести. Слушая их, можно даже подумать, что они правы. Но если отбросить всю словесную шелуху и постараться понять суть, то становится ясно, что каждый злодей подводит под себя эти глубоко нравственные вещи! Ну ясно же любому разумному существу, имя которого хомо сапиенс, что убивать людей, уничтожать целые народы, завоевывать чужие земли – это преступление! Но их переубедить было невозможно, поэтому я с легкой душой насильственно пробуждал в них совесть и чувство справедливости! После пробуждения вели они себя по-разному. Интересно было наблюдать за ними.

Один, например, ушел в религию. Он был тайным королем торговцев медикаментами! Вроде бы дело благородное, лекарство для людей. Но ведь это были таблетки-подделки, и в лучшем слу-

чае от них не было вреда. А в основном они тихо отравляли людей, усиливая их болезни. Да таких, играющих судьбами людей, просто к стенке надо ставить! Но обуздав свою ярость, я тихо, незаметно воздействовал на него Н-частицами совести, и он переменялся! Он признался, что его медикаменты никогда не излечивают полностью, а только частично облегчают страдания людей. Делается это для того, чтобы люди были зависимы от лекарств всю жизнь и покупали их продукцию! Таким образом, деньги больных бедолаг непрерывно текут в их карманы, обогащая и развивая их производство!

Однажды я пристыдил профессора бактериологии. Я его долго вычислял, преследовал незаметно и наконец добрался до него. То что поведал он после пробуждения совести, невозможно передать без содрогания. Многие бактерии, вызывающие опаснейшие болезни в последнее время и угрожающие всему человечеству, оказывается, изобретены самими же людьми – учеными, по заказу политических и военных ведомств в целях массового поражения противника, то есть других народов! Вот так-то! И эти господа ученые после пробуждения совести отправились, естественно, в дома умалишенных!

Всем известно, что химические отходы, отработанные газы и вредные минералы заводов отравляют воздух, воду и землю. Отравляют жизнь. Углекислые газы плотным, удушающим кольцом окутали всю планету. Озоновые дыры зияют угрожающе в небесах.

И мы не задумываемся о последствиях наших необузданных преступных действий... Нам не стыдно, что мы разрушаем природу, отравляем мир...

И я отравил отравителей мира целебными частицами стыда! Они очень изменились... Закрыли наиболее вредоносные заводы, отравляющие производства... Выделили огромные средства на очистительные сооружения...

Конечно, такое массовое прозрение среди магнатов, олигархов, политиков и военных не могло остаться незамеченным. Общество было в шоке! Как эпидемия, один за другим важные особы и персоны начали раскаиваться публично и призывать своих компаньонов и соратников к справедливости и совести. И началось расследование на самом высшем уровне. За дело взялся сам генерал Янга Ли Мжанба, то есть вы! Начали расспрашивать раскаявшихся, где,

когда и у кого они подцепили эту болезнь. Да, да, именно психической инфекцией окрестили пробуждение совести у людей!

Откровения обманщика

Политики вралы всегда.

Врут и сейчас.

Но все дело в том, что они врут правдоподобно.

Во-вторых, общество охотно верит в это вранье. Более того, оно хочет, чтобы его обманывали.

Сладкая ложь украшает суровую реальность бытия. Ложь и лесть – братья-близнецы, одного поля ягоды.

Агрессивная лесть идентична магии. Желание атакующего не обнаруживается внешне. Большинство атакуемых явно на грани абсурдной лести ищут таинства от космических абсолютов, не обсуждая верят в исключительность человеческой сущности своей. Сама по себе лесть – вещь приятная, но в меру. А когда она переходит границы разумного и становится образом жизни общества, срастается с политической деятельностью, то это уже опасная трагикомедия.

А ложь ищет маниакально желающих абсолютного неравенства особ, всех больших амбициозных Я. Неправда, громогласно, агрессивно льющаяся из тысяч организованных колонн, активно, непрерывно обрабатывает всех. И человечество всегда поддается этому сладкому искушению и начинает верить всему. Видя все это, иногда невольно задаешься вопросом – зачем бороться с ложью и лостью? Если это приятно, полезно людям, то пусть себя врут, подхалимничают и верят в это! Нам-то какое дело! Какой прок от горькой правды, когда так приятна сладкая ложь, смешанная с медовой лостью? А дело в том, что неправда, во-первых, вещь противная природе человека, а во-вторых, когда вранье становится политикой, то это опасно для страны, для будущего народа. Поэтому каждый патриот своей страны, каждый любящий свободу и справедливость деятель, да и любой порядочный человек должен, просто обязан изобличать ложь всюду и всегда!

И вот однажды мне удалось оказать влияние на президента одной большой, сильной державы. Представляю себе ваше лицо, мистер Янга Ли Мжанба! Вы, наверное, ухмыльнулись и заподозрили меня во лжи. «Эх, куда занесла этого бедолагу неумемная фантазия!

– подумали вы. – Да чтобы подойти к президенту любой страны нужно преодолеть столько охраны! Это нереально!»

Нет, вы меня не поняли, генерал! Он, господин президент, сам подошел ко мне! От неожиданности я чуть не вскрикнул! Во время празднества и народного гуляния в честь Дня Свободы, президент шел в окружении свиты и охраны по главному проспекту столицы. Люди махали ему руками, цветами, и он по своему усмотрению, поддавшись порыву чувств, время от времени подходил к народу и пожимал руки нескольким счастливым-верноподданным! И вдруг посмотрел на меня, скромно сидящего в своей уютной коляске-крепости Янгалибусе. Глаза наши встретились, я улыбнулся, и он улыбнулся и подошел ко мне. Пожал руку и начал говорить об улучшении в стране благосостояния бедных инвалидов и своей озабоченности их судьбами. Пахло от него дорогим одеколоном и вином. Может быть, он был по-человечески искренен в этот миг, но, конечно, это был его любимый пиар-ход, мастерски замаскированный напускной человечностью. Это меня всегда бесило, а в тот момент я чуть не вышел из себя. Мне хотелось выпалить ему в лицо весь заряд обиды и ненависти, но я улыбался, кивая головой. Конечно, у меня свое было на уме, и я попросил его сфотографироваться со мной. Президент встал рядом, чуть впереди, как и подобает ему, а правой рукой взялся за ручку моей коляски. Я все точно рассчитал – ну, разве такой опытный, талантливый пиарщик, безумно любящий свою популярность, упустит шанс покрасоваться рядом с калекой, кстати, его же указом брошенным в самое жерло огненного вулкана, и показать себя другом и опекуном всех обездоленных, сломанных войной инвалидов. Но он ошибся, наверное, крупно ошибся впервые за свою политическую карьеру. Он всю жизнь обманывал других, а тут неожиданно, так хитроумно надули его! «Кольцо Борджиа» беспощадно сделало свое дело, а выпустить в него незаметно частицу Н. было делом техники. И когда он, прощаясь, вдруг прослезился и, изменившись в лице, дрожащим от искреннего волнения голосом сказал: «Прости, солдат, прости великодушно нас, политиков, пожирателей мира!», я понял, что попал в цель. Он крепко, долго пожимал мою руку двумя руками, и в его ладонях было столько тепла! Мне даже показалось, что он мог бы согреть все ожесточенные сердца народов планеты. Свита тихо увела его, и я с нетерпением ждал завершения этой истории.

Вскоре президент выступил перед всей верхушкой страны в прямом эфире и впервые говорил правдиво и искренно. Он раскисался и стыдился содеянных политических жестких, а порою жестоких дел, просил прощения у всего человечества!

– Защищая и преследуя национальный интерес своей страны, я постоянно подавлял, ущемлял интересы других стран, других народов! Это несправедливо, это бессовестно! – разрывался он.

– Конечно, о своем национальном интересе думать надо. Но не в ущерб другим. Ибо в этом мире все взаимосвязано, и нет отдельно взятого национального интереса, а есть проблемы всей планеты. И все государства, и народы сообща, дружно должны думать о будущем земного шара, судьбе человечества, вообще о жизни на планете!

– Кто-то строит всю жизнь, а кто-то вмиг стирает все это с лица земли! Нет, это несправедливо! Чудовищно! И как мы могли допустить это?! – сокрушался он.

Вся верхушка была в шоке. Не тронулся ли президент умом?

Народ ликовал – наконец-то прозрели наши лидеры! Снизлошло на них какое-то озарение! Выросли они духовно!

Вскоре президента спешно отравили в отставку. И он начал бороздить мировой океан и объезжать континенты, призывал сильных мира сего к справедливости, стараясь своей пламенной речью пробуждать в их душах совесть и сострадание. Все кивали головами, поддакивали ему и старались поспешно выразить свое согласие и поддержку, но, посмеиваясь над ним за глаза, продолжали творить свои бессовестные, несправедливые дела.

Конспирация

Мистер Янга Ли Мжанба, вы, наверное, ухмыльнулись про себя при слове конспирация. А зря... Дело в том, что, по большому счету, весь мир давно живет по законам конспирации. Все люди в какой-то степени замаскированы, скрытны, остерегаются друг друга и прячутся, живут в своих душевных замках, скафандрах и не замечают, что происходит вокруг. Это было на руку мне, и я рано понял, что скрыться среди людей в огромном монстремегполисе легче, чем в зияющей пещере среди скалистых гор. Научился этому искусству маскировки где угодно и у кого угодно, изучая методы тайной борьбы запада и востока, севера и юга, а также тактику и стратегию спецназов ведущих военных держав.

Небеса одарили меня искрометной фантазией, и я сам придумал несколько таких сверхсекретных методов маскировки, что родная мать не узнала бы меня, находясь рядом. Я применял все эффективные приемы актерского грима и перевоплощения, не чурался всяческих масок и париков, включая обыкновенные накидки. Но самые главные мои открытия были связаны с тайными знаниями древности и современности, направлены на воздействие на людей и самозащиту, о чем, естественно, распространяться не буду во имя всеобщей безопасности.

И так, вооружившись научными и практическими знаниями, а так же зарядившись энергетикой космоса, я легко блуждал среди миллионов людей и полицейских, агентов и сыщиков всех мастей и делал все, что считал необходимым для справедливости. У вас волосы дыбом встанут, если я буду детально рассказывать о процессе осуществления громких актов возмездия, но это не нужно. А то станет она неким учебным пособием для истинных врагов человечества, и тогда будет по-настоящему страшно!

Агенты многоплановые

Однажды я ехал в поезде с одним странным человеком: он болтал, не умолкая целый день, пока я ехал с ним в одном купе и не вышел на своей станции. Причем говорил непрерывно по доброй воле, то есть никто его не просил ни о чем рассказывать. Как увидел меня, сразу начал откровенничать. Наверное, у него накопилось столько всякого секретного разговора! Это интересное явление – люди часто делятся сокровенным с абсолютно незнакомыми людьми в поезде. Вот о чем он говорил:

– Человечество само создало столько опасных вещей, что и не надо искать оружия массового поражения. Любая штука цивилизации, приносящая пользу, при умелом использовании приносит еще больший вред. Передозированное лекарство становится ядом. Вот основной метод нашей работы.

– Самодуров везде полно, особенно там, где стремятся к самодержавию и самовосхвалению. Вот это и есть наше необъятное поле действия. В одной непомерно амбициозной стране собирались построить самый респектабельный микрорайон из самых высоких небоскребов. Их руководство страдало манией величия, не считаясь с реальным положением дел, хотело возвыситься над остальным миром. Мы не могли этого допустить и постарались,

чтобы эти здания строились очень долго, с частыми авариями, а в конце вообще рухнули. Для этого мы внедрили в бригаду строителей наших людей, и они уже в ходе строительства сделали так, что в конце эти идиоты вместо величественного микрорайона получили исторические руины без единого взрыва.

– В одной стране, во время строительства очень важных государственных объектов, мы уже на стадии подготовки включили в состав стройматериалов такие химические вещества, которые, скрытые под тонким слоем безобидной краски, медленно, но постоянно оказывают определенное воздействие на здоровье и психику обитателей этих зданий. В результате они становились нашими послушными рабами, сами того не подозревая. Или вот: в фундамент новых домов, в щебенку и цемент вмешиваются радиационные вещества, а этим мудакам, теряющим разум в погоне за наживой и дешевым материалом, и не приходит в голову проверить безопасность стройматериалов! Есть еще много хитроумных приемов вредительства... Они особенно эффективны в странах, где забыли мудрость: «Доверяй, но проверяй!». Часто мы закидываем такие страны вредными для здоровья товарами из дешевых отходов промышленности. Многослойные краски наших игрушек и посуды, предметов домашней утвари также выполняют стратегические задачи, то есть происходит медленное, планомерное химическое воздействие на здоровье и жизнь народов других стран. Также поставляем по очень дешевой цене искусственные продукты. А овощи и фрукты, выращенные на нитратах, напичканные биодобавками, обработанные всякого рода ядовитыми химикатами, тихо подрывают здоровье и несут болезни и раннюю смерть нашим противникам. А бизнесмены этих стран бросаются сломя голову на весь этот дешевый, вонючий хлам, покупают большими партиями и перепродают соотечественникам, ни на миг не задумываясь о вредных последствиях для своего родного народа! Удивительно, но они при виде поблескивающих побрякушек забывают древнюю мудрость: «Бесплатный сыр только в мышеловке!». Таким образом, мы полностью завоевали их дома своими стратегическими воинами-товарами!

Слушая его, я понял, что сама судьба свела меня с этим опаснейшим типом. Я провел атаку быстро и незаметно. Он умолк, уткнулся лицом в подушку и жалобно заплакал.

Поезд остановился на моей станции. Я не спеша вышел и поехал домой. Но еще долго размышлял об услышанном, было тревожно на душе. Как быть с этим злом? Что делать?

Нравственность – доля неудачника?

Многие успешные, на первый взгляд, карьеры построены на несправедливости по отношению к другим. Я, конечно, не моралист, хныкающий от зависти к успехам других. Вообще-то о совести, нравственности больше всех говорят неудачники. Посмотрите вокруг, очнитесь, и вы увидите, что все моральные обвинители общества – это попросту озлобленные люди, не добившиеся значительных успехов в жизни.

А у кого голова кружится от успешного взлета к вершинам власти, богатства, славы, им попросту не до этого. Они даже считают, что совесть – самое главное препятствие на пути к успеху. В этом есть доля правды. Действительно, чтобы продвигаться вверх по крутым, скользким ступенькам власти и бизнеса часто приходится перешагивать через совесть и справедливость. Но стоит им поскользнуться, так они тут же вспоминают о высшей справедливости и начинают громко трубить на весь мир, как бессовестно обошлись с ними! Я не сторонник такой ханжеской моралистики и не хочу по пустякам беспокоить вашу и свою совесть. Но есть вещи, о которых умалчивать нельзя! И ваше кровопролитие, мистер Янга Ли Мжанба, как раз относится к такой вопиющей несправедливости и бесстыдству!

Оружие всемогущее

После нескольких лет отчаянной борьбы я наконец-то понял, что точечным, штучным методом мне не преодолеть всех злодеев. И по-вашему же генеральному примеру решил создать оружие массового поражения совестью.

После долгих мучительных творческих поисков и напряженной умственной работы я наконец-то открыл простое соединение веществ $X + Y + H$. Суть этого сверхмощного оружия заключается в том, что оно воздействует воздушным путем. Достаточно добавить в таблетку X . сто граммов Y . и происходит быстрая беззвучная реакция и новое соединение незаметно улетучивается, смешиваясь с воздухом. И оно способно поразить население целого ме-

гаполиса! А направить с компьютера Н-частицы – сущий пустяк! Но оно не совсем безопасно. Представьте себе, что будет, если многомиллионный городской люд вдруг прозреет и начнет стыдиться! Бросит все, и будет денно и нощно испытывать угрызения совести. Никто не знает, каковы будут последствия! И я решил сначала провести эксперимент на тех, как бы выразиться поделкатнее, кто больше всех заслуживает этого, то есть на политиках. После нескольких попыток мне удалось проникнуть в здание парламента. Мне помог один из охранников, которого я умолял помочь мне пройти в туалет. Он сам протолкнул Янгалибус через контрольный проход, прикатил до туалета и обрадовался, когда я сказал, что с остальным справлюсь сам. В это время в парламенте как раз собрались вместе с сенаторами немало членов правительства. Я, приняв защитные меры, быстро приготовил секретную смесь. Она незаметно улетучилась, и я отправил Н-частицы. После чего спокойно направился к выходу.

Что было потом! Это невообразимо! Все, кто был на заседании, без исключения, начали публично раскаиваться в содеянных темных делах, преступлениях и проступках, и ушли в отставку! Их совесть заела!

Через несколько недель я вычислил торговцев опаснейшим оружием. Информацию слили порядочные высокопоставленные люди.

Под видом представителя богатых клиентов, воюющих на другом континенте, я пришел к ним. Мастерски сыграв свою роль, прошел без заминки все проверки. Они завязали мне глаза, повезли куда-то, долго лавировали и наконец привезли в тайный подземный склад и развязав черную повязку на глазах, начали показывать мне свои товары. Чего тут только не было! Оружие – от обычного стрелкового и гранат до наисовременнейшего массового поражения – было аккуратно сложено по полочкам.

Я начал выбирать и торговаться – речь шла о сотнях миллионов долларов. Разговорившись, я, как бы ради любопытства, спросил у них о возможностях этих с виду миленьких, красивых творений рук человеческих. Они, а их было много, хором захохотали, сотрясая все подземелье. Лысый очкарик-предводитель шепотом ответил, что достаточно десяти штук из этих сверхсекретных комплексов, и полгорода превратится в пепел, а от другой останутся лишь руины для археологических раскопок через тысячелетия. Я, внутренне содрогаясь от ужаса, тоже рассмеялся в тон и спросил еще о безопасности этого хранилища.

– Вы не боитесь, что может произойти случайный самопроизвольный взрыв или утечка химических веществ? И насколько это опасно для нашей страны?!

Лысый очкарик-предводитель снисходительно улыбнулся – его забавляла моя наивность, и он не преминул с наслаждением блеснуть своими обширными знаниями. Он бегло прочитал лекцию о надежности железобетонного бронированного спецхранилища, устроенного глубоко под землей, в горном массиве вдали от мегаполиса.

– Даже тяжелая авиабомба для него – как бодание буйвола для баобаба! – воскликнул он. – А если даже по той или иной причине произойдет взрыв или еще какая катастрофа внутри, то все равно эти комплексы не сработают и в худшем случае останутся навеки в объятиях земли, поскольку некоторые решающие компоненты еще не собраны вместе. Но вы не беспокойтесь, вам они будут предоставлены в полном комплекте перед непосредственной отправкой груза! У нас надежный канал под патронажем...

Предводитель, резко умолкнув, закрыл глаза и таинственно показал пальцем вверх. Все почтительно, многозначительно закивали головой. Я последовал их примеру и в то же время четко обдумывал, как преобразить их всех. Это надо было совершить прямо сейчас, потому что другой такой возможности вряд ли будет. Впрочем, я был подготовлен к действию как всегда отлично – все необходимое было заранее припрятано у меня в костылях, протезах и одежде. И я действовал решительно и быстро. Выпустив незаметно маленькую дозу вещества $X + Y$, направил H -частицы на них. Таким образом, пристыдил и преобразил всех, сделав добрыми и послушными. Они довели меня до города. Но перед уходом взорвали склад, да так, что он остался заваленным огромными черными камнями навеки.

Везение

После этого я решил преобразить вас, мистер Янга Ли Мжанба, со всей вашей командой, весь ваш город.

Я взобрался на лесистый холм на окраине. Отсюда величественный мегаполис был виден как на ладони. На мгновение я даже залюбовался его красотой. Но быстро успокоился, вытащил из сумки завернутую в газету банку и приготовился к атаке.

Вот тут-то случилось настоящее чудо! Разворачивая газету, в которую была завернута банка, вижу знакомое имя, набранное крупными буквами, – Жанмила Токанато! Вот это да! Быстро пробежал глазами ее статью, она писала как раз о мире и войне, разуме и совести. Внизу был указан адрес ее электронной почты!

У меня закружилась голова!

Она писала это для меня!

Сколько времени я тщетно искал ее в своем округе, а она, оказывается, жила и работала на другой стороне!

Я без колебания отказался от своего намерения атаковать город и отправился искать ее.

В тот же день мы встретились!

Искренние чувства

Мы сидели в ресторане, в отдельной кабинке и тихо беседовали. Мне было приятно с ней, а она была безмерно рада нашей встрече. Мы любили друг друга и были счастливы, наши израненные души приобретали покой и умиротворение вместе.

Мы ели очень вкусные, изысканные блюда и искренне рассказывали о том, что пережили с момента нашего расставания. Оказывается, она случайно уронила свой мобильник в реку и потеряла связь со мной. Ее поиски через союз инвалидов не увенчались успехом, потому что инвалид такой-то в списках не значился. И я, сгорая от стыда, но рассчитывая на ее понимание, признался, что тогда, в люкс-вагоне скорого поезда, представился ей вымышленным именем! Она игриво надулась, покачала головой и показала мне маленький кулачок, да так весело пригрозила, что мне неудержимо захотелось обнять, целовать и целовать милое личико, губы и шею. Ее глаза искрились озорным огоньком, и в следующее мгновение она мне сообщила такое, что я был в полном ажуре.

– Ты сильно не упрекай себя... за вымышленное имя! Дело в том, что Жанмила Токанато – тоже псевдоним! Я тебе назову свое настоящее имя потом, дома, тихо, только на ухо, если ты пообещаешь сразу же его забыть и не называть никогда, никому!

Я только кивал головой и был от счастья на седьмом небе!

– Ты для меня на всю жизнь останешься Жанмилой Токанато!

Она весело, заразительно засмеялась, и мы, обуреваемые нежными чувствами, обнялись.

Честный бой

Вдруг дверь нашей кабины распахнулась и ворвались четверо дюжих атлетов.

Мы встревожились и вопросительно посмотрели на незваных гостей.

Были атлеты явно навеселе. Грозные, агрессивные лица истуканов выражали наглость и хамство.

– Освободите живо! Это наше любимое место! – грубо произнес громадина.

Я узнал его. Это был сам Мускул Монстр. Он был олимпийским чемпионом по тяжелой атлетике, экс-рекордсменом мира в тяжелом весе. Но затем проиграл на следующей олимпиаде, и, бросив тяжелую атлетику, переквалифицировался в профессионального бойца по смешанным единоборствам без правил. Он имел навыки вольной борьбы и бокса, и с его физической силой и функционалкой было не очень-то сложно стать чемпионом. Избалованный излишними почестями и вниманием, раболепством общества перед популярностью и рекламой, он очень возгордился. Возомнив себя новым Атлантом, наслаждался своей славой и физической мощью, был задирист и смотрел на людей свысока, как на жалких физических единиц. «Кто ты такой по сравнению со мной?! Да рядом со мной ты ничтожество!» Эту надменную фразу он мог бросить в лицо кому угодно и где угодно.

– Я вас уважаю! – сказал я как можно миролюбиво. – Но, к сожалению, не могу вам уступить это место, поскольку пригласил сюда девушку, и нам очень нравится здесь.

– Ну, ладно, если девушке нравится здесь, она может остаться с нами! – захохотал Мускул Монстр. Остальные угодливо поддерживали его пошлую шутку. – А ты катись отсюда по-доброму, без скрипа и крика!

– Вы – чемпион, знаменитость! Но это не дает вам право унижать других! – возразил я, стараясь образумить подвыпивших бегемотов.

– Как ты разговариваешь с чемпионом, гордостью всей страны? – выругалась дружно вся честная компания.

– Чемпион-то чемпион, но вот я не пойму насчет гордости страны?! – сказал я язвительно, чувствуя прилив гнева и презрения к этим хамам. – За что вам такая честь и почет!?

– Да ты знаешь, несчастный червячок! Я поднял двести пятьдесят килограммов! И весь мир аплодировал мне!

Дверь была открыта, и наша ссора уже привлекла внимание посетителей ресторана. При последних словах Мистера Мускула многие действительно зааплодировали ему.

– Мир совершил очередную ошибку! Потому что от этого нет никакой пользы никому! – сказал я спокойно.

– Но мною гордятся! Моя сила уникальна, она – достояние человечества! – заорал он, чуть не срывая голосовые связки. – Никто не может поднять такой вес!

– Любой верблюд поднимет в несколько раз больше тебя безо всяких тренировок, безо всяких расходов! И не просит награды, не требует аплодисментов! А от его силы больше пользы людям!

Я не знаю, не понимаю до сих пор, почему я это сказал, и вообще, откуда появились у меня такие мысли. Наверное, в пылу ссоры меня осенила эта истина или вырвалась та накопленная обида за свою погубленную молодость, та зависть к этим баловням судьбы, незаслуженно вознесенных на вершину славы и почета, когда, по справедливости, этого должны удостоиться мы, проливавшие кровь в смертельных боях за... Стоп, стоп, я хотел было сказать «За Родину!», но не смог! И от этого еще больше мучился.

Он посинел от ярости и вызвал меня на поединок – драться насмерть один на один. Такой сбитый, спортивный здоровяк публично нахамил и, мало того, издевательски вызывал на бой. Усмехался, мол, дело мужское, выходи, если не трус, на честный бой! И публика зааплодировала. Ведь все мы какие-то чокнутые, и измерения честности у нас тоже сдвинуты невесть куда. А если разобраться чисто по-человечески, по справедливости, то о каком честном бое между спецподготовленным бойцом и простым мужиком может идти речь? Если спортсмен или, хуже того, спецгент, супермен-убийца, который годами тренировался, превращая свое тело в живое оружие, затем выходит на «честный поединок в чистом поле» с нормальным человеком и сворачивает ему шею или пробивает одним ударом грудную клетку, разве это справедливо? И как быть обреченному на явную гибель бедолаге, имеющему честь и достоинство? Выходить с эдаким монстром один на один – равнозначно самоубийству или в лучшем случае билет на инвалидность, а отказаться под любым предлогом – позор! Вот такой ужасный выбор, и этот хам, прекрасно понимая это, красуется перед дурами века нанотехнологии, торжествующе играет

мускулами перед боготворящими его пацанами-дебилами, высоканными до спинного мозга, до конечных костей компьютерными играми в монстров-убийц.

Я был возмущен таким наглым вторжением в мою жизнь. Но вспомнил учение Миямото Мусаси о том, что поднявшийся дух – слаб, и опустившийся дух – тоже слаб, а среднее положение – сердце всех положений, взял себя в руки и как можно спокойно сказал громиле:

– Я предлагаю вам достойную ничью и справедливый мир!

Он дико расхохотался. Вместе с ним смеялись все. Они издевались надо мной. Почуввав легкую добычу, этот хищник решил поиграть, порисоваться перед публикой, подобно Чарыш нойону перед поединком с молодым Аблай ханом.

– Ну, какая может быть ничья между тобой и мной, а? – заорал он во всю глотку. – Если сдрейфил – стань раком и уползай отсюда! Не то все кости переломаю!

Я едва сдерживал себя. Бред, абсурд! Я не Геракл, а лишь инвалид! Девушки визжали от восторга, парни галдели. Моя милая, возмущенная, но спокойная, посмотрела на меня выразительно и отчеканила:

– Милый, пойдем домой! Не связывайся с этим монстром! Ты мне нужен живой!

Я был тронут. Обычно существует мнение, особенно в литературе и кино, в нашем общественном сознании, что женщина стимулирует и наталкивает мужчину на невероятные, порою безумные поступки, на смертельную схватку, которые затем такие же безумцы оценивают как любовь и подвиг. А моя любимая хотела лишь одного – сохранить меня от явной гибели.

И она взяла меня за руку и повела за собой. Не тут-то было! Громила резко схватил ее за руку так, что она вскрикнула от боли. Вращая глазами, налитыми кровью, он процедил сквозь зубы:

– Будешь драться? Или оставишь ее мне?

Посмотрев на его искаженное злобой звериное лицо, я сказал: «О кей!».

Мы вышли на задворки и начали бой.

Когда медленно сходились, я нанес пару пробных «ударов ломом» по рукам, от которых обычно любой соперник испытывал невероятный болевой шок и отказывался от боя. Но у этого спеца все тело было каменным, и когда он легко отбил мои «ломы» своими ручищами, я почувствовал всю его дикую мощь и ужаснулся.

Дело в том, что я одним ударом «лом» раскалывал толстенные доски. А ему все это нипочем!

Я остерегся и хотел завалить его моим секретным «ударом кобры», но он успел уклониться. Я сразу же нанес молниеносный «обратный удар кобры», но он каким-то чудом поставил железный блок и, схватив мою руку, начал уверенно скручивать и валить меня на землю. Отчаянно сопротивляясь, я поддавался ему и упал навзничь. Толпа торжественно гудела, чудовище, навалившись всем телом, приступил к своей страшной работе – схватил мою шею и всей силой своих мощных рук начал надавливать, пытаясь сломать. Слов нет, этот самодур был силен физически, и он наслаждался своей чудовищной силой и как бы показывал всем: «Смотрите, вот какой я! Как я сворачиваю, ломаю этого человечка!»

Ситуация для меня не из приятных, но этому тупому силачу было не под силу победить хитроумного. Да, да, природа наделила меня самым совершенным оружием, имя которого – разум! Когда я поддался его натиску, я просто выжидал момент, когда вступит в силу моя защита «тигрового ужа». И когда он сильно хватал мое тело, сработала защита «тигрового ужа». В пылу схватки, он, конечно, даже не заметил эту контратаку и через мгновение обмяк без сознания. Мне оставалось скинуть с себя огромную тушу и для пущей наглядности дать ему пару раз по морде и незаметно нанести удар Н-частицей совести.

Толпа поклонников монстра умолкла в шоке.

Жанмила бросилась ко мне вся в слезах, и мы, взявшись за руки, быстро зашагали прочь.

Монстр начал подниматься, но в тот же миг упал навзничь, закрыл руками голову, прилип к земле и всхлипнул. Это пробудившаяся совесть придавила его, и он сгорал от стыда за свои поганые слова и низменные поступки. Ну что же, случилось то, что должно было случиться – отныне и всю жизнь этот громила будет страдать угрызениями совести! Но ничего, терпимо, даже лучше. Иначе когда-нибудь убьет кого-то и будет тянуть пожизненный срок в колонии особого режима. А так будет жить нормально, тише воды, ниже травы, и временами стыдиться и стыдиться за свои безумные, дурно прожитые дни...

Мы ушли беспрепятственно. Шли долго, молча, только иногда крепко сжимали друг другу руки. Пришли ко мне домой и остались там жить навсегда.

Эти годы были самыми счастливыми в моей жизни. У нас родился сын, затем дочь. К слову, она назвала мне под большим секретом свое настоящее имя и рассказала историю своей жизни, о чем, естественно, распространяться здесь не буду. Не торопитесь, господин генерал Янга Ли Мжанба, скоро все станет ясно. Ведь вы же уверены, что тайн, неподвластных вам, не существует.

Но я знаю то, чего не знаете вы.

Мы даже с вами встречались!

Агония

До сих пор вспоминаю наш первый бой с содроганием. Иногда даже снятся мои погибшие товарищи.

В самом начале войны мы попали в засаду. На нас обрушились тонны взрывчатки. Огонь и дым, грохот взрывов оглушили всех.

Все смешалось в этом кровавом калейдоскопе, и мы лежали, слившись с чужой нам землей с одним-единственным желанием — остаться в живых! Выжить любой ценой!

И вдруг страшный крик человека заглушил звуки автоматных очередей. Этот крик, прорезав мое незагрязненное сознание, запомнился на всю жизнь. Один солдат встал и шел в нашу сторону. Левая рука была вся в крови, она была разбита вдребезги и практически оторвана взрывом от плеча. Два санитары мигом рванулись было к нему и тотчас упали замертво от снайперских пуль. С ними погибла и надежда солдата на спасение.

Мы смотрели на него и беспомощно молились. Он шел с трудом, спотыкаясь, и наконец подошел к каменной глыбе, где занимали оборону командиры. И упал от потери крови. Тут к нему бросились командиры во главе с генералом. Молодой солдат еле поднялся и в отчаянии отрезал ножом свою висевшую на тонком обрывке кожи, словно на нити, оторванную взрывом руку и с размаха, с громким матом бросил ее в лицо генералу. Пролетев, куврыкаясь в воздухе несколько метров, кровавая рука попала точно в генерала и шлепнула его ладонью по чисто выбритому лицу!

Мы обомлели и смотрели, вытаращив глаза, а тот даже не моргнул глазом, мне даже показалось, что он принял эту пощечину как должное. Брызги крови покрыли его лицо и мундир, но он не показал даже ни малейшего признака брезгливости. Видно было, что у этого военачальника каменное сердце и железные нервы, и что он перешел немало кровавых рек вброд по горло! Он что-то

буркнул своим офицерам, отдал честь умирающему солдату и быстро улетел на своем бронированном вертолете.

Вскоре подоспела помощь, и мы отбросили яростных врагов из ущелья. Потом узнали странноватое имя генерала – Янга Ли Мжанба! Да, да, это были вы! И вы были легендой среди закаленных вояк! Вас восхваляли в основном за отвагу, хитроумие и беспощадность к врагам. Вы были оплотом их надежд и организатором побед. Но мы, молодые, образованные люди, понимали, что именно вы своим героическим безрассудством и бесстыдным хитроумием ведете нас на бессмысленную бойню. И вот, когда при вас погиб молодой солдат, и вы не смогли спасти его, этот столп вашего образа сильно пошатнулся. Мы верили своим командирам, военным медикам, санитарам, и вот когда впервые, на наших глазах, в присутствии самого Янга Ли Мжанба, эти дикари умудрились уничтожить весь медперсонал и полроты, мы поняли, что нас тоже могут победить, уничтожить, и никто не в силах спасти нас от гибели. От этого понимания острее почувствовали всю жестокость и безумие войны. И если бы я был в сознании, когда оторвало мою ногу, то и я бросил бы ее вам в лицо! Ну что же, сейчас у меня нет под рукой истекающей кровью ноги, но есть другое, более изощренное, грозное оружие. И вот я мечу ее вам!

Либо – либо

Веками святые и мудрецы старались учить человечество умозрению, наставлять на путь истинный. Литература и искусство очищали души людей, пробуждая добрые чувства и благие мысли. Но люди так и не усвоили простую истину – не убивать себе подобных, а также всех живых существ!

Великие мыслители и поэты великих народов всегда страдали под гнетом некоей вины. Они мучились в своих духовных исканиях, размышляя о бренности бытия и вечном смысле жизни. Но мне кажется, что основная причина их страданий кроется в другом. Ведь всегда многочисленные народы, могущественные государства покоряли, завоевывали малые народы и бессовестно угнетали, унижали их, порой даже просто беспощадно истребляли. Тому примеров предостаточно. Так вот, эта пролитая кровь и мучает совесть народа-завоевателя. А поэты, да и все высокочувствительные и тонкочувствующие люди и есть совесть народа. Вот такая она, запутанная сложная истина: политики вытворяют – поэты страдают.

А ведь кровь и слезы безвинно убиенных народов не исчезают бесследно – они возвращаются к виновным, требуя возмездия, и мучают их души вечно.

Разве не проклинают угнетенные, униженные, поработанные народы насильников?

Наверное, поэтому нет спокойной жизни в мире!

Я думаю и мучаюсь, но никак не пойму, почему горстка людей, иногда даже один человек, принимают политические решения, которые несут народам мира страдание и несчастье? Почему целые народы, страны отдают бразды правления единичным лидерам?! Попробуйте осмыслить всю историю человечества чуть по-другому, с позиции нравственности, совести и справедливости, и наверняка вы содрогнетесь от ужасных деяний хваленых исторических лиц.

И даже сегодня в моде странное устремление к лидерству. Везде и всем дается эта установка, идет реклама, агитация – будь лидером! А что будет, если все многомиллиардное человечество сломя голову будет стремиться только к лидерству? Во-вторых, когда, к примеру, вы решили стать лидером, вы не спрашивали у меня, у других, у человечества, согласны ли мы принять ваше лидерство? Значит, если мы не согласны, то вы будете насильно подчинять нас своей воле. А если вам встретится такой же лидер, как и вы, то беды не миновать. Я думаю, по-народному, просто и мудро, что все люди сами себе лидеры, и что не надо никого подчинять себе, тем более насильно, если хотите мира, согласия и гармонии на земле.

Я много раз непринужденно беседовал с большими политиками всех мастей и в итоге этих разговоров пришел к некоторым общим выводам, и выводы эти далеко неутешительные, а то и плачевные. Хотя сами эти политики люди весьма неплохие, а то и просто великолепные, деяния их основывались на понятии пользы! Полезность, выгода – вот путеводящая нить их политики, суть жизни. Вроде бы нормально, а? Но если «зреть в корень», как говорил Козьма Прутков, то становится страшно. Потому что польза растаптывает понятия человечности, совести, справедливости. А как быть, если то, что полезно вашей стране, вашему государству, бесчеловечно в отношении другой страны, другого народа? «Если то, что полезно нам, – бесчеловечно, а то, что человечно, – бесполезно, мы выбираем пользу!» – откровенно сказали мне господа политики. Это чудовищно, и я насколько мог атаковал таких

людей Н-частицами совести. Но, к сожалению, всех не перевоспитаешь!

И не менее страшно, когда многие ищут выгоду в угодничестве одному вождю, и ради этого готовы пожертвовать счастьем целого народа, страны! И вот однажды я узнал, что кому-то пришло в голову построить бактериологический завод в центре мирного мегаполиса. А другой додумался до того, что решил захоронить радиационные отходы всего ядерного мира на дне чистейшего глубокого озера. Самое страшное никто не выступил против таких решений, последствия которых просто непредсказуемо опасны для жизни. Потому что лидер так решил! Я не смог добраться до этого вождя, а жаль!

Чем дальше двигается человечество в своем развитии, тем страшнее становится его смертоносный арсенал, губительный для всей планеты. И теперь перед родом людским стоит вопрос не о том, как кого победить? Вопрос в другом: либо человечество в погоне за наживой и мировым господством уничтожит земной шар, либо сообща, в мире и согласии спасет его! Третьего не дано, господин генерал политик Янга Ли Мжанба!

Исключительные

Конечно, каждый человек, равно как и каждый народ, считает себя исключительным, и это естественно. Бессмысленно это оспаривать, ибо доказать обратное невозможно. А ведь, действительно, каждый человек, каждый народ неповторим, уникален и прекрасен по-своему. Но, считая себя исключительным, предоставьте это право так же и другим, то есть, согласитесь на то, что и другие точно так же, как и вы, относят себя к избранным, самым лучшим, любимым созданиям Всевышнего. Пусть считают себя кем угодно, пожалуйста. Только не надо доказывать эту свою исключительность другим, тем более насильно! И все!

Все жили в мире и согласии, пока богиня раздора Эрида не подбросила золотое яблоко трем красавицам-богиням – Гере, Афродите и Афине с надписью: «Прекраснейшей!» И все, пошло-поехало, началась война, и погибло множество воинов, разрушена Троя! Но люди забыли многозначительную трагическую историю, и это яблоко раздора с древнейших времен до настоящего мига преследует человечество, меняя лишь форму. И режутся народы

из-за преходящих материальных благ и непомерных амбиций, глупой гордыни, жестоко уничтожая друг друга.

Стремление к величию не так уж плохо, если вы идете по пути честности и справедливости.

Но когда вы возвеличиваете себя, унижая других – это плохо!

А если ваше величие построено на уничтожении других – это преступно!

Как понять, если вы возвышаетесь, растапывая других, хуже того, стоя на костях убиенных, уничтоженных вами людей и племен?!

Как быть человеку, имеющему честь и достоинство, когда его страну поработают другие страны, колонизируют, диктуют свои условия, растапывают и уничтожают национальные культурные ценности, язык и литературу, традиции, обычаи, притесняют и оскорбляют религиозные чувства народа? Еще хуже, когда политическое, духовное и психологическое давление переходит в военное насилие, и огнем и мечом сильного уничтожаются целые семейства малых народов. Естественно, подвергшийся с детства таким испытаниям, унижению и гонению человек объективно становится сознательным боевиком-террористом и без разбора станет уничтожать представителей страны-насилльника.

Зло порождает зло – это общеизвестно, но почему мирные люди должны страдать из-за непомерных амбиций горстки агрессивных героев?

Однажды я попытался задать этот жгучий вопрос двум боевикам-террористам и еле унес ноги. Я их вычислил, встретил по отработанной схеме и попросил подтолкнуть мою коляску. Они нехотя исполнили мою просьбу. Первого я атаковал точно, эффективно, но второй, верзила, заметил что-то и грозно надвинулся на меня. Дело в том, что ручки Янгалибуса были расположены с двух сторон спинки кресла, по верхним углам как полудуги и были точно рассчитаны, что возьмется за них только один человек, и тогда, по необходимости, снятая со стопора наружная трубочка чуть-чуть, незаметно прокручивается и срабатывает «кольцо Борджиа». Но на этот раз первый террорист взялся двумя руками за обе ручки и подтолкнул коляску. А второй, оказывается, взялся левой рукой за его правую руку! Таким образом, атаку принял на себя только первый! Я допустил маленькую ошибку, и это чуть ли не стоило мне многого! Но неуловимый и непотопляемый, юркий и ловкий Янгалибус выручил меня.

Когда верзила собирался ударить меня, я включил батарейки, он рванул и помчался по аллее. Верзила побежал в три прыжка, но отстал безнадежно.

Отъехав довольно далеко, я переехал на другую сторону проспекта и перевел дух. Но не тут-то было!

Отъявленный головорез вдруг примчался на машине. Вот это было дело! Представьте себе, господин Янга Ли Мжанба, как отпетый здоровяк-террорист среди бела дня, в современном городе, на джипе гоняется за коляской инвалида войны! Конечно, машина была быстрее в разы, но моя коляска шустрее. Она юрко ныряла в узенькие закоулки, ловко сворачивала за углы, проходила везде, где может пройти человек. А машина не могла проезжать между домами, через дворы. И он, наконец, отстал и исчез из виду. Я обрадовался, остановился на любимом берегу реки, перевел дух и благодарил судьбу и Янгалибуса!

Но на этом не закончилась эта история. Внезапно, из-за бугра выскочила машина и на полной скорости помчалась прямо на меня. У меня оставался только один выход – река. И я направил свой Янгалибус прямо к воде. А тяжелая машина верзилы застряла в песке, и он в бешенстве побежал за мной.

Берег был отлогий, ровный, и я без проблем успел въехать в реку. Мой Янгалибус поплыл, подобно Наутилусу, только слегка раскачиваясь. Отплыв метров на десять, я оглянулся. Боевик метался вдоль берега, грозно размахивая руками, изрыгал огненные лавы матерщины. Тут я понял, что он не отстанет от меня, и если поймает, то попросту уничтожит. Чтобы решить эту проблему не откладывая, я метнул в его сторону свой костыль-копье. Просвистев в воздухе, он воткнулся в песок прямо у его ног. Он в ярости вырвал его, и тут, конечно, «кольцо Борджиа» сделало свое дело. Разъяренный монстр, высоко подняв костыль-копье, разбежался и замахнулся со всей своей страшной силой. Но я уже направил на него Н-частицы. И он застыл в напряженной позе, как копьеметатель-спартанец на Олимпиаде древней Эллады.

Ну дальше все ясно. Через несколько секунд он упал ничком, откнувшись широченным носом в песок и так зарыдал, что заглушил всплеск волн могучей реки.

Я спокойно направил Янгалибус к берегу и подкатил к нему. Забрав свой костыль-копье, спокойно удалился. Террорист так и остался лежать на песке и рыдал непрерывно. Видать, слишком тяжелый груз лежал на его совести.

Но ответа на свой вопрос я так и не получил. Может, мы с вами, мистер Янга Ли Мжанба, поищем его?

Мольба

Вначале я молил Всевышнего, чтобы он покарал всех насильников. Я так сильно желал, чтобы те, кто совершал несправедливость и убивал людей, заплатились за это жизнью. Для меня не было иной меры расчета. Но затем, после прозрения, я стал молить Всевышнего, чтобы он пробудил в людях совесть!

И мне так и хочется перед всем миром спросить вас:

– Как вам не стыдно, господин генерал, уничтожать и унижать народы?

А может стыдно? Тогда остановитесь и решайте все вопросы по совести, разумно и справедливо!

Или не стыдно совсем? И вы будете и дальше нести людям несчастье, смерть и разорение?! Тогда вы монстр, чудовище, который будет проклят навеки!

– Справедливость и совесть?! Да они – главные враги цивилизации, прогресса! Они тормоз! Они не дают людям развернуться и двигаться вперед, расти во всю мощь! Они мешают жить! Совесть и разум, справедливость и политика – вещи несовместимые! – думаете вы про себя и усмехаетесь надо мной, считая наивным идиотом.

Но не торопитесь с выводами, ибо настанет время, когда придется за все отвечать.

Иногда полезно, господин генерал-политик Янга Ли Мжанба, посмотреть на себя глазами униженных тобой людей, покоренных и потопленных в крови народов. И подумать, что поработанные и угнетенные народы никогда не будут рады, хоть ты построй для них рай на земле, пока не наступит для них час свободы!

Жить разрешите?

Правда прекрасна до тех пор, пока не касается нас самих.

Мы все любим правду про других!

Но как только начинает раскрываться наша правда, мы всей силой стараемся заглушить, скрыть, уничтожить, обойти ее или в бешенстве восстаем против и вгоняем обратно в неизвестно куда! Но она, правда, непотопляемая штука, и временами всплывает опять, будоражит мысль и напоминает о многом!

И так, как и всем предыдущим поколениям людского рода, нам с вами придется признать правду, какой бы горькой она ни была. Вся наша и ваша борьба по взаимоуничтожению, да и вся история человечества, направленная на уничтожение и порабощение себе подобных, кажется бессмысленной, жестокой, дикой. Почему, ну почему не приходит озарение всем людям одновременно? Почему нельзя объявить мир и разрешить жить всем народам, как им заблагорассудится? Ведь никакие материальные и военные интересы, в том числе нефтяные, не имеют никакого смысла рядом с людской кровью и слезами, по сравнению с той общенародной, общечеловеческой трагедией.

Живите, люди,
Живите радостно, счастливо,
С верой и надеждой,
Любовью, добротой.
Замучились народы
От ненависти кровавой,
Устали солдаты
От непрерывной стрельбы.
Отправьте их домой,
Скорее на покой!

Что находит,
На что наводит
Одинокий пилигрим?
Заройте топор войны,
Идите по тропе мира,
Иначе мы
Времен и народов,
Связующую нить срубим,
О люди!
Братья раздорные,
Живите сами
И дайте жить другим!

Господин генерал!
Разрешите жить!
Я вам разрешаю!

АЛОГИЗМ

Но как решают люди эту проблему в бурлящей жизни?

Однажды на базаре я увидел слепого. Он стоял около оживленного прохода с протянутой помятой кепкой. Большинство прохожих даже не обращали на него никакого внимания, но некоторые сердобольные небрежно бросали в кепку разные монеты. И вдруг к нему подошел мужчина средних лет, явно выпивший, и отвел слепого в угол. Я как раз проезжал мимо на своем Янгалибусе и невольно стал свидетелем этого инцидента. Мужчина похрустывал перед носом слепого купюрой и охрипшим голосом отрывисто говорил: «Вот, я тебе даю бумажку, а твои мелочи возьму как сдачу!» И с этими словами он выгреб всю содержимость кепки и бросил туда какую-то непонятную цветную бумажку. Я сразу понял подлость мужчины и, вскипев от ярости, бросился к нему.

– Стой, сволочь! Верни деньги! – закричал я во весь голос. Мужчина посмотрел на меня свысока, издевательски ухмыльнулся и собрался уходить. Слепой в растерянности хватал руками воздух. Я разогнал свою чудо-коляску и вмиг настиг мужчину и со всей силой нанес костью удар – копьё в ягодицу! И достал, достал все-таки кончиком костью! Мужчина замер сначала, затем медленно повернулся, посмотрел по сторонам отрешенным взглядом, покачал головой и ударил себя правым кулаком по лбу со всего размаха! При этом он издал какой-то странный рычащий звук и подошел к слепому. Выложил все содержимое своего кармана в его кепку, обнял слепого и зарыдал. Слепой вначале растерялся, но потом очухался и начал дружелюбно похлопывать своего недавнего грабителя по плечу.

Я понял суть произошедшего, вздохнул и тихо удалился.

Вот вам и история для размышления!

Наши – ваши

Как просто разделить мир на наших и ваших, и по мере сил уничтожать не наших – и быть счастливым! Но так не бывает, мистер Янга Ли Мжанба, никогда не было в истории и тем более невозможно в современном мире. Нет ни наших, ни ваших! Есть один корабль – планета Земля в океане космоса, и мы все – одна команда, плывущая на этом одиноком корабле в вечность, и наша общая задача сохранить ее! Как бы ненароком не взорвать ее или не уни-

чтожить все живое! И я удивляюсь: вот я, по-вашему, несчастный калека, опаленный войной, думаю об этом и переживаю за судьбу матушки Земли, а вы, высокообразованные, продвинутые, так сказать, политики-генералы, вовсе и не задумываетесь об этом.

И не надо думать – вот запущу-ка ракету за тридевять земель, разобью в пух и прах плохих людей и устрою мировой порядок! Ан нет, мистер Янга Ли Мжанба, эти залпы возвращаются к вам. А может, и того хуже – земля-то круглая, и ваш хороший выстрел может обойти весь земной шар и ударит вас же в спину!

Иногда даже бывает так, господин генерал, целишься в чужого, а попадаешь в своего! Что поделаешь: такая вот высшая справедливость Всевышнего, божья кара, закон кармы...

Ежели пристально изучить историю всего мира беспристрастно с этой точки зрения, то мы начинаем понимать, что насилие и зло, совершенные когда-то одной страной, народом в отношении другой нации, затем возвращались с еще большей силой к этому же народу.

Охота

Я раньше слышал о каком-то секретном оружии массового уничтожения, но не верил в это. Не мог даже допустить мысли, что нормальный, тем более цивилизованный человек, способен на такое. Но после пережитого ужаса той войны я всерьез начал задумываться над этим. По слухам, это оружие фантастического воздействия, радиус поражения – сотни километров, но главное отличие от ядерной бомбы: оно уничтожает только живые существа, то есть население. А все материальные блага остаются целыми и невредимыми, то есть: бросил бомбочку, уничтожил целый народ и пользуйся ихними городами как заборорассудится! Эта омерзительная идея могла же воплотиться в жизнь какой-нибудь сумасбродной, страдающей манией величия группой агрессоров! И я начал активную охоту на создателей оружия массового поражения, чтобы пробудить в них совесть и чувство справедливости. В результате моих устремлений многие ученые отказались от своих фантазмагорических идей, перестали открывать новые виды страшнейших оружий и уходили в монастырь. Некоторые даже тронулись умом, попали в психушку, где под пристальным наблюдением спецagentов читали лекции о духовном здоровье человечества душевнобольным и психиатрам. Это не могло остаться неза-

меченным, и ваше ведомство и лично вы сами, мистер Янга Ли Мжанба, начали активный поиск той таинственной силы, которая оказывает такое эффективное влияние на могучие мозги этих гениальных ученых. Но я был неуловим! Я все время находился рядом с вами, на виду, и в то же время был недосягаем для вашего могущественного ведомства. Вся ваша разведка со сверхсовременными установками не могла обнаружить и поймать моего Янгалибуса, юрко блуждающего среди мутного железного потока современной жизни.

Ваше величие ...

Господин генерал политик Янга Ли Мжанба, я хочу вам задать прямой вопрос! Ответа, конечно, я не услышу, но вы можете ответить хотя бы себе, честно и по-военному прямо.

Ваше величие построено на унижении других?

Вы возвеличили себя, принижая других? Чем ниже другие, тем вы кажетесь выше?

Унижая других, вы унижаете себя?!

А может, ваш ум, ваша сила направлены на уничтожение других?

Уничтожая других, вы уничтожаете себя?!

Было бы очень интересно послушать публичный ответ боевого генерала и хитроумного политика. Но, полагаю, что ответы заложены в самих вопросах, и все ясно даже без вашего откровения!

Буквально сейчас вы поймете, почему я вам задал эти вопросы...

Однажды я выследил супертеррориста одной из радикальных международных организаций. За ним охотились спецслужбы двух полушарий около десяти лет, безуспешно пытаясь вычислить и ликвидировать. Мне удалось напасть на его след абсолютно случайно благодаря своей интуиции и неумной фантазии. Я раздумывал иногда, как бы найти его, и однажды, когда сворачивал на своем Янгалибусе на девяносто градусов налево, меня вдруг осенило: его ищут не там, где надо! Да так осенило, что я повернулся на сто восемьдесят градусов и поехал совершенно в другую сторону. Так точно, его ищут везде, но только не у себя в доме! А ведь он-то может жить вместе с нами, как абсолютно законопослушный, нормальный гражданин или даже работать на ответственных государственных должностях. Всматриваясь пристально ко всем

подозреваемым личностям в правительстве, анализируя весь путь и масштаб злодеяний мистера Икс, я сделал кое-какие выводы и вскоре вышел на след. Действительно, мистер Икс заранее все обдумывал, как гроссмейстер-шахматист, рассчитывал каждый свой и чужой ходы, даже на несколько ходов вперед и был непобедим. Он хорошо знал своих врагов и опережал их. Но он не знал, не мог знать, что за ним начал охотиться хитроумный инвалид войны на своей коляске-крепости Янгалибусе.

И так я начал поджидать предполагаемого субъекта каждый вечер после работы около выхода. Дело в том, что я точно не знал его. Но знал, что он здесь и что он один из семи отмеченных мною чиновников. Я решил пристыдить их всех подряд, ибо всем им есть чего стыдиться. А самое главное, если найду и ликвидирую в конце концов этого врага человечества, то все мои действия будут оправданными.

Война – это путь обмана, писал Сунь Цзы. Если заходишь с запада, то показывай противнику, что заходишь с востока. То, что можешь, показывай врагу что не можешь! А что не можешь, показывай, что можешь! Если знаешь себя и противника, то всегда будешь побеждать!

Эту программу великого полководца и мудреца я освоил до совершенства. Она приносила мне почти всегда желаемую победу. И так, когда вышел первый кандидат, я спокойно поджидал его на своем изумительном Янгалибусе. Никто не мог пройти мимо моей чудо-коляски, не обратив должного внимания. И вот, когда высокопоставленный государственный муж проходил мимо меня, невольно задержал свой пронзительный взгляд на Янгалибусе. В это время я тихо уронил заранее приготовленный костыль, который, как я уже говорил, был многоцелевым оружием. Он вздрогнул и в следующий миг нагнулся, поднял костыль и вежливо подал мне. Когда он взялся за костыль, сработало «кольцо Борджиа». Я молча, кивком головы поблагодарил его и нанес незаметный удар Н-частицами. Все, дело было сделано, и я преспокойно ждал результата. Особа государственной важности сделал несколько шагов вперед, затем резко остановился, крепко схватив обеими руками большую ухоженную голову. Он вскрикнул, начал пятиться назад до того места, где его настиг удар совести. Увидев меня, очень обрадовался и начал изливать свою душу, корить и бичевать себя. Из его возбужденного рассказа стало понятно, что он был завербован иностранной разведкой еще во времена своей учебы за рубежом.

Но он, оказывается, не был шпионом, лазутчиком, резидентом в классическом понимании этого слова. Он не добывал тайные сведения государственной важности, не охотился за военными секретами. Его миссия была в том, что он лоббировал экономические интересы завербованной страны в нашем государстве. Теперь внезапно пробудившаяся совесть начала его грызть, и он решил пойти к премьер-министру с повинной. Ну что же, поделом такому чиновнику!

Таким образом заглядывались на мой Янгалибус шестеро из семи намеченных персон, и все поднимали мой таинственный, страшный костыль, и все подверглись атаке моего маленького компьютерчика. Что интересно, им всем стало так стыдно и они признавались в таких преступлениях и грехах, чего я не представлял себя даже в самых смелых фантазиях!

Вторым подошел человек, невероятно обласканный властями. Я часто видел по телевидению его вечно улыбающуюся, самодовольную, немножко рисованную физиономию. Этот почтеннейший джентльмен, которого наш народ так возвеличивал и называл одним из выдающихся патриотов страны, оказывается, всю жизнь преследовал совсем другую цель. Он признался, что бессовестно врал народу, занимался фальсификацией истории в пользу того или другого клана, ущемлял национальную культуру и сеял своими сомнительными, с точки зрения здравого смысла, деяниями семена раздора и недоверия разных регионов страны друг к другу. То есть, подрывал целостность нации. Да к тому же был идейным вдохновителем и тайным патроном распространения и пропаганды в кино и на телевидении всякого рода бесстыдства, хамства и насилия. Это с его поддержки молодые сумасбродные режиссеры раздевали на экране миленьких молодых, соблазняли их деньгами и славой на откровенные постельные сцены и показывали всему населению страны как новейшую эстетику цивилизации. А в конечном итоге такие деяния были направлены на подрыв нравственных устоев нации и преследовали конкретную цель: развращать молодежь! И этот почетный гражданин делал это с подачи и по заданию своих могущественных зарубежных покровителей. Теперь, после пробуждения совести, он каялся, да так, что весь почернел! От обычной маски благородства ничего не осталось, как будто вся нечисть стекала с его седой головы и покрывала все его тело. Так и ушел, сгорбившись, странно пошатываясь.

Через день он выступил по национальному телевидению, откровенно рассказал о своих злодеяниях, призвал всех телевизионщиков и киношников быть совестливыми и публично покаяться.

А третий просто продавал государственную власть: то есть, вымогал большие суммы денег за ту или иную услугу. Среди политиков он был не очень заметной фигурой, старался не выступать публично и всячески избегал репортеров, не давал интервью. Особенно он был мастером уклонения от конкретных ответов на спорные вопросы, горячие проблемы. Все это наводило меня на мысль, что не все чисто у этого чистоплюя. И в который раз прирожденная редкая интуиция не подвела меня. После моей атаки он раскаялся и добровольно явился с повинной в прокуратуру.

Четвертый мистер произвел на меня неизгладимое впечатление. Увидев меня, он сбавил шаги, как-то виновато смотрел на мой славный Янгалибус. Когда я выронил костыль, он искренне сожалел и с особенной чуткостью бросился поднимать его. «Какая добрая штука это правительство! – усмехнулся я про себя. – Сделает человека инвалидом, а потом так жалеет его!» Тут мистер с жалостью подал мне мой костыль. Он не мог оторвать от меня свои большие, круглые зеленые глаза, которые медленно начали наполняться слезами. И прорвало его, пошло, поехало! Оказывается, он присваивал себе под видом приватизации все что можно было присваивать и делал это совершенно законно! Вот такой парадокс – можно обворовывать свою страну под прикрытием закона! Он все эти несметные богатства тихонько переправлял за рубеж, то есть готовился к отъезду из родины. У него было несколько особняков, вилл, коттеджей в разных наикрасивейших местах планеты, особенно в курортных зонах и островах. Вот теперь он раскаялся и признался, что все время своей работы на государственном посту, грабил свой народ. И ушел, поклявшись, что все награбленное вернет государству!

Пятая персона проходил мимо меня гордо, с высоко поднятой головой, даже краем глаза не посмотрел на меня. Надменность и гордыня так и перли из всей его сущности. Я и раньше слышал о нем, что это Нарцисс несусветный и ничто, кроме себя, в этом мире не интересуется его, никого, кроме себя, он не удостаивает почтением. Но когда увидел воочию его самодовольную, презирающую всех морду, во мне закипела вся смешанная кровь востока и запада, и я чуть не метнул в его широченную спину копьё-костыль. Но вместо этого с грохотом бросил костыль на тротуар, а он даже не

оглянулся на громыхающий звук. Задыхаясь от злости, однако сдерживая себя, быстро сделав дыхание ибуки, я резко окликнул его:

– Эй, мистер размалеванный! Подойди-ка ко мне!

Неожиданное грубое обращение ударило его как молот по тмени. Он аж вздрогнул, нервно повернулся и растерянно посмотрел на меня. Не теряя ни секунды, я добавил еще:

– А ну-ка, быстро подними и подай мне костыль! Иначе станешь таким же, как я!

Расчет был точным. Изнеженный излишним вниманием и лживыми похвалами манекен вмиг рассыпался от такого наглого вторжения в его картонный мирок, послушно поднял костыль и подал мне. Этого было достаточно, и атака Н-частиц сделала свое дело. В следующее мгновение от его надменности не осталось и следа, он совсем по-мальчишески всхлипнул и начал изливать свою душу мне. То что делал он – безобидная игра разбалованного ребенка по сравнению с настоящими акулами. Но очень смешная и уму непостижимая игра! Оказывается, этот нувориш Нарцисс делал деньги на всем, к чему имел хоть какое-то отношение. Он ничего не делал бесплатно! Взятки в виде подарков текли к нему непрерывной струей. Каждая услуга по службе имела свою четкую таксу, и никто не мог возразить, осуждать, тем более менять их. Наш Нарцисс даже дошел до того, о чем настоящий Нарцисс и помышлять не мог. Он решил: раз он любит сам себя – значит, все его любят, должны любить! И эту любовь они должны выразить в новеньких, хрустящих, зелененьких купюрах. В реальности происходило вот что: Нарцисса приглашают на какое-то семейное торжество, на свадьбу, например. Присутствие популярного чиновника высокого ранга само по себе событие и поднимает престиж торжества. Он это ясно понимает, поэтому прямо заявляет приглашающему, что будет присутствовать в качестве почетного гостя только в том случае, если ему подарят конверт с энной суммой! А если он еще при этом будет произносить поздравительный, дежурный тост, то, естественно, сумма должна увеличиться в два раза! А если он, высокопоставленный, популярнейший, наикрасивейший Нарцисс будет говорить очень содержательные, интересные, проникновенные слова от души, то это будет стоить втридорога! То есть, он продавал свою душу! И ему платили! Даже охотно, с радостью, ибо это был прямой путь к его завтрашнему покровительству, то есть, форменная взятка!

И вот теперь пристыженный Нарцисс, весь в слезах, признавался во всем этом, раскаивался и обещал исправиться! Ну что же, тоже неплохой результат!

Шестой была золотая леди – бизнес-вумен. Чеканный стук ее высоких, прочных каблуков четким эхом отзывался в тиши вечернего сада среди высотных домов, как цокот копыт горной газели на каменистых звериных тропах глубокого каньона и выражали уверенность и свободу прекрасной дамы. Она бросила молниеносный взгляд краем наметанных глаз в мою сторону и прибавила шаг. Милая недосыгаемая незнакомка проходила так величественно, что на миг я даже забыл, зачем поджидал ее. Мне стало немножко стыдно, что именно ее я подозреваю в каких-то темных делах. Но все данные были против нее, и в следующий миг я поступил по отработанному способу. Звук упавшего костыля заставил ее обернуться, и с женской отзывчивостью она нежно подала мне его. После Н-атаки, в отличие от мужчин, она не стала поспешно раскрывать свою душу, а задумчиво задержалась возле меня. Затем заговорила тихим, чарующим голосом.

Оказывается, она искусно стравливала мужчин-политиков и бизнесменов, используя изошренные приемы клеветы, оговора и раздора, сталкивала лбами уважаемых в народе личностей. Таким образом, те стали ненавидеть друг друга и начинали междоусобную грызню, подставляли и сажали друг друга в тюрьму, что в конечном итоге приводило к ослаблению элитного потенциала страны.

К концу разговора она глубоко раскаялась и ушла, объявив о своем намерении исправить ситуации, созданные ею. Как это сделать, известно только ей. Ну, непостижимая штука эта женская логика!

Вот так-то, господин генерал! Почетные фигуры, занимавшие ответственные высокие посты в правительстве, оказались на самом деле не теми, за кого себя выдавали. Теперь все они разом признались в своих злодеяниях, раскаились и всю жизнь будут испытывать угрызения совести. Между прочим, без угрызений совести не будет и очищения души от грехов, так что мой метод борьбы в этом плане просто необходим! Я очень рад и благодарен судьбе и небесам за то, что они меня вразумили не уничтожать людей, а пристыдить их. Да, действительно, сколько крови и греха было бы на мне, если бы я убивал всех виновных.

Наконец попался мне и седьмой кандидат. Он был какой-то невзрачный, подошел как-то незаметно, и я, утомленный бесконечным однообразным ожиданием, предавшись своим размышлениям о всечеловеческой сущности бытия, подобно суфию, одиноко сидящему в трансе в тени древнего глиняного мазара в полупустыне, прозевал его приход. Да так и прошел бы он мимо, если бы не вмешался его величество случай. Но, как говорят китайские мудрецы, случайности не случайны!

Худенький, в очках, похожий на учителя музыки, он вдруг резко обернулся ко мне. Дело в том, что тут зазвонил мой телефон и его особый рингтон привлек внимание подозреваемого клиента. Звонила моя любимая Жанмила, но я не смог ей ответить, так как «музыкант» подошел ко мне.

– Простите, пожалуйста, – сказал он подчеркнуто вежливо. – Что за оригинальная музыка? Откуда она у вас? Я ничего подобного раньше не слышал!

– Это – домбра! Симфония... Кюй древних кочевников ковыльной степи!

– А можно я перепишу ее?

Этого я не мог предвидеть в самых смелых мечтаниях – крупная добыча сама шла в мои сети! Я быстро сказал «пожалуйста!», но, естественно, не торопился вручить ему свой айфон, а вежливо попросил передвинуть Янгалибус чуть в сторону. Когда он взялся за ручку коляски, автоматически сработало «кольцо Борджиа», а я незаметно направил на него порцию Н-частиц. Он слегка покачался, покачал головой, весь как-то съезжился и размяк.

Буквально в следующий миг он позвонил несколько раз поспешно по телефону и с жаром отменил какие-то серьезные дела. Потом взялся за ручки Янгалибуса и тихо покатил меня к берегу реки. Глядя на то, как он бережно, даже нежно обращается с несчастным инвалидом, никто бы не поверил, что это один из самых опаснейших террористов планеты. Он отвел меня в безлюдное место и начал изливать свою преступную душу. От его рассказа мурашки бегали по спине!

Он, оказывается, собирался взорвать несколько вокзалов одновременно по всей нашей стране. И когда пробудились его совесть и чувство справедливости, он испытал невероятный шок и пришел к выводу, что его кровавая борьба бессмысленна. И он дал отбой!

Он был очень взволнован и искренен. Говорил отрывисто, с жаром. Вечерело. Я уже начал беспокоиться и искал повод отвя-

заться от назойливого прилипалы. И тут прибежала моя любимая Жанмила.

Обеспокоенная молчанием моего телефона, она с нашими детьми приехала на такси на то самое место, где я каждый день охотился за своими клиентами. Конечно, она об этом не знала, и когда провожала сюда или встречала меня здесь, то думала, что я просто прогуливаюсь вдоль берега реки. И вот сейчас она, по обыкновению, быстро нашла меня. Дети весело шумели и бросились обнимать меня. А Жанмила, счастливая и радостная, смотрела на нас со слезами на глазах!

Вот тут-то произошло невероятное! Мы, радостные, даже не заметили, что прозревший террорист исчез куда-то. Вдруг он вернулся на красном красивейшем лимузине. Весь в слезах он подарил свой лимузин мне. Я отказывался как мог, но он просто оставил машину и ушел пешком.

В принципе, она мне и не нужна по понятным причинам. Но что поделаешь, случилось так, что машина махрового террориста очень понравилась моей любимой Жанмиле. Она приняла ее за подарок какого-то доброго господина ветерану, инвалиду войны, в знак уважения его боевых заслуг в ратных делах во славу отечества.

Счастливая Жанмила грациозно, медленно подошла к лимузину, изящным движением открыла дверцу, повернула голову ко мне и встряхнула длинными волосами так, что они волной поплыли по воздуху. Она делала все это ради меня, и мне было любо смотреть на нее. У меня голова закружилась от нежности! Она это чувствовала и, радостная, села в эту славную машину. Посадила рядом доченьку, улыбнулась нам, помахала рукой и поехала вдоль берега реки. Отъехав несколько сот метров, остановилась на пустом пляже.

И в это время прогремел взрыв.

Мы с сыном застыли на месте от ужаса.

Машина разлетелась на куски.

Жанмила и дочь погибли!

Но этот взрыв был не от боевика.

Эта была ваша бомба, генерал Янга Ли Мжанба!

Все-таки вы вычислили! Не меня, а машину террориста!

Они погибли вместе, сидя в обнимку. Мама и дочка!

Они были вашей...

В этом месте крайний угол листа был как-то неаккуратно загнут. А поскольку эти слова были написаны на самом нижнем краю, крохотный изгиб закрывал буквально несколько букв. Но каких! Генерал Янга Ли Мжанба нетерпеливо начал разгибать бумагу. Оказалось, она слиплась. Он кончиком ручки развернул ее и, прочитав, обомлел.

... дочерью и внучкой!

Не поверив своим глазам, пристально смотрел на эти слова и читал, читал!

Они были вашей дочерью и внучкой!

Литеры, отпечатанные на бумаге, холодно, жестоко сообщали страшную весть, в мгновение ока превратив жизнь преуспевающего вояки-политика в трагедию.

Генерал Янга Ли Мжанба был потрясен. Перед глазами все поплыло. Он, вроде, заметил легкий, едва уловимый странный запах, но не обратил на это никакого внимания. Отложив письмо, долго сидел молча.

Так вот почему любимая дочь пропала без вести!

Нервно закурил. Прослезился. Посмотрел на часы. До начала атаки оставалось четверть часа.

Генерал Янга Ли Мжанба решительно встал и дал команду «Отбой!»

Ему стало страшно стыдно...

31.07.2013 г. — 30.07.2015 г.

ГОЛОД И ЛЮБОВЬ

Киноповесть

Незванный гость хуже врага

Тридцатые годы XX века.

Лето. Вся степь цветет и благоухает.

Мирный казахский аул. Впережку стоят саманные дома и юрты.

Вечер. Раздается озорной смех молодежи, которая на пригорке резвится на качелях. Кругом бегают и веселятся ребяташки. Отдельно расположилась небольшая группа принарядившихся девушек и парней. Среди них особенно выделяется статная и красивая Райхан, дочь бая. Глаза ее сверкают озорным блеском.

Вдруг издалека раздается топот скачущей лошади и внезапно появляется советский работник Ер尼亚з. Он направляется в сторону качелей.

Молодежь аула с интересом встречает сотрудника из района.

Ер尼亚з:

– Здравствуйте, приятного отдыха!

Молодежь:

– Здравствуйте! Проходите, присоединяйтесь к нам!

Привязав коня, Ер尼亚з подходит к качелям.

Райхан одна, слегка покачиваясь на качелях:

– Я боюсь, что, имея один лишь красивый вид и не исполнив заветную песню, навряд ли вы сможете покачаться на качелях!

Люди смеются.

Ер尼亚з:

– Верно сказано! Я думаю, что одному будет неинтересно петь, лучше исполнить песню в паре с красивой девушкой под такт движению качелей!

Райхан:

– Если нам не понравится ваша песня, мы вас ссадим с качелей, недослушав ее. И тогда обижайтесь только на себя.

Ернияз встает на качели в паре с девушкой. Джигиты медленно начинают их раскачивать. Ернияз запекает песню «Я еду ночью среди гор...».

Затаив дыхание, молодые люди внимательно слушают мелодичную песню. Парень с девушкой, покачиваясь, внимательно смотрят друг на друга, испытывая при этом приятные чувства.

Раздается топот скачущего коня. Поднимая дорожную пыль, прискакал большой начальник – бастык – глава района. Взгляд холодный, без настроения.

Начальник: (*говорит в спешке*):

– Ернияз! Есть срочный разговор! Поехали!

Ернияз (*не желая уходить*):

– Эх, досада... (*девушка молчит*). – Извините... Работа... До скорой встречи... мы еще допоем песню.

Они неотрывно смотрят друг на друга, не желая расставаться. Девушка остается молча у качель, взглядом провожая усакавшего Ернияза...

У подножья холма Ернияз догоняет своего начальника.

Ернияз:

– Что случилось? Враг напал что ли?

Начальник:

– Хуже врага! Едет важный гость! Он очень большой начальник. Начальник всего Казахстана! Первый секретарь крайкома!

Ернияз:

– О-о!

Начальник:

– Короче говоря, нужно срочно найти большую двенадцатикрылую юрту и подготовить жирную лошадь!

Ернияз:

– Где же мы найдем все это так быстро?

Начальник:

– Где найдем? У бая возьмем!

Оба переводят коней на свободную рысь.

Путь другого

Саманный дом бая. Аккуратный, в три комнаты. Видно, что люди живут в достатке. Бай, байбише, начальник, Ер尼亚з сидят на расшитом одеяле.

Начальник:

– Вы знаете, что это для вас важное задание партии и советского правительства!

Бай:

– Е-е, где вы видели, чтобы наши предки встречали гостей по заданию? Ладно, сделаем все как надо! Встретим! Байбише, позови нашего батрака! (*Байбише выходит*). Когда мы кочевали по степи, кого только не было в нашем ауле! В те годы... Когда воевали белые с красными... До обеда приезжают одни, после обеда – другие. Если приезжали белые, накрывал белый дастархан, обеспечивал конями и потчевал их – лишь бы не трогали мой аул. Когда приезжали красные, досыта кормил их казы-картой и поил кумысом, давал, все, что они просили, – лишь бы не истребляли мой народ! (*Ер尼亚з, удивляясь, смотрит вопросительно*). – Е-е, дорогой, что тут скажешь... Нет никакой разницы, какой цвет имеет завоеватель – белый, красный, синий, зеленый?!

В дом заходит байбише с батраком. У батрака руки и нож, который он держит, в крови, вид его вызывает опаску.

Бай (*батраку*):

– Поставьте белую юрту на пригорке! Зарежьте одну жирную кобылу!

Байбише:

– Пришлось вынужденно прирезать светло-вороную кобылу. Упитанность хорошая, может, подойдет! Сейчас не как раньше, поголовье скота уменьшается, думаю, не нужно забивать всех подряд...

Все переглядываются меж собой.

Начальник:

– Я пойду посмотрю! (*Вместе с батраком и байбише выходит из дома*).

Бай:

– Ех, жизнь! Неужели теперь настало время, когда вместо знатных народом будут править вот такие люди?

Ер尼亚з:

– Почему вы возмущаетесь? Что плохого в том, если батраки будут свободными?

Бай:

– Этот путь не для казаха и выбран не нами! Это чужой закон! Битва посторонних! Родственные души в это беспокойное время вынуждены стрелять друг в друга и жить враждебно. Я боюсь, что народ, блуждая по неверному пути, сорвется в пропасть, слушаясь и подчиняясь чужакам.

Ернияз:

– Ваши мысли сойдутся ли с новыми требованиями? Вы хотите все время оставаться баем и править народом, чтобы все люди подчинялись вам, батрачили на вас и выполняли всю черную работу. Но другие люди такие же, как вы! Разве нет у них права стремиться к свободе и равноправию? Когда Советская власть хочет, чтобы все были равными, почему вы противодействуете этому? Пусть никто, кроме меня, не услышит ваши крамольные слова!

Бай:

– Равноправие... Свобода... Были ли они все это время? Ты говоришь о равноправии батрака, а я говорю о равноправии моего народа... Четверо моих сыновей погибли во вчерашней народно-освободительной войне, из-за разногласия белых и красных. У маленького народа много мук и узкая дорога! У большого народа и мощь большая! У сильного сильный отпор, твердая воля. Используя свою силу и власть якобы во имя справедливости, уничтожили сколько людей, и вот теперь натравили вас против своего народа, от этого душа на части разрывается. Видно, что у тебя светлый ум, сынок... Подумай над моими словами. Вам стали дороже вожди с русыми бородами, нежели старейшины и аксакалы своего народа! Неужели вы думаете, что они всей душой болеют за казахский народ?!

Внезапно входит Райхан. Весь дом как будто наполнился солнечным светом.

Бай (*любовно глядя на дочь*): – Проходи, жеребеночек мой...

Девушка проходит в свою комнату, украдкой бросая взгляд на парня.

Забракованное мясо

В подсобке. На шкуре лежит разделанное мясо. Начальник, осмотрев мясо, говорит:

– Ей, вам не кажется, что мясо не слишком жирное?

Батрак:

– Нет, нормальное. Брюшной жир (казы) толщиной с палец.

Начальник:

– Толщиной с палец! Накорми им тещу! (*Пинает шкуру, на которой сложено мясо*). Нам нужна вот такая толщина! (*Показывает ширину ладони*). Режьте яловую кобылу-четырёхлетку! Вам что, жалко резать скот для первого секретаря? Передай своему мужу! Он что, против начальства? Или вы против Советской власти?

Байбише:

– О, прости, Аллах! Мы не против власти! Выбирайте любого коня и режьте!

Начальник (*батраку*):

– А что с тобой? Недаром говорят – несчастный ревнует богатство бая...

Батрак (*в ярости*):

– Ех, если бы дали мне возможность, я бы показал всем, кто «несчастный» ...

Начальник:

– Вот это другое дело! Советской власти еще пригодятся такие горячие парни, как ты! Быстрее приводи и режь такого! (*Показывает ширину ладони*).

Начальник и батрак после этой перепалки смотрят друг на друга более доверчивым взглядом.

Байбише обиженно задумалась.

Верблюжонок на привязи

Ернияз и начальник собираются уезжать. Бай выходит с ними на улицу. Райхан смотрит вслед парню через маленькое окно.

Ернияз продолжает петь последние куплеты из песни «Среди гор». В комнату входит жена старшего брата (женге) Райхан. Посмотрев в окно вслед за девушкой, тоже видит парня.

Женге:

– Милая моя, что же такое случилось, что не можешь оторвать глаз от окна?

Райхан, растерявшись, внезапно крепко обняла женге. По поведению и глазам влюбленной девушки было видно, что она счастлива.

Женге:

– О-о, времена! Насмотришься на него, пока твои черные глазки не насытятся и пока не успокоишься! Все равно он не будет твоим! Девушка вопросительно смотрит на женге.

Женге:

– Ты же сама знаешь, что еще с пеленок засватана за другого и у тебя есть жених. Ты думаешь, что мой свекор отдаст тебя за боконового бедняка, у которого нет и ломаного гроша?

Райхан жестом остановила ее. Припев песни раздавался все громче...

Вигвам в степи

В степи.

Возле дома кипит большой казан. Весь аул, вместе с детишками, столпился возле него. Батрак засучив рукава занимается хозяйственными работами.

Первый секретарь крайкома и сопровождающие его два комиссара-казаха на легковой машине при приближении к аулу останавливаются на пригорке. Увидев издалека большую белую юрту, секретарь удивленно спрашивает:

– Что это? Вигвамы, что ли?

1-й комиссар:

– Это юрта! Тысячелетний дом казахов! Испытанное веками чудо кочевой культуры!

Секретарь крайкома:

– Да бросьте вы восхвалять этот кочевой образ жизни! С ним покончено раз и навсегда! Теперь казахи – оседлые советские люди! Будут жить в светлых советских домах!

Все вопросительно смотрят друг на друга.

Время обеда. Аулчане с любопытством ждут приближения автомобиля.

На пригорке одиноко стоит немая женщина-кобызистка с грустным лицом.

Около дома. Бай искоса смотрит на байбише. Байбише жестом обращается к Райхан, как бы говоря: «Ты особо не выделяйся, старайся не попадаться лишний раз на глаза».

Девушка незаметно уходит за ближайшую сопку.

Внезапно возле девушки появляется Ернияз. Они, мирно беседуя, идут вдоль тропинки. И тут вдалеке замечают одинокую женщину. Райхан начинает рассказывать ее историю.

– Кобызистка была красивой талантливой девушкой, в народе про нее слагают такие легенды. Во время борьбы за власть между белыми и красными белогвардейцами был razорен и сожжен весь ее аул, а над ней надругались и затем бросили в степи. После этого случая она онемела. Все время бродит по степи, словно ищет что-то. От нее нет никакого вреда. Сама по себе...

Райхан заканчивает свой рассказ. Ернияз, от досады покачав головой, грустно направляет свой взгляд на небеса.

Оскверненная вода

Начальство заходит в белую юрту, располагается.

Бай встречает гостей.

Стол ломится от казахских национальных блюд.

Батрак заносит сваренное мясо в большой чаше.

Байбише возле казана распоряжается распределением мяса по блюдам.

Мясо разносят всему аулу.

В юрте.

Секретарь крайкома (*увидев голову коня*):

– Что за череп?

1-й комиссар:

– Это голова коня! Казахи преподносят ее самым уважаемым гостям как знак высшей почести!

Бай преподносит голову секретарю.

2-й комиссар:

– Хороший древний обычай степи!

Крайком, изменившись в лице:

– А-а? Теперь у нас будет только один обычай – советский! Давайте за это выпьем!

Бай аккуратно разрезает жирные куски мяса. Гости пьют водку.

Крайком начинает хмелеть. Говорит баю:

– Дом у тебя как музей старины. Любишь, любишь, а-а, свое прошлое! А ты случайно не алашордынец? Не националист, а-а?!

Бай:

– У меня много русских знакомых. Мы друг друга называем тамыр. Тамыр!

1-й комиссар:

– Тамыр имеет два значения. Первое – это корень... как бы значит... что срослись корнями. Второе – это кровяной сосуд, жилы... значит, тамыр означает, что мы кровно породнились.

2-й комиссар:

– Хорошее слово «тамыр»! Вы тоже тамыр будете! Давайте за это выпьем!

Секретарь крайкома:

– О, нет... Я не русский... я другой... Я всемирный интернационалист! Так что лучше выпьем за единое человечество! Без богачей и без национальностей! Не будет богатых – не будет и бедных! Не будет нации – и националистов нет! Как просто... и без вопросов! (*Пьет*). – А ты че не пьешь? – говорит баю. – С генералами, офицерами братался, да! О белом царе мечтаешь? Но его то, батюшки царя-то... нету-у! Есть я... Так что теперь давай со мной чокаться...

Бай (*в растерянности*):

– Я совсем не пью!

Секретарь крайкома:

– Так ты мулла...! Веришь в бога? А мы, коммунисты, утверждаем, что его, Бога, тоже нет! Так ты что, выходит, не с нами? А кто не с нами, тот против нас!

Бай (*обществу*):

– Как же быть, я никогда не держал стакан в руках. Ну, подтвердите же!

2-й комиссар:

– Если не держали стакан, то налейте в чашку и выпейте! Кто знает... у него руки длинные... а если оскорбится?!

Открывает бутылку и наливает в чашку.

Секретарь крайкома:

– Все наливай!

2-й комиссар наливает всю бутылку и подает чашу баю. Бай не принимает.

Секретарь крайкома:

– А ну, давай, идол степной, выпьем до дна!

2-й комиссар:

– Байеке, выпейте!

Бай:

– Не хочу называться неверным, выпив оскверненную воду и замарав рот, в которой мои предки даже ноги не мочили! Хоть расстреляйте...

Секретарь крайкома смотрит нахмурившись. 2-й комиссар поднимает и полностью опустошает чашу, наполненную водкой.

Секретарь крайкома:

– Вот видишь... а то не могу... как-то неудобно.... Можете, можете, вы все можете! Я вас знаю! Теперь скажи... сколько бедняков угнетаешь... э-э, эксплуатируешь ты сам?! Вот ты один... скольких людей держишь в рабстве?

Бай:

– У казахов никогда рабов не было! Кочевой народ всегда был свободный – в степи никто никого не угнетает.... Мы все один род..., один народ... живем как братья!

Секретарь крайкома:

– О-о! Кочевой коммунизм! Хорошо, что Карл Маркс не был казахом! Ну, ладно, посмотрим, посмотрим, какие вы братья, какой вы бесклассовый единый народ...

Выпивает.

Загадочный уполномоченный

Когда все гости сидели дома, загадочный уполномоченный из района все ходил по округе, словно выискивая что-то. Байбише и люди, которые находились возле дома, начали с настороженностью и подозрением смотреть на него.

В один из моментов он поддавливает за руку внука бая – Токтарбая. Оттащив его в сторону, спрашивает:

– Где Райхан?

Несмышленный мальчик, не зная, что делать, говорит ему правду:

– Она гуляет за пригорком!

Загадочный уполномоченный запрыгивает на коня и едет в сторону сопок. Издалека видит мирно беседующих Райхан и Ернияза. В глазах его появляется злоба.

Он подъезжает к ним, словно заблудившийся человек. Смотрят друг на друга испытующим взглядом. В упор смотрит на девушку.

Загадочный уполномоченный:

– Как ты подросла и какой стала красивой! Я и сам представлял тебя такой!

Райхан (*смутившись*):

– Почему вы думаете обо мне?

Загадочный уполномоченный:

– Это ты поймешь со временем. А пока прощай, красавица!

Он удаляется, пустив коня на рысий ход. Парень с девушкой после такой встречи, которая перебила их приятную беседу, почувствовали себя неуютно.

Ернияз:

– Ты его знаешь?

Райхан:

– Первый раз вижу. Но он какой-то странный...

Она тянет Ернияза за руку. Взявшись за руки и поддерживая друг друга, они продолжают прогулку.

Загадочный уполномоченный заходит в дом. Между рассказами секретаря крайкома он шепотом обращается к байбише:

– У вас дочь стала совсем взрослой. Какая красивая!

Байбише овладел страх.

– Не бойтесь! Я не буду вредить вам! Наоборот, буду оберегать от волков! – говорит он с ухмылкой.

Байбише еле-еле произносит:

– С-с-па-си-бо...

Гибель скакуна

Гости, вдоволь насытившись, выходят на улицу.

На сопке останавливают машину, выходят из нее. Секретарь крайкома злобным, пьяным взглядом начинает осматривать округу.

Вечернее время. С выпаса идут животные.

Секретарь делает попытку растопыренными пальцами посчитать количество идущего скота. Убедившись, что не получается, вконец размахнувшись, опускает руки.

Посмотрев на бая косым взглядом, вдыхая воздух с икотой, спрашивает:

– А сколько у тебя скота?

Бай:

– Табун лошадей....

Секретарь крайкома:

– Сколько это... табун?

Бай:

– Около сотни...

Секретарь крайкома:

– Сто лошадей! Да это же целое состояние! А коров, баранов сколько?

Бай:

– Коров особо не держим... так для молока, айрана, масла... около десятка будет... Баранов... примерно около трехсот...

Секретарь крайкома:

– Да ты что, бай, барин, боярин! Куркуль настоящий! Столько скота – и еще тебя не раскулачили! Как это понять, а, товарищи?!

Начальник района:

– Он и так отдал все Советской власти! Раньше, до революции, у него было три тысячи лошадей! Баранов, коров без счета! А сейчас что – разве это скот? Так... для жития-бытия...

Секретарь крайкома:

– Ну, ладно, посмотрим потом... это житие-бытие...

Покачиваясь, идет вперед. Окружающие, подбадривая его, идут следом.

На вершине сопки секретарь крайкома останавливается и раскрасневшимися глазами долго смотрит в степь.

Секретарь:

– Эх, руки чешутся! Что за скука! Даже не на кого поохотиться! А как хочется поразвлечься... пострелять в кого-то... Эй, комиссары, послушайте... найдите мне какого-нибудь зверя... да по-крупней....

Вытащив револьвер, начинает размахивать им и упирает ствол в грудь бая, постукивая его по плечу. Еле сдерживающий себя бай смотрит на него в упор и старается быть спокойным.

Пока все стоят в недоумении, 2-й комиссар со словами: «Счас, счас!» забирает лошадь главы района и, сильно ударив кнутом по крупу, отпускает ее в степь.

2-й комиссар:

– Вот вам зверь настоящий!

Секретарь целится в скачущего коня и со скрежетом на зубах шепчет:

– Ну... вольный тулпар великой степи... Поскачи, поскачи в последний раз!

Комиссары и глава начинают криками подгонять скачущего коня. Конь прибавляет ход.

Секретарь крайкома:

– Любо, любо смотреть... Как ты летишь к своей смерти... Резвый... резвый конь... но от нас никто не уходил... и никогда не уйдет!

Стреляет.

Отчаянное ржание падающего окровавленного коня раздается, казалось, по всей степи.

Продувая дым со ствола револьвера, секретарь смотрит вытаращенными глазами на казахов и говорит:

– Я русского царя... всей семьей... вот этой рукой... этим самым револьвером... застрелил... Что мне лошадь казахская?

Вид у него устрашающий.

2-й комиссар, заискивающе кивая, поддакивает ему.

1-й комиссар, бай и глава района со стороны враждебно смотрят на крайкома, еле сдерживая ярость...

Объявившийся зять

После отъезда секретаря крайкома, оставшись наедине с баем и байбише, загадочный уполномоченный начал разговор:

– Байеке, вы верны своему благословиению, которое дали годами раньше?

Бай:

– Милый мой, ты это о чем? Какое благословение?

Загадочный уполномоченный:

– Я являюсь сыном Кожас бая, с которым вы друг другу дали клятву шестнадцать лет назад, обвенчав меня и вашу дочь. Я ваш законный зять!

Бай:

– Апырмай... Значит, ты тот самый маленький мальчик? Куда вы пропали на столько лет без вестей...

Уполномоченный:

– Да отец, это я! Разве узнаешь в такое смутное время, кто где находится? Многие из ваших сватов умерли в годы лихолетья... Кто остался из потомков в живых, разъехались кто куда. Как бы жизнь быстро не протекала, думаю, что власть над временем не выше данной клятвы и благословения предков наших!

Бай:

– Да, сынок, я верен своей клятве и благословиению! Традиции, заложенные предками, должны оставаться в силе, я все эти годы ждал от вас вестей.

Все трое молча, понимающе смотрят друг на друга...

Слезы девушки

В доме. К Райхан, улыбаясь, заходит женге (жена старшего брата).

– Милочка, нашелся потерянный зятек! Отец с матерью рады, что не нарушили данную клятву и что ты пойдешь замуж за помолвленного!

Девушка смотрит удивленно и сердито.

Женге:

– Зятек – почетный человек, на уважаемой должности – чиновник Советов!

Райхан:

– Ну и что, мне все равно, кто он такой! Я его не знаю и знать не хочу! Сейчас другое время! Законы прошлого в наше время недействительны!

Женге: – Мама тоже переживает по этому вопросу, думает, что дочь, получившая советское образование, не даст свое согласие. Ты старайся не обижать родителей – и так они горя хлебнули! Ходят без настроения!

Райхан:

– Я, конечно, уважаю родителей! Но я же не ягненок, которого, привязав за ноги, отдают другому, помолвка – это пережиток прошлого!

Входит байбише и молча слушает разговор.

Райхан:

– У меня есть любимый! Есть любовь!

Женге (*обнимая девушку, взглядом намекнула, что на ее стороне*): – Ничто несравнимо с настоящей любовью! Но на нее нет разрешения!

Райхан:

– Какое разрешение... откуда разрешение?!

Женге:

– Благословение родителей! Мама меня специально послала. Чтобы объяснила тебе... Ты выйдешь замуж за парня, с которым еще с пеленок помолвлена! Всему другому запрет! Ну что поделаешь, милочка?!

Байбише, предупредительно кашлянув, идет к ней.

Райхан подбегает, крепко обнимает маму.

– Апа! Что вы с отцом затеяли? Хотите меня насильно заставить выйти замуж за совсем незнакомого мужчину? Этому не бывать! Я не соглашусь – выйду только за любимого парня!

Байбише, обнимая дочь и нежно похлопывая ее по спинке, отвечает:

– Подожди, успокойся, доченька! Не позорь нас! Мы исполняли все твои капризы, баловали! Теперь настало время стать взрослой! Несмотря на твою разбалованность, ты подчинишься нам! Пойдешь, за кого мы скажем! – резко перешла на грубый тон.

Райхан выскальзывает из объятий матери, становится подальше.

Райхан:

– Не пойду! Не подчинюсь – что сделаешь? Не выйду за незнакомого человека!

Байбише:

– Все, хватит кривляться! Ты знаешь характер отца... Это писанный нашими предками закон.

Заходит бай.

Райхан:

– Отец, родненький мой! Как ты можешь выдать меня за нелюбимого человека? Хочешь, чтобы вся моя жизнь прошла в слезах и рыданиях?!

Бай, грустно вздыхая, молчит. Тяжелое безмолвие сопровождалось безысходностью...

Райхан:

– Ну, тогда я все равно сбегу!

Байбише:

– Замолчи, бесстыжая! Только попробуй перешагнуть через благословение своего отца и молоко твоей матери!

Девушка, обидевшись, в отчаянии выбегает из дома.

Немая женщина

Райхан, выскочив из дома, быстро бежит по ущелью гор. Пробежав приличное расстояние, останавливается отдышаться.

Молча села и начала думать, смотря на журчащий ручей.

Вдруг испугалась, заметив чей-то силуэт в воде. Резко обернувшись, увидела загадочного уполномоченного.

Загадочный уполномоченный:

– Не бойся, любимая, не бойся! С одной стороны, хорошо, что боишься, сейчас, в наше волчье время, нужно уважать того, кого боишься, разве не так?!

Райхан:

– Вы какой-то странный...

Загадочный уполномоченный:

– Не странный, а все позволяющий себе человек. Самое главное, я нужный человек для тебя и твоих родителей! (*Девушка изучающе, молча смотрит на него*). Не веришь? Во-первых, мы по закону предков помолвлены, то есть привязаны друг к другу! Во-вторых, я авторитетный советский работник, а ты дочь бая, который подлежит конфискации и переселению в Сибирь. Поняла? (*Девушка смотрит вопросительно*). Поймешь не поймешь – твое право, но ты должна любить меня! Обязана! Потому что в случае, если ты выйдешь за меня замуж, твои родители и брат будут под защитой! А защищать их буду я!

Райхан (возбужденно):

– Вы... вы... какой бессовестный человек! Вы торгуетесь со мною. Перестаньте наглеть и уходите! У меня есть любимый парень!

Загадочный уполномоченный:

– А-а, это тот что ли? Нет, нет, он неплохой парень! Но у него не хватит сил, чтобы помочь вам. А если я воспротивлюсь – могу отправить на край света! Если ублажишь меня – буду на руках носить! Ладно, ладно, я не требую сразу полюбить меня – насильно мил не будешь. Сначала выйди за меня. Позже сама полюбишь... А ну-ка, иди ко мне!

Райхан (*оттолкнув парня, который хотел схватить ее за руку*):

– Прочь отсюда, бессовестный!

Загадочный уполномоченный:

– Подумай, девица! Судьба твоих родителей на чаше весов! Все зависит от тебя! Останутся они жить нормально или отправятся в ад – все в твоих руках!

Улучив момент, он накинулся на девушку. Райхан яростно начала сопротивляться. Катаясь с девушкой по земле, разорвав на ней камзол, уполномоченный решил надругаться над ней. Он догонял истерично кричавшую и убегавшую девушку, валил ее на землю, однако она несколько раз вырывалась из его объятий и продолжала бежать. В момент, когда, догнав девушку, он залез ей

на грудь, и больно придавливая к земле, собирался насиловать, чья-то рука с большим камнем сильно ударила его по голове.

Это была немая женщина, которая бродила по степи.

Пока потерявший сознание уполномоченный приходил в себя, девушка, быстро встав, побежала к немой женщине, которая спасла ее, и, уткнувшись ей в грудь, громко заплакала. Уполномоченный, опомнившись, встал и хотел снова накинуться на Райхан, но немая женщина, выставив перед собой смычок от кобызы, яростно стала защищать девушку. Не ожидая такого сопротивления, уполномоченный быстро вскакивает на коня и скачет прочь. На скаку кричит девушке:

– Эй, милочка, подумай еще, хорошо подумай!

Немая женщина, нежно обнимая девушку, расчесывает ей волосы, приводит в порядок и мило улыбается. Девушка с благодарностью смотрит на нее и смеется в ответ.

Мой дед Богенбай!

Сельская школа. Учитель проводит урок. Вызывает к доске одного из учеников. Мальчик уверенно читает стих.

Ленин – наш дедушка,
Оберегает нас.
Расстреляем богатеев
Прямо в сердце и глаз.

Учитель:

– Молодец! Настоящий советский ученик! Пять! Следующий...

Он тоже рассказывает:

Ленин – наш дедушка,
Оберегает нас.
Расстреляем богатеев
Прямо в сердце и глаз.

После чего, целясь указательным пальцем в сторону внука бая –Токтарбая, издает звук выстрела «пах, пах».

Учитель, подбадривая его:

– Мужчина! Настоящий батыр! Тебе тоже пять! А теперь, Токтарбай, выходи ты к доске... – вызывает к доске внука бая.

Тот стоит молча у доски.

Учитель:

– Ну, давай, начинай!

Ребенок молчит.

Уставившись на верхний угол потолка, упорно молчит.
– Ей, начинай! Лелен наш дедушка... Повторяй за мной! Лелен наш дедушка...!
Токтарбай:
– Мой дедушка – Богенбай!
Учитель:
– Что сказал? Какой Богенбай? Лелен... Лелен наш дедушка...
Токтарбай:
– Нет! Он чужой! Мой дед Богенбай – батыр!
Учитель:
– Ах ты, бессовестный! Контра! Ты посмотри на него! Ну-ка, выйди из класса, исчезни вместе с батыром Богенбаем! Лелена... нашего вождя, ты назвал чужим! Такому отродью бая, как ты, двери школы закрыты навечно!
Токтарбай, крикнув:
– Мой дед – Богенбай батыр! – выбегает из класса.
Другие ученики, поддразнивая его, кричат вслед:
Расстреляем богатеев,
Прямо в сердце и глаз!
С глазами, полными слез, разозленный Токтарбай прибегает домой. Его обнимает дедушка и прижимает к груди.
Токтарбай:
– Ата, почему они так не любят нас, а?!
Бай:
– Е-е, время такое... Что поделаешь?!
Грустно вздохнув, прижимая к груди внука, задумавшись, устремляет свой взгляд в одну точку.

Наступление на казахов

Полутемная, мрачная комната. Непонятно, контора это или подвал. За Т-образным большим столом, обернутым красным материалом, восседает секретарь крайкома, по бокам расположились два казаха-комиссара. Свет падает и освещает только их лица, остальные части комнаты темные, углы наводят ужас. Таинственные звуки, как эхо, напоминая скрежет железных дверей и решеток, вызывают страх. Металлический голос главы крайкома раздается как будто из бездны и впивается в уши словно гвоздь.

Секретарь крайкома:

– Я крайне удивлен положением дел в Казахстане! Кажется, что здесь вообще не было революции. У всех столько скота! Где пролетариат? Где крестьяне? Надо бы разобраться!

1-й комиссар:

– Казахи – кочевой народ! Испокон веков скот – это их главный источник питания и транспорт!

Секретарь крайкома:

– Сейчас нет кочевников! Они уже оседлые советские люди! И жить должны по-советски! А то по несколько десятков, даже сотен голов скота на один двор, не по-нашенски, не по-революционному как-то... Тут буржуазией пахнет!

1-й комиссар:

– Несколько десятков или сотен скота на один двор – это необходимое прожиточное условие, а не богатство! Для пропитания, обмена на товары, сохранения и прироста поголовья!

2-й комиссар:

– По степным меркам эти люди считаются бедняками... В лучшем случае середняками!

Секретарь крайкома:

– А по советским меркам они и есть буржуи, кулаки! Столько мяса! Вот если бы раскулачить, конфисковать богатых, а этих... так сказать, бедняков и середняков срочно объединить в колхозы и артели – вот тогда они и станут настоящим классом бедных! Весь их скот собрать в общий котел! Вы представляете, какое это богатство, какой потенциал! Все планы разом перевыполним!

1-й комиссар:

– Но это очень опасно! Чем будет жить народ? Надо взвешенно учитывать особенности степного бытия, местный уклад жизни! Если казахи останутся без скота – они могут погибнуть от голода!

Секретарь крайкома:

– Как так? Живут же другие народы абсолютно без скота и нормально!

1-й комиссар:

– Но это казахи – кочевой народ, потомственные скотоводы! Они вели этот образ жизни тысячелетиями! И резкое изменение условий жизни катастрофично!

Секретарь крайкома:

– Что, что, что?! Неужели я, первый секретарь краевого комитета партии, слышу это из уст коммуниста? Советская власть, коммунистическая партия никому не дадут погибнуть! Мы забо-

тимся не меньше вас о народе советском, в том числе и о казахском народе! Мы что, по-твоему, не желаем казахскому народу добра? Может, ты считаешь меня, а в моем лице партию и Советскую власть врагами казахов?!

1-й комиссар:

– Нет, конечно! Я так не считаю. Но...

Секретарь крайкома:

– Никаких но! Хватит демагогии! Мое убеждение – в Казахстане необходимо провести революцию! Малый Октябрь, так сказать! Что, вам не по душе?!

2-й комиссар:

– Да нет, но как-то странно... с ходу! Может, постепенно...

Секретарь крайкома:

– Закономерно! Усиление классовой борьбы – закон социалистического развития! Мы приняли решение провести немедленную конфискацию имущества богатых и выслать их из республики, ускорить коллективизацию!

1-й комиссар:

– Кто это – мы?

Секретарь крайкома:

– Мы – это товарищ Сталин и Я! Вы не забыли, что меня руководителем республики назначил сам товарищ Сталин. Вот я и написал письмо товарищу Сталину о необходимости проведения второй, малой Октябрьской революции в Казахстане, и товарищ Сталин одобрил, поддержал эту идею! Более того, товарищ Сталин собственноручно написал, что это единственно верное решение! Ясно?! Не слышу одобрения! Или вы против такого решения? А-а? Против меня? А может... (*шепотом*) против Сталина? А-а?

2-й комиссар:

– Да вы что, товарищ первый секретарь крайкома! Мы просто обдумываем вопрос...

Секретарь крайкома:

– Тут думать-то нечего! По коням и вперед!

1-й комиссар:

– А все-таки думать надо! Речь идет о судьбе всего народа. Как бы перегиба не получилось... не пострадали невинные люди!

Секретарь крайкома:

– А революции без жертв не бывает!.. Конечно, постараемся не допустить перегиба, но слабину давать тоже не советую! В первую очередь надо выполнить и перевыполнить план по сдаче

хлеба, мяса и других продуктов Центру! А потом подумаем и о народе! Так что, вперед: начинаем великое дело – малый Октябрь!

Активист-беспредельщик

Настали времена беспредела и массовой конфискации. В кабинете главы района сидит батрак.

Начальник:

– Советская власть создана для таких голодранцев, как ты! Замеешь свое хозяйство, получишь должность во власти! Началась борьба с классовыми врагами! Присоединяйся к нам! Становись в строй! Сверху пришло указание о конфискации имущества и скота! Не хватает кадров! Поэтому мы собираем дружину добровольцев из таких, как и ты, бедняков и наемных батраков!

Батрак:

– Если меня обеспечат всем необходимым, то я буду иметь власть? И что, я тогда приравняюсь ко вчерашним зажиточным?

Начальник:

– Какое может быть сравнение – ты теперь стоишь гораздо выше их! Ты являешься красным бойцом, выполняющим задания партии и Советов! Главное, чтобы ты снова не прогибался перед бывшими хозяевами и не терял своего достоинства! Не нужно жалеть никого! В ближайшее время нужно отобрать все имущество и скот у баев и кулаков, а самих их отправить в ссылку! Всех середняков и бедных нужно объединять в колхозы! Вот тогда ты станешь героем!

Батрак:

– Если так, то испытайте меня! Им обернутся сполна мои унижения за все эти годы...

Начальник провожает его, одобрительно похлопывая по спине.

Перегиб

Ерняз и мнимый активист (*шолок бельсенды*) собирают в аулах скот и имущество для колхоза.

Двое таинственных, с головы до ног закрытых темной накидкой вооруженных всадников всюду сопровождают их, готовые в любой момент к решительным действиям.

Жители аула. Загнанные и злобно настроенные. Они, зная, что находятся в безвыходном положении, пригоняют свой скот. Мни-

мый активист чрезмерно превышает свои полномочия. Как голодный волк, оскаливший зубы, без причины грубит людям.

Активист:

– Не жалейте ничего! Все вкладывайте в общак! Записывайтесь в колхоз! И это все? Смотрите, если обнаружим что-то припрятанное, добра не ждите! Отберем все, что вы не сдали и перевернем вверх дном все ваши припасы!

Учитель:

– Мы как будем существовать? Когда придет зима, народ чем будет питаться?

Активист:

– Не бойтесь ничего, когда с вами Советское правительство! Вас всех прокормит колхоз!

Один мальчик с ревом, схватив в объятия, не хочет отдавать своего маленького ягненка. Мнимый представитель силой пытается отобрать его у мальчика. На защиту приходит Ернияз, который отпускает мальчика с ягненком.

Ернияз:

– Заканчивайте этот беспредел! Партия и Советское правительство не принуждают отбирать скот у людей силой! В колхоз скот собирают без каких-либо притеснений! Каждый делает взнос добровольно, людям нужно объяснять и агитировать их! Отобрав последнюю скотину и провизию, вы хотите истребить народ?! Завтра, когда придет лютая морозная зима, как будут существовать эти люди?!

Активист:

– Правительство не даст умереть! Нам в первую очередь нужно выполнить план!

Ернияз:

– План... план... Почему не думаете о судьбе народа?! (*Обращается к людям*). Вы и так отдали свой последний скот, сейчас поберегите последние запасы живности и продуктов! Нет никакого закона отбирать последнее!

Люди одобрительно начинают поддакивать и оставляют себе последнюю живность. Когда погнали весь собранный скот, мнимый представитель власти начинает поддевать словами парня.

Активист:

– Да, тот, который с района, хочет жениться на Райхан? На ему! Не видать ему девушки! И тебе не видать!.. Ха-ха-ха! Я сам

женюсь на ней! Что, дочь бая должна быть только вашей? Почему я не должен любить красавицу?!

Ернияз:

– Никто не против этого!

Активист:

– О, молодец!

Ернияз:

– Кого любить, знает только сердце девушки! (*Уходит прочь*).

Активист (*кричит вслед*):

– А что тут такого? Когда есть я, то кого она должна выбрать!? Пусть только на меня не посмотрит...

Напуганная девушка

Ернияз и Райхан. Далеко в степи. Кони пасутся. Оба, беседуя, идут по степи.

Райхан:

– Не знаю... что же такое случилось, будто все против нас?! Что мы такого сделали? Мы разве виноваты, что любим? Голова идет кругом! Что будем делать, любимый, Ернияз?!

Ернияз:

– Я тебя увезу в чудесное место, где нас никто не достанет!

Райхан:

– Говорить легко! Как я уеду вопреки воле родителей?

Ернияз:

– Разве родители откажутся от счастья своих детей? Куда они денутся, поворчат и перестанут. Когда успокоятся, благословят нас!

Райхан:

– Ой, не знаю... Они такие люди, что подчиняются только законам степей. Хорошо, если успокоятся...

Ернияз (*нахмурившись*):

– Тогда иди к тому, за кого они отгадут!

Райхан:

– Ты что, обиделся? Я вся измучилась и хотела тебе сказать все, о чем думаю... а ты, вместо того, чтобы понять, говоришь мне такое?!

Ернияз (*возбужденно*):

– А что я должен был ответить? Ты же сама не решаешься.... Если ты верна своей клятве, то, несмотря ни на что, держись за мою руку! Время на нашей стороне.

Райхан:

– Если я уеду с тобой, то странный уполномоченный и по правде моих родителей отправит в ссылку! Как мне быть после этого?!

Ернияз и девушка стоят задумавшись. Через некоторое время девушка говорит шепотом:

– Ты не обижайся, милый... В данный момент я ничего не могу ответить. Не знаю, не знаю... Что нам судьба предпишет?! Мне кажется, что если я уеду с тобой, то они предпримут жесткие меры по отношению к моим родителям и братишке. Сердце словно предчувствует что-то ужасное... захватывает дыхание... всю ночь не могу заснуть... все время снятся страшные сны.

Ернияз:

– Ой ты, моя маленькая трусливая лань! Когда рядом с тобой такой батыр, как я, то кого тебе бояться?!

Обнимает, успокаивает Райхан. Но в этот раз они прощаются с тяжелым сердцем, как будто предчувствуют что-то нехорошее.

Захороненный кобыз

На самом верху сопки немая женщина играет на кобызе. Она, слегка покачиваясь, полностью отдалась мелодии. Глаза закрыты. Черные распущенные волосы, развеваясь на ветру, закрыли ей лицо. Грустная мелодия, исходящая из кобыза, переворачивает всю душу. Словно предупреждает о приближающейся скорби.

Это беспомощный плач души, которая бессильна противостоять чему-либо. Перед глазами маячит отобранный у народа угоняемый скот, встают образы замученных людей.

Едущий по степи Ернияз придерживает коня и в глубоком раздумии прислушивается к звукам. На лице его отражается печаль.

Скачущий с другой стороны активист-беспредельщик услышав мелодию, резко останавливает коня. Вскипает его дурная кровь. Скачет в сторону сопки.

Подскакав к женщине, спешивается с коня. Не спеша подходит со спины и в ярости сжимает плетку в ладонях. Кричит:

– Ей! Заткни вой своего инструмента! Перестань играть... исчезни отсюда!

Женщина продолжает дальше играть на кобызе. Злобно, яростно передергивает смычок.

Активист плеткой несколько раз ударяет ее по спине. Женщина, словно не чувствуя боли, еще сильнее и громче продолжает играть на кобызе. Мнимый активист, обеими руками цепляясь за кобыз, пытается вырвать его из рук женщины. Она, прикусив губы, молча и яростно сопротивляется. В то время, когда активист поднимает руку с плеткой, собираясь бить женщину, на лошади к ним подскакивает Ернияз. При его приближении активист, оттолкнув женщину, вырывает из ее рук кобыз и, раскачивая его над головой, разбивает вдребезги о камень. Подбежавший парень, не успев поймать за руку насильника, бьет его по челюсти, от которого тот теряет сознание.

Степь. Вокруг безмолвная тишина.

На сопке стоит мрачный парень.

Сломанный кобыз.

На земле лежит избитая женщина...

Ернияз, опомнившись через некоторое время, помогает женщине подняться с земли и собирает разлетевшиеся щепки от кобыза.

Успокаивает. У женщины в глазах нет ни единой слезинки. Стоит, словно окаменелая.

Ернияз ударяет плеткой и отгоняет коня активиста.

Мнимый активист, опомнившись, встает и убегает вслед за скачущим конем, показывая кулак.

Женщина, обняв обломки кобыза, остается сидеть на вершине сопки.

Ернияз от безысходности садится на коня и направляется в сторону аула.

Женщина заворачивает кобыз в свой белый платок и закапывает в землю...

Поочередно устремляя свой взгляд то на землю, то на небеса, со страшными и загадочными мыслями молча остается сидеть.

Ветер развеивает ее черные волосы...

Награда

Районный центр. В конторе разговаривают начальник, Ернияз и мнимый активист.

Начальник:

– Сейчас самое главное – план. Хоть умри, но план давай! Это *(пальцем показывает вверх)* партийное задание!

Ернияз:

– Разве это партийное задание, когда оставляешь народ голым, отбирая все имущество? Один раз обобрали, сказав, что собираем для колхоза, во второй раз сказали, что для плана! Как народ завтра будет жить? Об этом кто-то задумался?

Начальник:

– Ладно... Сначала избавимся от продналогов... Прибавим проценты коллективизации. Потом подумаем о народе! Если будет жива Советская власть, никто от голода не умрет!

Активист:

– Может быть, ты не веришь Советской власти? А-а? Может, ты контра, а-а? Товарищ начальник, я сомневаюсь в честности этого парня. Он всюду, делая вид, что жалеет людей, оставляет им скот и имущество. Сами посчитайте – ни одно задание не перевыполнил! А я выполняю по два-три плана!

Ернияз:

– Закрой рот! Такие, как он – безграмотные уполномоченные умыли в крови все аулы. Мало того, что отбирают последний скот, они еще очищают последнюю провизию, роясь в кладовых и сундуках. Пугают народ, искажая политику Советской власти и партии, настраивают людей против нас. Таких беспредельщиков пора обуздать!

Начальник:

– Что жалеешь народ – это хорошо. Потому что Советская власть – народная власть! Но не забывай, что эти уполномоченные тоже вышли из народа и являются верными помощниками партии, товарищ Ернияз! Что бы они ни делали, нужно верить тому, что они стараются для блага партии и Советов! Но несмотря на это, товарищ уполномоченный, навсегда запомните то, что нельзя злоупотреблять своим служебным положением!

Активист:

– Я запомню! Не допускать перегиба, но и не оставлять лишних парнокопытных!

Начальник:

– Правильно говоришь! Потому что это классовая борьба, хождение по луже крови! Если мы не усмирим баев, кулаков, то они уничтожат нас. Поставленная цель Краевого партийного комитета – конфискация имущества богачей и их ссылка! Поэтому

наш общий враг – классовый враг! Не ссорьтесь друг с другом, работайте плечом к плечу! Несмотря на недостатки в работе, мы верим вам!

Ернияз молча выходит. Уполномоченный, сделав вид, что тоже выходит, остается в кабинете.

Активист:

– Товарищ начальник, я же выполнил не один, а целых три плана.

Начальник:

– О да, похвально! Спасибо!

Активист:

– Все правильно, но разве вы не дадите награду... Награду (*начальник удивленно смотрит*) человеку, который выполнил три плана? Если будет награда от вас, то у меня поднимется авторитет... Люди будут меня бояться!

Начальник, думая, качает головой.

– Да, да... Хорошо... Дадим представление наверх. А пока, вот тебе награда!

Из задвижки достает маузер и отдает ему.

Активист целует ствол маузера и укладывает его за пояс.

– А теперь я хочу вам кое-что сказать. Двое наших работников влюблены в дочку бая и ведут антисоветский образ жизни!

Начальник:

– Что сказал? Это же политический вопрос! Ну-ка, ну-ка... докладывай все по порядку...

Мнимый активист, присев, начинает с усердием докладывать...

Гибель большого казаха

Большой казах, середняк, уставший после работы, заходит к себе домой. Нежная супруга с улыбкой встречает его и поливает ему на руки.

Толпа детишек, увидев отца, радостно выбегает навстречу: кто-то вешается ему на шею, другие садятся на колени. Он полулежа, не спеша начинает пить чай.

Мирную обстановку нарушает активист. Он воровато спрашивает у детей, играющих во дворе:

– Корова есть?

Старший из детей неуверенно отвечает «нет», но в это время его перебивает младший, который говорит:

– Корова, корова есть!

Активист:

– Где она?

Мальчик:

– Мы ее зарезали!

Активист:

– А где мясо?

Мальчик приводит его в кладовую и показывает на скрытую яму. Мнимый активист со своими парнями начинает поднимать из ямы вяленое мясо и другие продукты. Загружают в телегу.

Из дома выбегают растерянные здоровяк и его жена.

Активист (*здоровяку*):

– А-а! Поймался? Почему режешь?

Здоровяк:

– Ну это же мой скот, я сам знаю... когда хочу, тогда и зарежу...

Активист:

– Нет! Она не твоя! Корова принадлежит обществу!

Здоровяк:

– Оу, вы же в прошлый раз забрали весь мой скот! А теперь, когда забрали последнее, хотите, чтобы я с малыми детьми пошел по миру?

Активист:

– Заткнись! Государство не даст умереть! А ты контра! Оппортунист! Если не хочешь в ссылку, то выкладывай все в общак! Отдай колхозу! План... сначала выполним план! Потом будешь брать с колхоза, сколько сможешь! Теперь отойди с дороги! Едем!

Погоняет коня.

Здоровяк цепляется за телегу. Не дает ей двинуться. Активист стегает его кнутом по спине. Кричат и плачут дети.

Люди аула молча и покорно наблюдают.

Двое прислужников активиста злобно направляют оружие на людей.

Разъяренный здоровяк хватается за горло активиста, отрывает его от земли, делает несколько ударов по животу, откидывает в сторону, и, развернув телегу, направляется в сторону дома.

Когда он доходит до двора своего дома, приходит в себя активист и со словами «награда, награда» хватается прикрепленный к седлу маузер, прицеливаясь, стреляет в спину большого казаха.

Здоровяк резко останавливается и, в последний раз провожая взглядом этот большой мир, небо, округу, дом, своих напуганных детей, падает спиной на землю.

Тишина... Безмолвный страх...

Тишину разрывает громкий плач жены здоровяка. Она падает на землю, обнимая мужа.

Активист уезжает со своими парнями, погоняя телегу.

Поворачиваясь в сторону стоящей толпы, кричит: – Со всеми будет так, кто против Советской власти!

После чего делает один предупредительный выстрел в воздух.

Люди застывают от страха.

Любовь и политика

Начальник разговаривает в конторе с уполномоченным.

Начальник:

– Да, товарищ уполномоченный, говорят, что вы намерены жениться на байской дочери?

Уполномоченный смотрит удивленно.

Начальник:

– Если верить слухам, вы, оказывается, сосватаны со времен царя Николая? Вот досада, что ты поторопился.

У уполномоченного потерянный вид, он начинает суетиться.

Начальник:

– Давай обсудим это дело... Во-первых, Советская власть дала женщинам свободу, то есть, нашу молодежь не введут в заблуждение старинные законы о сватовстве! Во-вторых, мы против женитьбы советского работника на дочери бая. Классовая борьба! Но главный вопрос в том, что если вы с дочерью бая сосватаны с пеленок, выходит, что ты тоже являешься потомком бая? В анкете указано, что ты сын бедняка. Выходит, что ты ввел в заблуждение нас или девушку? Лучше сосредоточься и скажи всю правду. Начнутся неприятности, если этим вопросом займутся ЧК и НКВД. Ну как?!

Уполномоченный:

– Нет, нет, товарищ начальник, я сын бедняка, говорю правду! Об этом знают все люди. Я прошел несколько проверок! Я просто с одного аула, где проживали сваты бая. Узнав про сватовство, я решил обмануть и жениться на красивой девушке. Сватов бая вместе с сыном конфисковали и несколько лет назад отправили в ссылку!

Начальник:

– А-а, вон оно что! Про это никому, кроме меня, не говори! А завтра мы едем конфисковывать бая! Иди, готовься в дорогу!

Уполномоченный:

– Есть!

Повеселевший уполномоченный выбегает за двери.

Заходит Ернияз.

Начальник (*тепло встречает*):

– Проходи, проходи, Ернияз батыр, присаживайся! Это как понять? Мы смотрим на тебя с надеждой, как на будущего перспективного кадра, а ты хочешь стать зятем бая и обивать его пороги?

Ернияз:

– В каком уставе написано, что нельзя жениться на любимой девушке и быть зятем кого-то?

Начальник:

– Ладно, ладно... я пошутил. Ты сам знаешь, как я тебя уважаю! Вы же не понимаете ничего, и когда дойдет до вас, какие силы я трачу, чтобы вы не попали в неприятные истории?! Короче, товарищ Ернияз, оставь мысли о том, что хочешь жениться на байской дочке! Не смей даже подходить к ней! Обходи ее стороной! Беги подальше от такой ненормальной!

Ернияз:

– Все время думая о политике, вовсе можем потерять человечность! Это как понять? Значит советский работник не имеет права жениться на своей любимой девушке? Тогда зачем же кичимся словом «свобода»?

Начальник:

– Воля твоя, Ернияз, воля твоя. Но нет у меня такой мощи, чтобы поддерживать твою волю! Если ты завтра женишься на дочери бая, который подлежит конфискации, то что скажут там, наверху? Они не поймут нас! Советский работник женат на дочери классового врага! Кем он является? Подумай сам... даже представить страшно!

Ернияз:

– Но ведь любовь не подчиняется политике!

Начальник:

– Но политика правит любовью! Осматривает каждую щелочку, проводит анализ всего! Ты еще совсем молодой и еще много красивых девушек повстречается на твоем пути, надо остановиться...

Ернияз:

– Товарищ начальник! Дяденька мой родной! Я очень сильно ее люблю! Что же, произойдет падение Советской власти, если я женюсь на любимой девушке?!

Начальник:

– Все, все, успокойся! Подумай о будущем! Тебе нужно расти, делать карьеру! И все это ты хочешь променять на одну девушку?

Ернияз:

– А если весь смысл моей жизни в этой девушке? Если я все променяю на одну девушку? Тогда что, вы меня без угрызения совести отправите в ссылку в Сибирь? Будь что будет, отправляйте меня вместе с ней! Буду ходить по тайге и жить свободно дыша! Буду весело смеяться, глотать морозный воздух и насыщаться любовью! Или посадите меня в тюрьму? Дядечка, тогда посадите меня вместе с ней! Темную мрачную камеру я превращу в теплую уютную комнату для молодоженов! А теперь чем хотите меня запугать? Пусть не только Советская, но и власти всего мира будут против меня, я все равно женюсь на этой девушке! Ну, что сделаете, дядечка?!

Начальник:

– Все, прекрати! Короче – женившись на дочери классового врага, сам становишься им! Теперь решать тебе – или девушка, или мы! Иди, подумай до завтра!

Ернияз, промолчав, выходит.

Конфискация

По степи едет большая группа конных всадников.

Лица у всех мрачные.

У двоих, которые позади всех, на плечах винтовки с длинными стволами.

Впереди – глава района. Рядом с ним активист, загадочный уполномоченный и Ернияз.

Останавливаются на большой сопке. Молча, мрачным взглядом осматривают округу.

Вдалеке видны аул, большой белый дом.

Начальник:

– Товарищи! Он – последний бай в этой степи! Он является основным нашим врагом! Для нас станет большим делом, если мы его конфискуем и отправим в ссылку! Ернияз, уполномоченный,

вы вдвоем едва не продались байской дочери! Теперь вы должны исправить свои ошибки, отправив бая в ссылку! Вы начнете конфискацию! Это приказ!

Уполномоченный:

– Будет исполнено!

Ернияз, прикусив губы, упорно молчит. По лицу джигита видно, что он готов на все.

Беглецы

Приехали конфисковывать бая.

Вся толпа врывается в дом.

Бай, предчувствуя цель их приезда, спокойно, молча встречает всех.

Байбише суетится. Райхан и Токтарбай испуганно смотрят.

По знаку начальника уполномоченный выходит вперед и объявляет:

– Конфискация!

Ернияз с Райхан, переглянувшись, сразу поняли друг друга, как будто о чем-то договорились.

Все выходят во двор.

Телеги для погрузки готовы.

Байбише откладывает отдельно завернутый баул и продукты питания на дорогу. Берет пару одеял, посуду и одежду.

В это время Райхан и Токтарбай подходят к оседланным коням.

Райхан:

– Дяденьки, разрешите в последний раз прокатиться на своем скакуне по родной степи, хочу попрощаться с любимой землей! Кто знает, вернемся ли мы сюда обратно когда-нибудь?!

Начальник молча утвердительно кивает головой. Когда девушка и мальчик направились в сторону степи, Ернияз, запрыгнув на коня, следует за ними.

Когда активист дернулся было вслед за ними, начальник останавливает его. Взглядом объясняя, мол, пусть прощаются.

Люди аула молча стоят. Хотят что-то сказать, но не решаются.

Бай собранно, спокойно, нахмутив брови, пытаясь скрыть волнение, осматривает аул, людей и степь. По его взгляду видно, сколько неизбежной тоски и печали накопилось в его непокорной душе. Байбише тоже молчит – глаза полны слез, едва сдерживает себя, чтобы не расплакаться.

Молодежь, катавшаяся у сопок, резко направляет коней в сторону зеленых лугов. Токтарбай, не отставая от них, тоже скачет следом.

Предчувствуя что-то нехорошее, начальник вынимает револьвер. Делает выстрел в воздух и кричит:

– Стой! Вернитесь!

Молодые, пустив коней вскачь, удаляются за сопки.

Начальник начинает волноваться.

Караульный, приставив винтовку, долго держит их на мушке. Перед самым выстрелом начальник отбивает его руку.

Начальник:

– Я сам буду говорить с ним! – сказав это, он громко обратился к двум караульным: – Гоните! Баю перевяжите руки! – после чего поскакал в погоню за молодыми.

Под сопровождением двух караульных бай и байбише шли, молча прощаясь с родной землей, обливаясь горькими слезами.

Бедняки аула остаются в полной тишине, от стыда боясь смотреть друг другу в глаза.

Скачущим по степи молодым преграждает дорогу начальник, который срезал путь по прямой.

Оставив поодаль девушку и мальчика, Ер尼亚з направляет коня к начальнику. Приблизившись, оба смотрят прямо друг на друга не отводя взгляд. В глазах блещут искры.

Начальник словно говорит: «Одумайся!»

Ер尼亚з отрицательно качает головой.

Начальник, едва сдерживая свой гневный порыв, разворачивает коня и уезжает.

Ер尼亚з, Райхан, Токтарбай, втроем решив, что до конца будут вместе, поскакали дальше по степи...

Последний бай степей

Бай и байбише едут на телеге. С собой у них лишь небольшой скарб. Один парень погоняет коня. Двое караульных, бдительно охраняя, не спускают глаз с пленников.

Ер尼亚з быстро скачет, чтобы скорее догнать телегу. Когда оставалось около двухсот метров, один из караульных оборачивается. Кричит:

– Стой! Стой! Стрелять буду!

Прицеливается. Бай и байбише не двигаясь смотрят на парня. Ер尼亚з приближается. Караульный делает предупредительный выстрел в воздух.

– Назад! Стой говорю! Сюда нельзя! Стой или не обижайся, парень, застрелю!

Парень вынужденно останавливается при виде направленной на него винтовки. Что-то кричит вслед удаляющейся телеге. Бай и байбише не могут уловить его слова. Ер尼亚з соскакивает с коня, присев, разложил ладони, молится и просит у родителей девушки благословения. Бай глубоко задумался. Байбише взволнована. Опомнившись, бай хотел поднять руки для благословения – но не получилось. Обе руки привязаны к арбе. Сделав невероятное усилие, он поднимает руки, но не дотянувшиеся до лица ладони виснут в воздухе. Последний бай степей с глазами, полными печали, удалялся в вечность из родимого края...

Дом без хозяина

Степь. Едут Ер尼亚з, Райхан и Токтарбай. Заезженные кони еле плетутся. Наездники тоже невероятно устали.

Райхан задумчива. Переживая за родителей, думает о том, что ждет их впереди.

Токтарбай радостно подгоняет коня, довольный тем, что вырвался в степные раздолья.

Ер尼亚з, не показывая внутренних переживаний, был готов ко всем трудностям. Держа за руку девушку, он, иногда притягивая ее к себе, балуя, нежно обнимает. Девушке стало веселее.

Трое бродящих едут по бескрайней степи. Погоня отстала.

Вдалеке они заметили одинокое строение. Направляются в ту сторону.

Среди деревьев стоит один дом. Он был заброшенный, вокруг никого. Комнаты большие и свободные. Все трое решили временно остаться здесь.

Мороз и голод

Зима.

Аул, занесенный снегом.

Сильный мороз, метет буран.

Снежная буря лютует все больше с каждым днем.

Истощенные, голодные люди. Кто может двигаться, собрав свои небольшие пожитки и продукты, засветло мелкими группами отправляются в направлении города, более густонаселенного. Остальные, кто не в состоянии идти с маленькими детьми, остались ждать, надеясь на судьбу и туго затянув пояса.

Дом муллы. Мулла и его старуха в смятении. Внуки, еле шевеля губами, говорят:

– Бабушка, кушать хочу!

– Бабушка, хочу пить айран!

– Бабушка, дай чашку молока!

Бабушка, не показывая безысходность положения, подбадривает их:

– Сейчас, когда корова придет... Будут вам и кефир, и молоко, и сливки!

– А когда корова придет?

– Утром придет! Спите! Если вы быстро уснете, то и корова придет быстрее!

Рыдая про себя, она ложится рядом с внуками.

Мулла, прочитав намаз на коврике и протянув руки к небесам, молча шевелит губами.

Мулла:

– О, Аллах всевышний! Прости нас грешных! Мы поверили безбожникам! Забыли про бога! Сошли с истинного пути! Обманутые другими, подчинились им! Последовали за миражом! О, Аллах! Прости нас!

Наклоняется на коврик. В этом положении душа покидает его тело...

Дом здоровяка... Изнеможенная женщина, надев на истощенных детей чистое белье, укладывает их на кровать.

Сама тоже, ополоснув лицо и руки, переодевается. Старается быть непринужденной и уверенной.

Настроена решительно, чтобы с достоинством встретить свою приближающуюся смерть.

Положив обоих детей по бокам, ложится на чистую постель. Закрывает глаза, будто бы засыпает...

Немая женщина-кобызистка... Еле волоча ноги, поднимается на пригорок. Сделав последнее усилие, ложится на бугорок, где похоронила свой кобыз...

На сопках... в ущельях... у дороги... повсюду лежат люди....

В доме вся семья... будто спит мирным сном. С успокоением встретили свою смерть...

Учитель бродит по степи, ищет мышей и зернышки. Проверяет свои капканы и силки – все пустые. На белом снегу не видно ни единого следа. Уставший, возвращается домой.

Опустевший сарай.

Развалившаяся изгородь...

При входе в комнату жена и дети с надеждой вопросительно смотрят на него.

Учитель в отчаянии говорит: – Ни единого зернышка! В степи не осталось ни одной живой мыши! Как будто все корова языком слизала!

Истерично надрывается грудной ребенок. Голодный. Языком отталкивает сосок от пустой груди матери. Нет молока!

Учитель:

– Ей, дай ему грудь...

Жена:

– Думаешь, мне жалко дать грудь? Нет молока! Я уже стала яловой!

Учитель (закрывает уши, не в состоянии слышать истеричный рев малыша):

– Заткни... заткни его плач!

Жена:

– Не кричи! Сейчас он и так заткнется! Все мы заткнемся!

Беспомощная мать. Изможденный отец. Испуганные дети...

В безвыходном положении

1-й и 2-й комиссары разговаривают во дворе одноэтажного деревянного дома.

1-й комиссар:

– Дела плохи... Если верить слухам и вестям, приходящим из разных направлений, в казахских аулах начался голод. Говорят, есть человеческие жертвы. Зная все это, будем молчать? Что будем делать? Что можешь предложить?!

2-й комиссар:

– Что делать.... Думаю... Партийный комитет края, Совнарком знают же о данном положении. Может, первый секретарь что-нибудь предложит...

1-й комиссар:

– Пока твой первый секретарь что-нибудь предложит, весь наш народ от голода помрет! На него нет никакой надежды... Его недальновидная, необдуманная политика привела весь народ к нищете. Мы, группа казахской интеллигенции, подготовили письмо товарищу Сталину, написав про настоящее положение, сложившееся в степи! Будет правильно, если и ты подпишешься под ним!

2-й комиссар:

– А-а! Это очень непростое дело, над которым стоит подумать!

1-й комиссар:

– Ты хочешь думать, когда погибает наш народ!

2-й комиссар:

– Нет-нет, не вмешивайте меня в это дело! Положение станет еще сложнее, если первый секретарь узнает, что написали письмо в Москву за его спиной!

1-й комиссар:

– Оу, первый секретарь тебе дороже, чем свой народ?! Подумай... Столько видных деятелей, ходим на поводу у одного человека и истребляем свой родной народ! О, проклятое время, неужели мы так бессильны, что осталось только кусать себе локти! Вытворяет все, что у него на уме, чувствуя поддержку из центра! Когда у народа нет своей воли, он будет терпеть все, предначертанное злой судьбой! Как вы не поймете, что они хотят уничтожить весь казахский народ, чтобы присвоить себе эти бескрайние степи?!

2-й комиссар:

– Эти слова вы не говорили, я их не слышал! О судьбе народа мы думаем все. Здесь же нужно действовать обдуманно и хитро. Но, думаю, правильно, что хотите отправить письмо наверх. А я буду контролировать ситуацию и сделаю вид, что обстановкой не владею!

1-й комиссар:

– Вон оно как? О-о, время! Они же будут творить все, что им вздумается, когда вы все, спасая свою шкуру, будете прятаться за каждый куст! Когда же наступит и у нас тот день, когда мы наконец сплотимся и станем надежным щитом для народа?!

Страшный сон

Зима. Одинокий дом в степи.

Дома только трое – Ернияз, Райхан и Токтарбай.

Вокруг метет сильный буран.

Чувствуется запах приближающейся беды. Только полыхающий в печи огонь поднимает настроение.

В казане кипит вода из талого снега.

Дневная норма – горсть пшеницы. В запасе осталось немного припасенного курта.

Резко открывается наружная дверь. В дом залетает снег от порывов сильного бурана. Заходит начальник. Изможденный, истощенный.

Приглашают присесть. Дают воду и немного еды. Приходит в себя.

Ернияз:

– Какими судьбами?

Начальник:

– Дела плохи. Народ истощал. Начали умирать от голода. Сколько непохороненных! Еду в областной центр просить помощи!

Ернияз:

– К кому поедете? Что скажете? Это же все сделано специально, с молчаливого согласия тех, кто сидит наверху! Направили нас против своего народа, чтобы нашими же руками уничтожить его! Настало же время, чтобы понять все это.

Начальник:

– Проклинаю всех твоих предков, секретарь крайкома! Я же рядом стоял. Почему тогда не снес ему голову! Эх, досада какая! Каждый из нас, решая свои шкурные вопросы, прятался за кусты! Позор! Чем так жить, лучше бы голову сложил за свой народ! Вот теперь беспричинно гибнут дети мирного, спокойного казахского народа!

Ернияз:

– Прекратите! Чего хотите от нас теперь? Голод – это не враг, которому можно отомстить! С ним же не поборешься! Сидим, как без веревки привязанные! Почему довели людей до такого состояния?

Начальник:

– Эх, досада! Назад уже ничего не вернешь! Как слепые, преданно шли за ним. Если бы мы выполняли только половину того, что он нам указывал! Только ты поступил героически! Все аулы, где ты был уполномоченным, остались живы! Ну ладно, я пошел!

Ернияз:

– Куда вы собрались в такую погоду!?

Начальник:

– Буран постепенно ослабевает. Дойду до ближайшего аула за холмами, дальше будет проще. Ждать некогда... Эх, жаль, коня украли! Надеюсь, в ауле конь найдется.

Ер尼亚з молча смотрит на него.

Начальник:

– Хоть пешком, мне нужно дойти!

Приближаясь к выходу, задерживается. Медленно повернувшись, замученно говорит:

– Дорогой Ер尼亚з! Время такое, были в безвыходном положении... Здесь нечего сказать, мы допустили много ошибок и просчетов... Простите! Прощайте, мои милые!

Жестокий, строгий начальник вышел, сгорбившись, стараясь не показывать предательски наворачнувшиеся слезы...

Все трое молча остались стоять, не зная, что сказать в ответ...

В один из дней из степи пришла группа скитальцев. Учитель, жена, мальчик и девочка. Мальчик – ровесник Токтарбая, девочка младше на два-три года. Все замученные, исхудавшие. Пьют кипяченую воду и едят последние крошки пшеницы и пшени. Жуют курт. Разговаривают.

Жена:

– Собрали весь скот, погнали в район и поголовно зарезали. Для плана! Горы мяса, которые не поместились на мясокомбинате, сложили снаружи, прямо на территории. Люди, бывшие свидетелями, рассказывают об этом со слезами на глазах. Даже голодным не раздали. В итоге все мясо протухло!

Учитель:

– В ауле не осталось ни одной живой души. В поисках пищи многие подались в город, а кто не смог – остались там доживать последние дни...

Жена:

– Они умерли! Мрут сотнями, словно от мора сибирской язвы. Один из наших дальних родственников питался сурками, когда их не стало, откопал нору и кормил детей, употребляя в еду зимние запасы сурков... Наверное, припасы были сгнившие, они все отравились и погибли!

Учитель:

– Не знаем, что будет дальше? Думаем, чем сидеть и умереть, сложа руки, лучше умереть в борьбе, сопротивляясь... Идем не зная направления, наверное ... в сторону города... Дойдем или нет – одному богу известно... Спасибо!

Собираются уходить. Ернияз в смятении – ничем не может помочь. Райхан в карман женщины кладет пару горсточек зерна. Токтарбай, подбежав к девочке, с заботой подает ей кусочек сухого курта. После их ухода все трое остаются сидеть безмолвно...

Ернияз видит сон. Большая толпа скитальцев приближается к их дому. Они, закрыв двери, прячутся в углу комнаты.

Ернияз:

– Что будем делать?

Райхан:

– Как что делать? Пусть заходят, погреются...

Ернияз:

– Чем их будешь кормить?

Райхан:

– Что-нибудь придумаем... Чем умереть, как жадные крысы, лучше поделиться...

Ернияз:

– Ты что так расщедрилась! Если все отдашь людям, то завтра мной будешь питаться? До весны же еще так долго! Если поделимся, то ни нам, ни им не будет никакой пользы... Все умрем.... Отдадим последнее, умрем сами... Если не дадим, то выживем! Ну, что теперь скажешь?!

Райхан, взглянув на Токтарбая, молчит. Все трое, забившись в угол, наблюдают. Беженцы – люди из аула, кружась вокруг дома, обыскивают все дворовые помещения, стучатся в двери и окна и ломятся внутрь. Истерично кричат: «Откройте! Открывайте! Ради бога, дайте кусочек хлеба! Только один кусочек! Хлеба!» Они не могут вынести все это. Райхан резко вскакивает и хочет открыть двери. Ернияз хватается за нее и откидывает на кровать.

Райхан рыдает:

– О боже... За что ты так караешь нас?!

Ернияз молча скрипит зубами. Беженцы все умирают у порога дома...

Ернияз с ужасом просыпается. Смотря на полыхающий огонь в печи, молча плачет...

Долгие дни и ночи... Ужасные, страшные виденья и сны... Девушка просыпается с криком от испуга... Парень успокаивает... Чувствуют приближение враждебных туч над головами. Одевшись, все трое выходят наружу. Измученные, бросают усталый взгляд в бескрайнюю степь и на горизонт... Вокруг ни одной живой души.

Токтарбай, отвлеченный игрой, удаляется.

Райхан:

– Ернияз, мне становится страшно! Каждый день вижу кошмарные сны. В эту ночь особенно испугалась!

Ернияз:

– Наши предки говорили: если во сне видишь кошмары, то наяву будешь радоваться!

Райхан:

– Не знаю. Ночью, во сне, мы также ходим по степи... В одно время все снежинки собрались в один огромный ком и накрыли всю степь. А внизу много трупов! Огромное количество! Не знаю, откуда они появляются. Их все больше и больше. И в одно мгновение огромный ком начинает быстро таять и вся округа наполняется водой... Когда присмотрелась... вся вода превратилась в человеческую кровь, начала бурно кипеть и разливаться! В водном потоке смешалось множество безжизненных тел людей и они катились по течению. На одном из берегов красного потока отец с матерью... тянут ко мне руки, порываясь вытащить меня. На другом берегу находились вы с Токтарбаем. А я осталась тонуть в центре кровавой жижи.

Ернияз:

– Все, хватит... успокойся! Это все от переживания, в голову приходят разные мысли, поэтому снятся страшные сны! Будем думать только о хорошем! Чем сидеть сложа руки, нужно действовать! При таянии снега нужно пробираться в город! *(Обнимает)*. – Моя маленькая героиня! *(Берет ее за руки и бежит в сторону дома. Мальчик, догоняя, звонко смеется и закидывает их снежками)*.

Заходят в дом. Разжигают печь. Беседуют у огня. Мальчик дует на иней, образовавшийся на окне, смотрит наружу...

Ночь. Слабый свет от маленькой свечки. Полыхающее пламя. Тени от людей наводят страх в доме.

Ернияз, приставив ладони к свече, на стене изображает различные силуэты из теней. Мальчик отвлекается игрой. Девушка грустна. Ернияз рассказывает сказку.

– Давным-давно, в старинные времена, жил-был один богатый бай...

Токтарбай:

– Его тоже отправят в ссылку? Э-эх, где же мои дедушка и бабушка? Лишь бы не замерзли! Наверное, голодные, как мы? А, Ернияз ага? Теперь они не вернуться?

Ернияз неуверенно отвечает:

– Вернутся, конечно, вернутся... не теряй надежды, наступят еще хорошие времена!

Утром, когда Райхан вышла на улицу, Токтарбай вдруг спросил:

– Ернияз ага, мы что, умрем от голода?

Ернияз начал его ругать:

– Ты что сказал? Впредь не говори больше этих слов! Даже думать об этом не смей!

Раздраженный от такого выпада мальчика, он выскочил на улицу.

Девушку обнаружил повешенной в сарае. Он быстро снимает ее с петли, спасает. Долго сидит, обнимая ее.

Из кармана бесчувственной девушки на землю сыплется горсть пшеницы. Она голодала и не ела сама, чтобы зернышки достались им обоим. Ернияз собирает пшеницу по крупинкам.

Ругает девушку, заодно подбадривая ее.

Ернияз:

– Райхан! Райхан! Ты что затеяла?! Очнись, образумься и одумайся!

Райхан:

– Ернияз любимый... прости меня! Если вдруг со мной что-нибудь случится, судьба единственного моего братишки Токтарбая... в твоих руках! Наверное, последняя просьба моих родителей та же!

Ернияз молча обнимает Райхан, гладит по голове и вдыхает запах ее волос...

Ужасающий стих

В полутемный кабинет крайкома врывается 1-й комиссар. В руках целая папка бумаг. Бросает ее на стол.

1-й комиссар:

– Вот здесь, здесь... телеграммы и сообщения со всех концов республики! Активисты так перегнули, что забрали последний скот, запасы продуктов. Начался голод... везде погибают люди! Необходимо принять срочные меры по спасению людей! По этим данным число погибших ужасающе велико... и растет не по дням, а по часам!

Секретарь крайкома:

– Что? Люди погибают? Кто вам сказал? Покажите мне хоть один труп умершего от голода? Нету-у? Так в чем дело? Когда будут трупы, тогда и поговорим о перегибах! Успокойтесь, успокойтесь, товарищ комиссар. Сядьте! Да, мне говорили о некоторых погибших... Но сведущие люди сказали (*указывает на 2-го комиссара*), что эти люди погибли вследствие своей лени и бегства от колхоза. Теперь никуда не убегут! Бегущий от колхоза казах пусть лучше будет мертвым! Не будет кочевать, не будет беспокоить никого... Осели, осели, наконец, в сырой земле! Социализм не построишь без жертв!

1-й комиссар:

– Вас ввели в заблуждение! Голод приобрел общенародный характер...

Секретарь крайкома:

– Да нету никакого голода! Вот у меня тоже сведения со всех концов республики, между прочим, подготовленные такими же казахами, как и вы. Здесь говорится о всеобщем благополучии... уражайность высокая, хлеба много, скот размножается в колхозах... чего еще вам надо, а?

2-й комиссар:

– В республике самый высокий уровень коллективизации по Союзу!

Секретарь крайкома:

– Все наши республиканские, областные и районные газеты восторженно пишут о высоких достижениях Страны Советов в деле строительства социализма, а вы лезете со своим голодом, смертями... Я не люблю... не хочу слушать жалобы, дайте цвести республике! Товарищ Сталин перед всем миром объявляет о достижениях советского строя, оказывает зарубежным братьям-беднякам коммунистическую помощь, а тут на тебе – казахи вздумали голодать!

1-й комиссар (*яростно, повышенным тоном*):

– Товарищ первый секретарь крайкома! Я вас прошу выслушать... понять! Истинное положение дел во многих сельских местах просто ужасно! В основном погибают казахи, лишенные своего скота.

Секретарь крайкома:

– Что вы заладили – казахи, казахи?.. Как будто нет других национальностей? Даже неудобно как-то..., национализмом поправивает!

1-й комиссар:

– Но это факт! В основном гибнут казахи!

Секретарь крайкома:

– Почему?

1-й комиссар:

– Потому что они занимались только скотоводством. Когда забрали весь скот – они и погибли! Надо принимать срочные меры по спасению голодающих! Мы уже написали письмо товарищу Сталину!

Секретарь крайкома:

– Короче... Что вы предлагаете?

1-й комиссар:

– Надо срочно организовать продовольственные отряды в голодающие районы!

Секретарь крайкома:

– Ладно... пусть там поедят, посмотрят на местах! Оставьте ваши бумаги, я на досуге полистаю... *(1-й комиссар, положив папку на стол, уничтожающим взглядом посмотрев на 2-го комиссара, выходит. Крайком открывает папку, пару раз перелистывает стопку бумаг и просмотрев беглым взглядом несколько страниц, бросает в мусорное ведро. Посмотрев в упор на 2-го комиссара, говорит: – Давай лучше выпьем!*

Оба залпом выпивают наполненные граненые стаканы.

Секретарь крайкома, удовлетворенно потянувшись, закрывает глаза.

2-й комиссар, пройдя на цыпочках, бесшумно выходит и закрывает двери.

Секретарь крайкома остается один. Развалившись в кресле, прикурив папиросу, пускает клубы синего дыма. Посмотрев в зеркало и чокнувшись со своим силуэтом, выпивает еще. Закрыв глаза, впадает в мир своих мечтаний и грез...

Ему кажется, что в большом, просторном и светлом дворце он танцует с красивой девушкой. Девушка, одетая в белое, вся сияет. Он как будто влюблен в нее. Кружит девушку в вальсе.

Просит ее:

– Татьяна, прочтите, пожалуйста, стихи душевные! Правдивые стихи!

Девушка перед началом декламирования жгучим взглядом в упор смотрит на него. Не выдерживая острого прямого взгляда, секретарь крайкома, прикрывают голову руками, закрывает глаза.

Открыв глаза, он видит, что стоит не во дворце, а в голой степи. Вокруг сложенные трупы, напоминающие улицы и кварталы города. Он испуганно, в растерянности бежит среди них и ударяется о трупы. Видит девушку. Он беспомощно перемещается туда-сюда, протягивая к ней руки. Девушка издалека, жестом толкает его в грудь, останавливает и начинает читать стихи. Секретарь крайкома, подняв руки, падает на колени.

На небе радостно поют, трепещут птицы,
А на земле – страдания, голод, смерть.
Я не умею с этим примириться,
Мне тяжело на все смотреть...

Какой же деспот создал эту пытку
Иль полоумному пришла такая блажь?
Последнюю овцу, кошму, пиалу, кибитку,
Мол, забирать и ничего не дать.
И не пеняй на климат, на природу,
На то, что Казахстан степной и тихий край,
Такой был урожай! Хватило бы народу
На хлеб и на табак, на мясо и на чай.

И этот труп казаха на меже,
Кто приказал? Узнать, понять хочу я,
Кто смерть и нищету послал сюда?
Где испокон веку жил народ, кочуя!

Девушка внезапно исчезает. На секретаря крайкома, сидящего на коленях, начинают падать мертвые тела. Сопrotивляющийся, кричащий он умолкает и остается под завалами мертвецов...

Мертвый аул

Ернияз, Райхан, Токтарбай бредут по бескрайней степи.
Истощенные. Изможденные. Голодные.
Безграничное небо, степь. Не видать ни одной живой мыши.
Падают на край копны соломы. Начинают перебирать стебли.
Ничего нет – одни пустышки. Внезапно находят три-четыре зернышка. Радуются, делятся меж собой...
Токтарбай из кармана вытаскивает маленькую торбочку. Открывает – внутри три драгоценных камушка жемчуга.
Токтарбай:

– Это мне дал дед, перед тем, как его забрали!

Ернияз:

– Жемчуг! Обыкновенный камень! Каменное время – что за издевательство? Что за наказание?!

Торбочку кладет в карман Токтарбая.

Втроем, поддерживая друг друга, еле добираются до одинокого аула.

Мертвая тишина...

Не пахнет дымом...

Не видно следов...

Открывают двери одного из крайних домов. Скрипящий звук дверей наводит ужас. Заходят. Зажигают спичку.

В дальнем углу на застеленной кровати лежат родители, обняв своих крошечных детей. На бледных лицах – горечь. Замерзшие....

От безысходности они, прочитав молитву, со страхом закрывают им лица... Разводят огонь, греются у пламени от печи...

Заходят во все дома, осматривают... В некоторых лежат мертвецы... в некоторых ни души... оставив все имущество, ушли в неизвестном направлении...

В верхнем углу на коврике для молитвы в изогнутом положении остался лежать замерзший мулла...

В одном из домов из-под кровати в темном углу раздается звук. Когда присмотрелись... Оттуда выходит девочка, девяти-десяти лет... Волосы взъерошенные, глаза навывкате, без памяти... Все лицо в крови... в ее руках обгрызанная рука маленького ребенка...

Испугавшись, они быстро выходят наружу.

Когда открывали двери в одном из домов, на них упали трупы нескольких маленьких детей. Видать, умерли, прижавшись друг к другу, не в состоянии открыть двери, занесенные снегом...

В ужасе от увиденного в мертвом ауле они продолжили свой путь.

Схватка со смертью

Бескрайняя степь.

Плетущиеся трое.

Высокое синее небо. Мороз.

Доходят до берега реки. Подо льдом замерзший труп человека. Испугавшись, отходят в сторону.

Ернияз беседует с Райхан:

– Как мы могли дойти до такого? Без какой-либо вины были истреблены! Были простым, мирным народом... Тысячелетиями вели вольный кочевой образ жизни, противостояли лютым морозам, диким зверям и завоевателям, оберегая от них родные земли, были храбрыми кочевниками, про чьих батыров слагались легенды... Как же за одну зиму могли потерять столько людей? Кто же так жестоко истребил нас? Что с нами происходит? Почему мы дали кому-то управлять нами, позволили так легко уничтожить нас?! Эх, проклятое время, надо было умереть в борьбе и в сопротивлении, доверив судьбе свою молодость...

В это время вдали, со стороны горизонта, показались чьи-то очертания.

Что это?

Мираж? Люди? Животные?

Окрыленные надеждой, бодрее пошли вперед.

Приблизились – множество природных камней. Их большое количество растянулось на огромное расстояние.

Уставшие, они присели у одного из камней. Очнувшись, стали оглядываться по сторонам – перед ними, опершись о камень, кто-то сидел. Далее сидела еще одна женщина... на ее коленях, сложив головы и растянувшись, лежали два ребенка... Все мертвые.

Их обуял страх.

Кажется, что возле каждого камня лежат люди. Мираж.

Дальше продолжают путь.

Обращают внимание на человека, который лежал, вытянув руки вперед. Смотрят – бывший начальник. Окоченевший, он смотрел вперед вытаращенными глазами, словно хотел достать что-то. Страх. Очнувшись, они взглянули в сторону направления руки мертвеца и увидели замерзшего, попавшего в силки суслика. Не дотянувшись до спасительной еды, начальник остался лежать в таком положении...

Разделав суслика, поели... Подкрепившись, почувствовали прилив сил...

Заночевали там, среди камней.

Ночь. Звезды густо рассыпались на небе, словно вот-вот упадут на землю.

Девушка сидит на коленях, лицом в сторону запада. Раскрыв ладони, тихо шепчет:

– О, Всевышний, сохрани братика, мужчин и мой народ! Готова отдать взамен свою душу! Возьми меня как жертвоприношение! Говорят же, что желания девушек сбываются! Забери меня! Спаси мой народ! – С этими словами, рыдая и глядя в небо, просит у бога милости...

Утром Токтарбай залез на один из камней и стал осматриваться по сторонам.

Вдалеке, на горизонте, видит всадника.

Все, обрадовавшись, начали с хрипом в горле кричать и махать руками неизвестному.

Всадник, заметив людей, направил коня в их сторону.

Безграмотный активист!

Активист:

– А-а! (*Вытаскивает маузер. Ер尼亚з прикрывает своих*). Ну-ка, отойди! Отпрыски врага народа тоже враги! Есть задание, где сказано, что при встрече нужно поголовно их истреблять! Ты можешь идти... свободен... хоть ты и сбился с пути, но такой же бедняк, как и я, за это ответишь нашим товарищам. Этого щенка и сучку оставь мне!

Ер尼亚з:

– Эй, что ты говоришь! Везде сколько людей аулами гибнут от голода и холода... Они же твои братья кровные, казахи... их же уничтожают!

Активист:

– Я не знаю никаких казахов-мазатов... Я знаю только Советскую власть и ее врагов! А врагов нужно истреблять! Ну-ка, отойди, а то и тебя тоже могу расстрелять вместе с ними! Ха-ха-ха! Как чудесно, что байские дети умирают от голода, зависимые от куска хлеба! Настали те дни, когда можно увидеть и это! (*Взбесившись, громко и судорожно смеется, подняв крик на всю степь*).

– Ну-ка, отойди!

Ер尼亚з, защищая телом Райхан и Токтарбая, сопротивляется активисту.

Активист стволом маузера указывает отойти – парень отрицательно качает головой.

Активист стреляет. Тишину разрывает свист летящей пули.

Стреляет еще несколько раз. Приближается.

Неожиданно отчаявшийся Ер尼亚з кидает малахай в сторону оружия. От летящей шапки конь под всадником пугается и встает

на дыбы, от чего активист падает на землю. Ернияз нападает на него. Оба начинают драться и кататься по земле.

Истощенный и голодный Ернияз не мог одолеть активиста. Тучный и сытый соперник переворачивает его и оказывается сверху.

Онемевший от происходящего Токтарбай внезапно поднимает с земли слетевший маузер активиста и целится в него, схватив оружие обеими руками.

Держа за горло теряющего сознание Ернияза, активист поворачивается в сторону мальчика и невольно встает, отпуская джигита.

Изобразив на лице устрашающую гримасу, кривляясь, словно в него попала пуля, он начал приближаться к напуганному мальчику с криком: «На, на, давай, попробуй, застрели меня... посмотрю, как ты стреляешь! Маленький кровосос... выпей мою красную кровь, пока не насытишься!» Мальчик стал отступать и собрался бежать. В тот момент, когда активист пытался схватить его, выстрелил. Раздался только щелчок – в оружии не было патронов. Активист бросился преследовать между камнями побежавшего, выкинув маузер, мальчика. Вытащил из ножен большой кинжал.

Плачущая девушка, беспомощно наблюдавшая за всем происходящим, подбегает к Ерниязу и всматривается ему в лицо. Парень, еле открыв глаза, начинает приходить в себя.

Пока они, поддерживая друг друга, приходили в себя, активист яростно гонялся за мальчиком среди огромных камней. Размахивая кинжалом, он усердно ищет спрятавшегося мальчика среди камней. В одно время находит свой маузер, после чего, достав из кармана патроны, заряжает его.

В это время Ернияз и Райхан, опомнившись, прячутся за камнями.

Обезумевший и взбешенный активист начинает догонять молодых и стрелять по ним, перебегавшим от камня к камню. К Ерниязу и Райхан подбегает Токтарбай.

В это время активист, прицеливаясь, стреляет в мальчика, но Райхан, прижимая брата, успевает прикрыть его собой.

Пуля попадает в спину девушки. Она погибает мгновенно.

Ернияз, схватив за руку Токтарбая, прячется за камнями. Активист, тяжело дыша, крупными шагами бежит за ними, но неожиданно спотыкается о тело мертвого начальника и падает лицом на землю.

Заметив это, Ернияз, собрав последние силы, подбегает к нему, камнем бьет по голове и убивает активиста.

Сильно уставшие, вдвоем с Токтарбаем они подходят к Райхан и, горя, сидят возле мертвого тела.

Осмотревшись по сторонам, замечают коня активиста, который стоит неподалеку.

Спокойный конь, не убегая, дает им легко поймать себя. В дорожной сумке находят айран и хлеб. Поев и отдохнув, они приходят в себя.

С болью в душе прощаются с Райхан и прикрывают ей лицо платком...

Двое сирот, облокотившись друг о друга, взбираются на коня и держат путь в сторону горизонта...

2007 г.

Перевел с казахского **Канат Турлынов**

ПОРАЖЕНИЕ

Рассказ

У Сержана сегодня все валялось из рук. Работа не ладилась, да и не было желания работать. Он не курил, но стоило кому-либо из сотрудников, встряхнув спичечным коробком, направиться в коридор, как Сержан тут же следовал за ним и убивал время в разговорах.

Взбудоражен в этот день был не только Сержан, но и весь коллектив. С утра шеф (ребята звали его Стариком, хотя он был далеко не стар, видимо, стремились подчеркнуть его руководящую должность), собрав всех подчиненных в своем просторном кабинете, дольше обычного улыбочиво вглядывался в их лица. По выражению лица этого человека никогда невозможно было угадать – доволен он или сердит. Ибо в любом случае он оставался неизменно улыбочив и вежлив. Заведующие отделами подумали напряженно: «Да будет эта долгая улыбка залогом долгой радости». Пожелания их сбылись, Старик заговорил приветливо:

– Сегодня завершается наше первенство. Так уж надумал наш местком – породил в нас рознь, заставил сражаться за какую-то кубышку! – Ждать от шефа более высокой похвалы, все равно, что в феврале надеяться на теплый дождик. – Словом, нынче подводим черту. Заканчивайте работу в пять. По давней привычке поработаете завтра чуть энергичней и наверстаете упущенное. Напоминаю еще раз: работа, как всегда, на первом плане. Ну а вечером все, кроме судей, могут быть свободны. Но было бы неплохо, если бы вы остались поболеть.

Разве уйдет кто-либо домой после таких слов? Вообще, придавать особое значение спортивным состязаниям в коллективе – од-

но из хороших качеств Старика. Сегодня вот завершается соревнование по настольному теннису, длившиеся три недели. Поединок за первое место должен состояться между Стариком и Сержаном. Поэтому сотрудники взбудоражены заранее и не могут дождаться конца работы.

– Ну как, Сержан, сегодня решающий день, а? – похлопывают некоторые Сержана по плечу.

К группе курильщиков, шумно обсуждающих предстоящую финальную встречу, подошел и Старик. Те загудели, как потревоженный пчелиный улей. Старик сам завел разговор:

– Что, намерены сегодня полюбоваться, как мы с Сержаном сцепимся, плуты?

Все заговорили, перебивая друг друга и весело улыбаясь.

– Нам самим сегодняшнее видится не менее важным, чем финал мирового первенства! – сказал кто-то бойко. – Для кого-то другого оно, может быть, и не имеет никакого значения, но для нас это событие волнующее. Верно я говорю, товарищи?

Кто бы решился сказать, что неверно?

– А ты, я вижу, сегодня в форме, как скакун перед байгой. Вот джигиты предсказывают твою победу, – сказал Старику его заместитель и товарищ по университетской скамье, подсказывая другим, что он на дружеской ноге с шефом. (Заместитель был еще и родственником Сержану). – Вечером твоя благоверная, надеюсь, обмоет эту победу, тогда не забудь учесть, давай-ка руку, я поздравляю тебя первым.

Сержан возмутился в душе: «Оказывается, и шутками можно подлаживаться».

– Погоди. – Старик не подал заместителю руки. – Сержан – орешек крепкий. Легко не проиграет.

«Проиграет, говорит», – подумал Сержан.

– Как бы молодой бес не загнал таких стариков, как мы, до седьмого пота, играя как кошка с мышкой

– Ну, тоже мне заладил: «Старики, старики!» Можно подумать, ты себя уже в старики записать собрался. А ведь известно: немало хорошеньких молоденьких женщин глаз от тебя не отрывают.

Эта шутка сверстника Старику, видимо, пришлась по душе. К светлomu лицу его прилила кровь. И в самом деле он был довольно красив и из тех редких руководителей, у которых и после сорока не вырастает брюшко.

– Какие могут быть кошки-мышки?! Сержан, наверное, может уступить и из уважения к старшему по возрасту

Кажется, все заметили, что заместитель ляпнул не то. Правда, некоторые захихикали, поддакивая. Но большинство молчали. Сержан покраснел, Старик обиделся.

– Ну ты, знаешь... Ты брось даже выдумывать такое! Состязание есть состязание. В споре нет согласия, в борьбе нет братства. Пусть все решит поединок!

Старик повернулся и ушел. Сержан знал, что Старик любит честную игру. Как-то заметив, что его нынешний косоглазый заместитель намеревается специально проиграть ему в шахматы, он прикрикнул: «Эй, косой, я тебе не стервятник, падаль мне подбрасывать не надо. Играй как следует!» Но было известно и то, что Старик не любит по-настоящему проигрывать в настоящей игре. В нем прочно утвердилось убеждение, что игры должны быть по-настоящему честными, что всегда в них должен побеждать он! Вот и попробуй найти выход из такого положения, если ты мудр. Кто-то хлопнул по спине, обрывая раздумья Сержана. Оказалось, заместитель.

– Что, мальчик, сегодня решающий день, да?

Он вглядывался в лицо Сержана, испытующе щурясь. В глубине глаз металась бесы.

– Решающий день. Зачем мучить Старика? Возьми да уступи! Пусть себе забирает большую хрустальную вазу. А то как бы из-за этой стекляшки ты не возмутил обидчивую душу... Тебе довольно и второго места. У ребят из месткома кое-что готовится. Есть идеяк sprыснуть победу. Они и поручили мне поговорить с тобой, боясь, как бы ты не испортил все, победив Старика. Не забудь, решающий день! Вот и решай!

Заметив равнодушие Сержана, он стал напористей.

– Да ты что... А я верил в тебя, думал, родственник все-таки. Много ли ты потеряешь – мгновенье восторга и только?! Мелькнет шумно, да и забудется. А жизнь-то, брат, останется. И моральных мук никаких – уступил старшему по возрасту первое место, выказал уважение. Что же тут страшного-то?

– Нет, нет, ага, это я и сам понимаю, – поспешно ответил Сержан.

– Вот и прекрасненько. Я был уверен, что ты поймешь. Ведь умею узнавать умных парней. Просто решил предупредить, чтобы ты по молодости лет не погорячился.

«Да, решающий день, – пробормотал Сержан, оставшись один. – Решающий день.» Он не ломал голову над тем, как будет играть. В этом коллективе он никому не открыл, что имеет первый разряд по настольному теннису. Ему-то было ясно, что при желании он сможет разгромить Старика в двух партиях. Влюбленный в спорт всем сердцем, Сержан преклонялся перед честной игрой. Но сегодняшняя встреча была совсем иной и мучила. Как назло, Старик не проиграл никому. Были ребята способные выиграть у него, но у одного вскользь мазнула по шарик у ракетка, у другого криво полетел шарик. Короче, в финал вышли лишь Старик и Сержан, набрав одинаковое количество очков.

В разговоре с заместителем Сержан сказал правду, ибо и в самом деле был он юношей неглупым. Он пришел к этому решению, потому что хорошо знал характер Старика: тому все равно – склонись перед ним до земли, уважь, проиграй, а если заметит малейшее притворство, то выйдет из себя. Такой уж чудной человек. Судя по этому, он, будучи в этом учреждении человеком номер один, видимо, давно уже подбил косточки счетов и полагает, что стоит выше своих подчиненных во всех отношениях. Сержана поражает способность Старика выдавать ложь за правду и в этом находить для себя усладу. Сегодня Сержан должен проиграть и проиграет, ибо ясно как божий день, что Старик, проиграв по-настоящему в настоящей игре, выйдет из себя и за поражение на теннисном столе отыграется на столе служебном. В последнее время он явно благоволил к Сержану. Недавно их заведующий отделом вышел на пенсию. Стало быть ... Заместитель прав, глупо из-за мимолетного шума восторженной толпы швырнуть вниз собственный камушек, готовый покатиться в гору. Что ж, он изо всех сил постарается превратить сочащуюся жиром ложь в постыдную правду. Это его неособенно затруднит. Если он прольет семь потов, делая вид, что играет по-настоящему, будет сражаться отчаянно, помучает Старика в каждой партии и проиграет, уступив лишь одно-два очка, то, несомненно, сотрудники, ничего не смыслящие в технике игры, хотя некоторые из них и научились кое-как стучать ракеткой по шарик у, с радостью воспринявшие теннис, как отдушину от монотонной сидячей работы, будут лишь восторженно шуметь и удивленно покачивать головами. Не возмутится и толстокожая совесть Сержана; да и зачем ему эта вздорная совесть, которая станет колоть его душу из-за какой-то игры для развлечения?

«Лишь бы не пришла сегодня Гульназия». Эта мысль и мучила Сержана весь нынешний день. Он пожалел, что поторопился рассказать ей о первенстве в коллективе. Но тут же стал себя оправдывать. О чем же еще оставалось говорить? Когда тема их милой беседы иссякла, и она спросила: «А чем ты теперь занят?», ему не осталось ничего другого, как рассказать о состязаниях по теннису. Гульназия обрадовалась. Она тут же выдала, что спортивные состязания сближают людей, не успевающих в повседневной текучке общаться друг с другом, раскрывают характеры всего коллектива и отдельных людей. Сержан смутился в душе, чуть вздрогнула его толстокожая совесть. Но самое страшное оказалось впереди – Гульназия решила посещать их состязания. Сержан попытался отговорить ее: «Неудобно же, там люди постарше нас...» «Что же тут неудобного? Я не буду бросаться всем в глаза, не буду кричать восторженно. Буду стоять неприметно среди ваших сотрудниц. Подумают, что я подруга одной из них. Тебе это разве повредит чем-нибудь?» – возразила девушка. Отговорить ее Сержан не сумел, а запретить, разумеется, не мог.

Посетив несколько игр, Гульназия сказала Сержану: «Ой, поздравляю тебя заранее! Там нет никого способного выстоять против тебя!» Сержан уже не только по ходу состязаний, но и по настроению сослуживцев безошибочно предугадал, как сложится финал игры, но, стремясь не выдавать Гульназии своих сомнений, ответил с принужденной скромностью: «Почему же! Есть ребята. Стоит ли заранее предсказывать мою победу?»

Лишь бы не пришла Гульназия. Если она придет, то все сразу поймет. Ибо у нее тоже первый разряд по теннису. И причиной их знакомства и дружбы послужил именно теннис.

В тот день Сержан отдыхал в парке. Гулял, как обычно, один. Он любил предаваться раздумьям в одиночестве. Когда встречался кто-нибудь из знакомых, он вежливо здоровался, но спешил от того отделаться. Избегал откровений, шуток, тесных общений, считал это ненужной тратой драгоценных мгновений жизни. Полагал за глупость. Не принимал сердцем людей, не умеющих жить, подчиняясь рассудку. Он был уверен, что и шутки, и смех, и тесные взаимоотношения людей, их откровения друг перед другом – все это бессильная перед бытием легкая пена, сияющая для показной красоты, – дунь и улетит. Разумеется, он тоже знал, что у него есть сердце, которое клокочет и просит свободы, но он душил свое сердце, не выпускал никогда за каменные стены рассудка.

Он с жалостью смотрел на беспечно игравших детей, веселых и беззаботных юношей и девушек, взбудораженных пивом мужчин, рассказывавших друг другу какие-то захватывающие истории. «А какой во всем этом смысл, какая у этих людей цель в жизни?». «Отдыхают же люди,» – возражает ему внутренний голос. «Отдыхают!» Он усмехается иронично. Какой может быть отдых? Чтобы отдыхать, нужно сильно устать. Нет, уж лучше сначала, пусть из последних сил, вскарабкаться на вершину, а уж потом и отдохнуть, сверху вниз глядя на тех, кто копошится у подножья! Ну, а задерживаться у подножья, упускать время – непозволительная роскошь. Да, да, так, именно так.

Он ведь тоже не против погулять с девушкой, повеселиться, валяться беспечно на зеленой лужайке. Но для этого нужно создать сначала условия. Нужно накопить не только деньги, но и вес, и авторитет. Имея хоть небольшой вес, можно и расслабиться. Чтобы добиться этого, он должен тщательно обдумывать каждый свой шаг по жизни. Иначе можно и обжечься. Если будешь зевать, то твой поезд уйдет без тебя. Что интересного в бытие твоём, если ты хотя бы на йоту не выше окружающих, если никто не робеет перед тобой и не склоняет головы?

Сержан сделал этот твердый для себя вывод, еще раз проверил правило бытия, которого придерживался, и остался в нем непоколебимым. Он и не заметил в раздумьях, как дошел до того места, где играли в настольный теннис. Он часто приходил сюда поражаться. Не видя свободных столов, Сержан заколебался, закусив губу: «Ждать очереди или не стоит?» Затем он заметил одинокую девушку у крайнего стола. Судя по тому как нетерпеливо поглядывала по сторонам, она явно искала партнера. Сержан, ступая торопливо, приблизился к ней и спросил с улыбкой: «Можно сыграть с вами?» Он нарочно сказал несколько двусмысленно. Щеки девушки вспыхнули пламенем, но робости она не выказала. Сверкнув глазами, молча подала ракетку. Тук-тук... Они ни о чем не разговаривали, лишь белый шарик метался беспокойно между девушкой и юношей, словно был завязтым сводником.

Вначале Сержан только любовался уверенными движениями девушки и играл без особого азарта. Девушка же играла собранно, ракетка так и мелькала в ее руке. Не только мастерство ощущалось в ее движениях, но и были и некие своеобразные гармоничность и ритм. Джигит заметил, что уступил немало очков, и начал играть всерьез. Хотя на первый взгляд казалось, что проучить крохотную,

как детеныш серны, девушку будет нетрудно, Сержану пришлось изрядно попотеть. Как он ни выкладывался в игру, первую партию пришлось уступить.

– Хорошо играете, – сказал он, меняясь с девушкой местом. – Видимо, я по наивности своей нарвался на настоящую спортсменку. И все же, теперь советую быть осторожней. Первую партию я уступил лишь из уважения к девушке.

Девушка мило улыбнулась и впервые прямо взглянула на него своими ясными глазами.

– В борьбе нет дружбы, в игре нет уступок, агай. Не теряйте возможности.

Оба поняли, что стали в душе страстными соперниками. Поняли и заставили белый шарик то плясать изгибаясь, то лететь пулей, то блеснуть молнией, то камнем падать на стол. Сержан все-таки победил, но с большим трудом. Оба, выравнивая дыхание, изучающе оглядели друг друга. Джигит и гордился победой, и был огорчен тем, что, имея первый разряд, еле вырвал ее у столь хрупкой девушки. Но виду он не подал, а поглядел на нее, чуть горделиво улыбаясь, словно спрашивая: «Ну, как, сестренка?»

К лицу девушки то ли от напряженной игры, то ли от горечи поражения прилила кровь; в глазах метались искорки. Сержан решил перед следующей партией прервать молчаливое соперничество и немного поговорить.

– Послушайте, сестренка, неудобно как-то средь бела дня таиться друг от друга. Давайте познакомимся.

Девушку звали Гульназия. Разговаривала она без излишней робости и смущения, просто и раскованно. Познакомившись и обменявшись безобидными шутками, они снова приступили к игре.

После взаимных побед и поражений разошлись душевно сближенные... Хотя Сержан и был тысячу раз благодарен теннису за знакомство с Гульназией, сейчас его однако огорчало, что она теннисистка. Эта горечь связана с сегодняшним решающим поединком. А ведь именно благодаря теннису встречались они столь часто. От коротких шуток во время игры перешли позже к долгим откровениям. Сержан постепенно понял, что Гульназия, показавшаяся ему вначале наивной и простодушной, умна и рассудительна. Девушка, не умеющая произносить ни слова лжи, и душой была прозорлива. Ее понятия о честности и справедливости, вначале принятые Сержаном за детский лепет, оказались вескими плодами

глубоких раздумий. Как-то у них возник горячий спор о взаимоотношениях юношей и девушек.

– Я ненавижу парней с показными качествами, стремящихся подладиться, чтобы понравиться. – Гульназия не стала сдерживать резкости своих выводов. – Есть фальшивые юноши, которые, увидев хороших девушек, одетых крикливо и считающих себя верхом модерна, начинают играть перед ними роли повес, миляг и рубах -парней. А присмотреться попристальней – так, пустые люди, не имеющие ничего ни в голове, ни в сердце. А ведь некоторые девушки еще и верят им. Мне же нравятся, будь то девушка или юноша, люди с цельными характерами, со своими лицами, на которые они к тому же никогда не набрасывают вуали. Даже их явные недостатки в тысячу раз лучше фальшивых достоинств первых, ибо они у них настоящие, только им присущие.

Сержан не стал спорить, а лишь улыбнулся в ответ, но в душе его затянулась внезапно в тугой узел какая-то тоненькая нить. Те слова Гульназии неожиданно всплыли в памяти Сержана, заставив его смутиться. До сих пор она не видела в Сержане ничего плохого. И, конечно, мнение Гульназии о нем хорошее. Они уже скучали друг без друга. Меж ними возникло какое-то хрупкое и лелеемое, как мечта, чувство, которое каждый из них затаил глубоко в себе. Сержан, взвесив все свои ощущения, пришел к выводу, что Гульназия ему нравится. И будущей спутницей его жизни должна стать только она. Разве не выйдет из нее прекрасная супруга, после того, как ее нынешнее своеобразие и чрезмерное стремление к правдивости несколько сгладятся, войдя в колею жизни? И тогда Сержан подчинит ее своим правилам, своему влиянию.

– Эй, Сержан, ты чего там стоишь? Подошло время, давай, готовься, – послышался чей-то веселый голос. – Дай-ка, брат, сегодня настоящее сражение. Большинство джигитов жаждут твоей победы!

Один из коллег постарше и давно здесь работающий крепко пожал Сержану руку. Лишь теперь Сержан заметил, что все уже закончили работу и теперь одни носятся суетливо, а другие нетерпеливо прохаживаются по коридору. Все сотрудники уже вышли из кабинетов и возбужденно обсуждали предстоящий поединок.

Сержана тоже охватило возбуждение. Решительными шагами направился он к себе в кабинет. Там переоделся и вышел уже, приплясывая, с легкой ракеткой в руке. Ему почудилось, что все вокруг глядят на него восторженно. А как же иначе? Ведь в его

руках сейчас находится авторитет самого Старика, а в его кармане – ключ разговора с шефом.

Сержан размялся, гоняя шарик по столу с джигитами. В это время он забыл обо всем, был весь захвачен только игрой. Лишь услышав восторженный гул, Сержан пришел в себя. Разрезая толпу надвое, приближался Старик. Он тоже был одет легко и удобно, поглядывал по сторонам по-чемпионски.

– Ну, как? – шутливо похлопал он по плечу Сержана ракеткой, улыбнулся ему и быстро пробежал взглядом по болельщикам: проверял, кто остался, кто нет.

Когда Старик принялся за разминку, болельщики уже окружили стол плотным кольцом. Вскоре главный судья поднял над головой руку, призывая к тишине болельщиков и игроков.

– Итак, друзья, сегодня завершается первенство нашего коллектива по настольному теннису, – сказал он торжественно. – И разыгрывается главный приз. Вы, конечно, знаете и сами, что оба соперника достойны этого приза, – коротко поведал он и пространно заговорил о ходе первенства, об удивительных человеческих и спортивных качествах сегодняшних соперников.

Сержан слушал его в пол-уха, и, волнуясь, высматривал среди болельщиков Гульназию. Она тихо стояла в группе женщин. На ней было белоснежное платье. Она не отрывала глаз от Сержана. Их взгляды встретились, и щеки Гульназии ярко вспыхнули, она не смогла скрыть своей радости при виде его, своего волнения, того огня, который сейчас бушевал в ее груди. Сержан тоже сделал попытку улыбнуться, но лицо его словно окаменело. Гульназия же поняла его состояние по-своему и подняла вверх ярко-красный букет цветов – подбадривая. Сержан лишь вяло кивнул ей в ответ.

В это время главный судья попросил всех участников первенства не расходиться после встречи, а ждать его разрешения и дал знак начинать игру. «Пусть победит сильнейший!» – воскликнул заместитель и тайком подмигнул Сержану.

Целая буря поднялась на небольшой поверхности стола. Началось то самое отчаянное сражение, о котором столько судили и ржали, строили самые необычайные предположения в небольшом коллективе. Оба соперника действовали и энергично, и осторожно. Болельщики шумно одобряли каждый удачный удар, каждую ловкую подачу, воздавая поочередно должное обоим. Сильный есть сильный, Сержан за коротенький срок ушел на четыре очка вперед. Горячая молодежь, видимо, уже заранее отдав Сержану побе-

ду, шумела взбудораженно, а более бывалые или считающие себя такими, выказывали сдержанность, дожидаясь конца. Сержан смахнул пот со лба и быстро огляделся вокруг. Заместитель посерел лицом и пристально смотрел на него. Щеки Гульназии совсем покраснелись, а глаза сияли счастьем. Стараясь быть незамеченной, она украдкой показала Сержану большой палец.

Но все это не сказалось на Сержане. Напротив, он тут же стал опять спокойным и расчетливым. Если продолжать и дальше в таком же темпе, то он наверняка выведет Старика из себя и разобьет его наголову.

Сержан внимательно оглядел соперника. Тот весь взмок от пота. Светлое лицо его покраснело, в глазах затаились гнев и ярое упрямство. Похоже, он решил бороться до последней минуты. О горечи Старика, вызванной тем, что этот Сержан, обычно беспрекословно выполнявший его волю мальчишка, вдруг обрел вдохновенную силу, превзошел его и он теперь бессилен что-либо поделаться с Сержаном, откровенно свидетельствовали его обвисшие брови и широко раздувшиеся ноздри.

Сержан все рассчитал тщательно и решил подольше помучить Старика. Он хотел, чтобы Старик понял, что не будет ему легкой победы, чтобы тот хоть на миг почувствовал, каким бывает честное единоборство, чтобы потом сумел оценить ум и возможности Сержана, его прозорливость и уважительность. Он стал двигаться еще стремительней, ускорил темп атаки. Бил безудержно, возбужденно, заставлял Старика метаться в отчаянье, доставляя удовольствие и другим, и себе, гонял белый шарик так резко, словно намеревался вбить его в стол. Все чаще возникали моменты, когда Старик, не сумев углядеть стремительного полета шарика, растерянно рассекал воздух ракеткой, и, не приняв молниеносную подачу, посылал шарик в сторону, в такие мгновения он выходил из себя и в сердцах бил ракеткой по столу. Эти удары действовали на Сержана, подобно угрозе Старика, стучащего кулаком по служебному столу, и он чуть расслабился, заставляя себя выйти из состояния, охватившего его азарта. К этому времени счет был уже шестнадцать и пять.

Начиная очередную подачу, Сержан, сделав вид, что целился в самый краешек стола, послал шарик мимо. Потом он пропустил несколько сильных ударов Старика. Получив за считанные минуты целых четыре очка, Старик воспрянул и заиграл с новой силой, а Сержан, делая вид, что горячится от своих промахов и, что одно-

временно утомился от первоначального бешеного темпа, словно совершая нечто естественное, стал незаметно для других постепенно менять стиль игры. Теперь внимание болельщиков привлёк Старик, неопытные взгляды не замечали некоторую неловкость его движений, а видели лишь то, как он, игравший довольно хорошо для любителя, стал стремительно догонять Сержана по очкам. После того как счет стал по двадцати, соперники долго не уступали друг другу, постепенно набирали очки. Наконец, партия завершилась нелегкой победой Старика со счетом двадцать четыре – двадцать два.

Болельщики не забыли аплодисментами выразить свой восторг победителю. Любители поделиться впечатлениями уже вздохами говорили друг другу об удовольствии, полученном от обоюдного упорства, которое не очень часто встречается и на крупных соревнованиях. Сержан, не обращая внимания ни на что, молча сменил место. Заместитель, делая вид, что смотрит совсем в другую сторону, улыбнулся, выражая ему одобрение. В этот миг Сержан возненавидел своего родственника. «Подлец ты!» – безжалостно сказал он и самому себе. Но чувство оказалось мимолетным. Первая же волна рассудительности изгнала его, превратив в бесцветное марево. «Мы с дядей понимаем жизнь,» – оправдал он и себя, и дядю, и стал снова хладнокровным и расчетливо-решительным.

И тут его взгляд случайно упал на Гульназию: лицо ее было грустным, в глазах смешались тревога и надежда, вера и сомнения. Сержан уверенно кивнул ей, успокаивая. Он намеревался еще продлить игру. «Следующая партия будет моей», – решил Сержан. Их условия не совсем сходились с общепринятыми для тенниса. Договорились победу присудить тому, кто победит дважды. «Пожалуй, позорно будет проиграть вам со счетом два – ноль, Старик!»

Утвердившись мысленно на этом решении, Сержан сначала нарочно вывел Старика вперед. Дав ему фору в шесть очков, глянул на него. Лицо Старика было радужным, выражало явное довольство успехом и тем, что он живет на этом свете. Глаза лучились радостью. «Господи, что же может означать поведение этого человека? Неутолимую жажду победы или слепую увлеченность? А может, чрезмерные самолюбие и самоуверенность? Что же может дать ему зависть к тому, что подчиненный ему работник в чем-то его превзошел? Нет, батенька, вы, кажется, много возомнили о себе, забыв, кто такой Сержан! Я вам покажу, батенька!» Сержан снова начал действовать уверенно и молниеносно. Туки-

туки-тук, туки-туки-тук... Наигранным ритмом, движениями гибкого, как лоза, тела стал посылать он шарики молниеносно и снова заставил Старика задохнуться. Не снижая бешеного темпа, он выиграл со счетом двадцать один и восемнадцать.

Снова аплодисменты, восторги и похвала. Сержан взглянул на Старика. Тот держался мужчиной: «Поглядим...Игра-то еще не окончена.» Но это «поглядим» показалось Сержану двусмысленным. Родственник его, заместитель, незаметно кивнул, показывая, что он все понял, и закричал взбудораженно: «Ну, теперь наступила решающая минута!» Гульназия опять незаметно помахивала из толпы рукой, радостно сияла и смотрела на Сержана с восхищением. Сержан отвернулся, кусая губы... Его огорчило то, что она, словно мерило совести, взвешивала и оценивала его поведение. «Ребенок! Эх, несмышленый ребенок! Что ты понимаешь? Нет, милая, твоя безмерная честность не может служить мерилом жизни. Оставь, оставь меня, знай свое место, не морочь мне голову!»

Он еще больше утвердился в своем решении. Снова тук-тук, тук-тук. словно два молчаливых соперника вели переговоры посредством бездушного шарика. Старик был возбужден, он будто спрашивал: «Ну, как, юноша, твердо ли еще на ногах стоишь? Есть ли в порохницах еще порох?» Сержан бил по шарiku резко, словно отвечал: «Не только сопротивляться смогу, но и разгромлю вас, батенька.» Но тут же отряжал шарик робко, словно оправдывался: «Не совсем же я без понятия, умею уважать старших.» Свои козыри Сержан решил не раскрывать ни за что и играл в этот раз очень осторожно. Очки шли на равных. Когда счет стал по шестнадцати, терпение болельщиков натянулась, как струна, готовая лопнуть. Заметил Сержан и дрожь левой, державшей шарик руки Старика. Теперь уж оба игрока не шли на рискованную стремительность, а принялись выжидать и высматривать удобные моменты. Старик вышел на пару очков вперед, но Сержан тут же нагнал его. Девятнадцать – девятнадцать. Старик как будто перехитрил: слабым ударом послал крученный шарик, и Сержан едва смог зацепить его после двух касаний. Это значило, что Старик вырвался на очко вперед. Последний, решающий миг. Сержан стремительно отбил ударившийся о стол и чуть взлетевший шарик, и тот застрял в сетке!

Все! Старик победил!

Сержан, показывая, как сильно он огорчен, ударил ракеткой по столу...

Болезельщики вразнобой поздравляли победителя. Их веселые голоса плыли по воздуху и уносились далеко. Старик, утирая жаркий пот, выказал воспитанность: «Не дай Бог никому такого соперника! Это же настоящий вихрь, вихрь! За это следует только уважать. Я поздравляю Сержана с достойной игрой! Сладки плоды, которые сеешь с трудом и собираешь в поте лица своего. Спасибо, дорогой мой!» – сказал он, сжимая Сержана в объятиях.

И Сержан тесно прижался к нему. Всем телом своим ощутил он гулкие удары сердца Старика. Заметил он и то, что сердце, не нашедшее еще своего ритма после недавнего напряженья, полно теплоты и нежности к нему. Обычно Старик становится очень добр к своим побежденным соперникам. Сержан в глубине души гордился собой. «Я выиграл, Старик, я выиграл, выиграл!» В таком состоянии высвободился он из объятий Старика и поднял голову.

Прямо перед ним, глядя на него пристально, стояла Гульназия. Лицо ее побледнело, на глазах блестели слезы, руки нервно мяли букет; пронзительный ее взгляд, казалось, видел насквозь все внутренние расчеты Сержана. И Сержан взорвался. «Фу, сентиментальщина!» Он решил гневно наброситься на девушку, просветить ее. Но тут же он вспомнил, что не имеет на это никакого права, что, хотя у них и было молчаливое взаимопонимание, они еще не говорили ни слова, и растерялся, не зная как поступить. Главный судья объявил, что дает игрокам пятнадцать минут привести себя в порядок, а затем состоится церемония вручения призов. Бывалые болезельщики, поняв по загадочному выражению лица судьи, что за вручением произойдет еще какое-то приятное мероприятие, весело закурили и заговорили меж собой.

Сержан последовал за ушедшей Гульназией. Девушка шла, не оборачиваясь, и он вскоре настиг ее. Догнав, сказал, задыхаясь, и в шутку, и всерьез, и с иронией, и с сомнением:

– Ну, как дела твои? Почему не поздравляешь меня с "серебром"? Или почет и уважение выказываются только абсолютным победителям?

Он считал, что расстался с состоянием расчетливости и уже находится в сфере чистых чувств, поскольку в душе теперь корил себя за слабость. Вообще, для него стало нормой менять тон в разговоре соответственно каждому моменту.

Гульназия не проронила ни слова, лишь снова пронзительно глянула на Сержана. Джигит, заметив в этом взгляде вопрос и

укор, раздражение и разочарование, ощутил легкую робость и опять стал оправдываться.

– Я совсем выдохся. Нервы не выдержали. Особенно последний мяч надо было не бить сгоряча, а загнуть легонько...

Гульназия вновь промолчала. Она стояла по-прежнему, не отводя взгляда от глаз Сержана.

– О, да что стряслось с тобой? Скажи же что-нибудь, не томи, ради Бога!

Джигита начал выводить из себя молчаливый укор девушки.

– Какой ты прекрасный артист, Сержан, – сказала Гульназия с дрожью в голосе. – Ты проявил верх угодливости. Все гладенько, все чистенько, никто ничего не заметил. Среди бела дня обвел всех вокруг пальца. Какой же ты!!!

Сержан понял, что хитрить теперь ни к чему, и взорвался.

– Ну, хорошо. Да, я проиграл специально. Что же в этом трагического? А на какую вершину вознесла бы меня честная игра? Да, я подделался под настроение моего шефа. Но почему это так бесит тебя? Не понимаю я тебя! – Теперь голос его охрип и перешел в задыхающийся крик. – Жены или подруги других в таких случаях наверняка одобрили бы поступок своего мужа или друга. Ибо раз уж взялись за руки, то нужно и единодушно стремиться к одной общей цели. Я же нарочно проиграл, о нас с тобой заботясь, а ты...

Гульназия выбросила свой букет в урну. Сержан застыл неподвижно. Девушка еще раз пристально взглянула на него.

– Нет, Сержан, ты проиграл по-настоящему!

Сказав это, она резко отвернулась и пошла прочь. Сержан какое-то время стоял оглушенный, затем, быстро ступая, догнал девушку. Взяв за локоть и станавливая ее, он понял, что любит ее. Он не собирался из-за какой-то там игры терять столь красивую девушку. Он, искренне волнуясь, сказал Гульназии, что по-настоящему любит ее. Их ждет интересная жизнь впереди. Нужно думать о будущем.

– Пойми, нельзя из-за крохотной, с игольное ушко, фальши терять таких парней, как я. Иначе в конце концов останешься одна. Вот тогда поймешь какую совершила ошибку, – сказал он под самый конец.

Из глаз Гульназии выкатились две слезинки.

– Все, Сержан. На этом все кончилось! Я очень верила тебе!

Она оттолкнула руку джигита и ушла, не оборачиваясь. Сержан, растерянно глядя ей вслед, покачал головой и прошептал: «Какая редкая девушка!»

Тут же он вспомнил, что нужно идти на вручение призов и торопливо зашагал назад. Дойдя до порога своего учреждения, он оглянулся: Гульназия удалялась. Ее белое платье мелькало вдалеке как одинокий парус...

1984 г.

Перевел с казахского **Амантай Утегенов**

ПОБЕДА ЧЕМПИОНА АЙХАНА

Киноповесть

Мечтатель

Середина восьмидесятых годов XX века.

Боксер Айхан Найзабеков бодро вошел в зал бокса стадиона, расположенного в центре Алматы. Он любил этот зал, пропитанный соленым потом молодых сильных людей. Едва перешагнув порог, он преображался; входил в другой мир. Это был его мир, его путь. Не спеша переодеваясь, Айхан задумчиво посмотрел на яркие фотографии великих чемпионов, развешанных по стенам раздевалки – Джо Луиса, Мохаммеда Али, Джорджа Формэна, Джо Фрезера, Теофило Стивенсона, Шугар Рой Робинсона. Прыгнул, взмахнув кулаками и, как бы говоря чемпионам, что превзойдет их когда-нибудь, весело подмигнул им...

Когда Айхан в форме вышел в зал тренировок, его ожидали старший тренер – пожилой мудрый Асет ага и его друг, соперник Токсан. Они тепло поздоровались.

– В общем, дело идет к бою! Тренерский совет решил завтра провести бой между вами, – сказал грустным голосом Асет ага. – Победитель поедет на чемпионат СССР! Ну что же, друзья, ничего не поделаешь! Такова наша боксерская доля! – он задумчиво посмотрел на своих учеников.

Нахмурился и Токсан. Айхан посуровел.

Бой с другом

Бой между друзьями-соперниками, лидерами казахского бокса в среднем весе, проходил в этом же зале.

Зрителей немного: судьи, тренеры. Бой напряженный, азартный. Соперники достойны друг друга. Красивые комбинации, сильные удары, ловкие уходы. Почти в равном бою чуть-чуть лучше выглядит Айхан. Рефери поднимает его руку. Он ликует. Токсан загрустил. Все тренеры, судьи поздравляют Айхана. Молодая, симпатичная тележурналистка Маржан берет у него восторженное интервью. Они с интересом смотрят друг на друга.

Искорка любви

Айхан готовился к чемпионату Союза рьяно. Упорно тренировался, бегал кроссы, плавал, отрабатывая в воде хуки, апперкоты, уклоны, нырки. До упаду молотил мешки, груши. Асет ага молча наблюдал за своим питомцем, то и дело поправляя его движения, давал мудрые советы, указания для правильного оттачивания техники боксерской науки.

Однажды, когда он бежал по склону вверх, его неожиданно встретила Маржан.

– Пламенный привет великому чемпиону! – Она весело смеялась.

Он, весь в поту, запыхавшийся, но обрадовавшийся этой встрече, полусхотая поправил ее: «Самому величайшему!» – и чмокнул в щеку. Она зарделась, но быстро взяла себя в руки.

– Наша редакция решила взять у вас интервью перед большим стартом. Не возражаете?

– Отказывают телевидению, тем более такой милой ведущей, только саламандры и самодуры! – отдышавшись, отчеканил спортсмен, и оба засмеялись заразительным, счастливым смехом.

– Я буду встречать вас с победой! – нежно проговорила она.

– Я буду спешить к вам! – сказал он с жаром.

Они сияли, полные романтики, чистых мечтаний....

Мягкий, летний вечер заливал золотым светом склоны гор....

Чемпион Советского Союза

На чемпионате СССР в Москве Айхан выступил отменно. Он выиграл у всех соперников с большим перевесом и в финале встретился с боксером из Москвы. Первый раунд прошел в обоюдной осторожной разведке.

– Запомни! Если не выиграешь явно – победу получит москвич! – Асет ага говорил возбужденно, что было несвойственно ему. Отчаянно размахивая полотенцем, он подкидывал идеи разгоряченному подопечному. Айхан был и так взвинчен до предела. Как только прозвучал гонг, он стремительно, но обдуманно начал атаковать сериями со средней дистанции. Москвич был силен, быстр, техничен. Защищался грамотно, четко, но иногда не успевал уйти от молниеносных ударов с обеих рук Айхана. Пропустив несколько ударов, он тут же бросался вперед, чтобы отыграть упущенное, и наткнулся на встречные прямые казахского боксера.

К середине поединка Айхан ясно понимал, что превосходит соперника по силе, скорости, выносливости, и что москвич начал уставать. В конце второго раунда ударом слева в печень Айхан послал его в нокаун. А в третьем раунде он полностью доминировал на ринге, и москвичу помогла только огромная сила воли, чтобы продержаться на ногах до финального гонга.

Все позади. Теперь боксеры в центре ринга с трепетом ожидали объявления победителя. И вот наконец звучный голос, раскатиasto произнес на весь огромный дворец спорта, на всю Страну Советов: «В этом финальном бою победу одержал Айхан Найзабеков!».

Рефери высоко поднял его руку. Вне всяких сомнений Айхан стал чемпионом Советского Союза в среднем весе. Они с Асет ага и друзьями по сборной ликовали!

– Эта победа – путевка в мир, на Олимп! – изрек философски мудрый наставник, крепко обнимая своего талантливую ученика.

Испорченное интервью

Айхан смотрит телевизор у себя дома.

Новости. На экране появляется Маржан. Репортаж о встрече в аэропорту чемпиона СССР по боксу Айхана Найзабекова. Айхан что-то говорит эмоционально, но его голоса не слышно. За кадром идет ровный, спокойный голос Маржан.

– Мы поздравляем нашего земляка Айхана Найзабекова с замечательным успехом! Желаем ему достичь еще больших высот на спортивном Олимпе!

Айхан выключает телевизор и звонит Маржан.

– Алло, Маржан, здравствуй! Мне абсолютно не понравился твой репортаж! Что случилось? Почему так урезали передачу?!

– Айхан, я тебе все объясню! Давай встретимся! – голос Маржан звенел в трубке.

– Хорошо! Приезжай ко мне поскорее, надо срочно разобраться: ведь не так же было!

Айхан положил трубку.

А дело было вот как.

Когда прилетели из Москвы в Алматы, в аэропорту Айхана и его товарищей по сборной республики встречали всего несколько человек.

После сухих «протокольных» приветствий от имени начальства строгих «дядей», Маржан с оператором захватила чемпиона. И тут же, тепло поздравив, начала интервью.

– Айхан, ваши первые впечатления в ранге чемпиона СССР?

И Айхан, неожиданно даже для себя, разошелся.

– Признаться, я не ожидал такую встречу. Где оркестр? Где фанфары? Почему не выстроили почетный караул? А девушки с цветами? И всенародное ликование, праздник от души?

Слегка смущенная Маржан быстро нашлась.

– О-о, у нашего нового чемпиона тонкое чувство юмора!

– Мне не до смеха – мне плакать хочется! – Айхан еще более раскалялся. – Я всю свою молодую жизнь мечтал о великой победе! О всемирной славе! И не щадя себя трудился до седьмого пота! Вот и крупная победа! Я – чемпион СССР! Быть чемпионом СССР по боксу – да вы понимаете, что это значит? Да ладно, поймете еще! Вот стану олимпийским чемпионом, лучшим боксером всех времен и народов – тогда ох как поймете! – Айхан глубоко вздохнул.

Воспользовавшись этим Маржан сказала: «Спасибо, Айхан, за оригинальное интервью! Мы еще раз поздравляем и желаем вам больших успехов!» и убрала микрофон...

И вот, пока Айхан, прокручивая в памяти этот эпизод, заново переживал те чувства, в дверь позвонила Маржан.

– Ты и вправду обиделся, Айхан? – спросила она взволнованно, с немножко виноватой улыбкой. – Я хотела как лучше...

– Мы все всегда хотим как лучше, – усмехнулся Айхан. – Но получается хуже некуда!

– Но в данном случае по-другому никак нельзя было! – возразила смело, даже профессионально жестко, Маржан. Айхан промолчал выразительно – почему?

– Да потому, что мы никак не могли выдать в эфир твое интервью. Ка-те-горически!

– А что, не понравились мои слова? Может, я сам не нравлюсь?!

– Да нет же! Но как тебе объяснить... ну... резко как-то все... и нескромно получилось.

– Эх, Маржан, Маржанка, Моралите! Нескромно?! Но ведь это правда! Что, чемпион СССР не может сказать правду? Понятно! Лучше тихая ложь, чем нескромная правда.

– Айхан, я тебя понимаю, я даже разделяю немножко твои чувства! Но показать это по телевидению было невозможно. Просто нельзя!

– Да, конечно, скромный экран не выдержал бы такого буяна, – иронизируя, Айхан немножко успокаивался, – и вправду, у нас везде стандарты скромности! Скромный успех, скромная победа, скромная заслуга, скромная слава, скромная жизнь! Как приятно, покладисто звучит – скромный стандартный советский спортсмен! Но я не вмещаюсь в такие рамки! – Айхан резко рванулся, подскочил к Маржан и, схватив ее за плечи, начал с жаром шептать ей на ухо. – Послушай, Моралите! Такого боксера, как я, не было никогда и не будет! Бокс – это смысл моей жизни – моя мировая слава! И я добьюсь своего! Надеюсь, ты меня поддержишь!

Она многозначительно посмотрела ему в глаза.

Он молча обнял ее...

В ожидании Олимпийской путевки

Айхан готовился к будущей Олимпиаде день и ночь. Под руководством Асет ага и самостоятельно в спортзале, в горах, лесу, у озера, реки – везде, где можно и нужно было тренироваться, он трудился до изнеможения. Проводил жесткие спарринги с серьезными ребятами. И ждал с нетерпением вызова из Москвы на сборы.

Но Москва молчала....

Вначале Асет ага оптимистично подшучивал между тренировками:

– Это у нас всегда так – до последнего момента все держать в секрете. Наверное, там думают, что чем больше окутывать дело туманом таинственности, тем оно становится значительней! А как хреново ожидать! Ходишь тут, как в нокдауне – им этого не по-

нять! Было бы все четко и ясно – о как славно! Но беспокоиться нам нечего – чемпион страны однозначно должен ехать на Олимпийские игры! Так что, оставь нам эту головную боль и колоти себя на здоровье! Вколачивай, вколачивай! Резче, резче! – Слушая Асет ага, Айхан отработывал удары на мешке, проводил бой с тенью решительно, с полной отдачей.

– Не напрягайся! Расслабься! – деловито поправлял его наставник. – Все! На сегодня хватит!

Отправив Айхана в душ, Асет ага задумчиво прислонился к канатам ринга. Он мысленно прокручивал обрывки разговоров с номенклатурными работниками.

– Ждите и занимайтесь! Все решает Москва! Надо будет – вызовут! – Сухой, жесткий голос отчеканивал каждое слово. – Кстати, предупреди своего подопечного, пусть умерит свой пыл! С таким гонором может и нарваться!

– Ну... молод... горяч... ничего, успокоится. Зато какой талант! И заслуженно победил! – тихо возражал Асет ага.

– Иногда поведение важнее, чем победа!

Глубоко вздохнув, Асет ага тяжелой походкой покинул зал...

Вычеркнутый из списка

Шло время. День за днем росло мастерство Айхана в упорных тренировках. Но Асет ага все мрачнел, морщины на его лице стали глубже и наливались глиняной тяжестью. На вопросительный молящий взгляд Айхана он отвечал только жестом: «Работать!» Оберегал наставник как мог, своего ученика от бремени неопределенности и, только глядя на его великолепную технику и скорость, немножко приободрялся.

Однажды он держал лапы под удары чемпиона, филигранно меняя положение рук, на что всегда точно реагировал Айхан. Они улыбались друг другу... И в это время неожиданно ворвалась сильно взволнованная Маржан. Тренер и спортсмен застыли на месте.

– Я позвонила знакомой тележурналистке из ЦТ! Тебя нет в списке! – выпалила Маржан, и слезы отчаяния брызнули из ее глаз.

– Что? Какой список? Что ты мелешь? – тихо спросил Айхан.

Маржан взяла себя в руки.

– В списке олимпийской сборной СССР по боксу нет твоей фамилии!..

Воцарилась страшная тишина.

Тренер и боксер с ужасом смотрели то на Маржан, то друг на друга.

Первым оправился Асет ага. Сухо кашлянув несколько раз в кулак, хриплым голосом спросил Маржан:

– А эта...твоя коллега. Ну, Центральное телевидение, не ошибается часом?

– К сожалению, они не ошибаются!

– Что? Что теперь делать? – Айхан говорил не своим голосом.

– Что делать? – Асет ага глубоко вздохнул. Зал вздохнул вместе с ним. – Терпеть и ждать! – Казалось, глаза Айхана вылезали из орбит, наполняясь слезами. На нем не было лица. – Терпеть и ждать! – почти полупшепотом, тяжело повторил подавленный постаревший наставник. – Они решают все! Мы – народ зависимый!

Айхан выслушал молча. Затем неожиданно выпрыгнул из ринга и ударил по мешку. Одной рукой он обнял мешок, прижался к нему, по лицу катились крупные капли пота, и другой рукой остервенело бил, бил, бил...

Он уже задыхался, обессилел, но продолжал молотить по бездушному снаряду. Асет ага с глубоким сочувствием и болью глядел на него. Маржан растерянно топталась на месте.

Вдруг Айхан медленно начал сползать с мешка, оседать на пол и остался лежать неподвижно...

Асет ага и Маржан бросились к нему. Айхан был без сознания...

– Врача! Врача скорее! – закричал тренер. Маржан побежала звонить. Асет ага поднял голову своего любимца и, сев, положил на свои колени. В это мгновение он был похож на аксакала, молящегося за раненого на поле боя батыра...

Больница

Айхан в больничном халате прогуливался в саду клиники, беседа с Маржан. Пришел навестить Асет ага. Они сели на скамейку.

– Ну, как ты? Что говорят врачи? – Асет ага старался говорить спокойно.

– Да так...в общем ничего! – в тон сдержанно ответил Айхан. – Говорят, переутомление, нервный срыв...

– Ему необходимы покой и отдых! – сказала Маржан сочувственно.

– Всем нам нужен покой, но мы все стремимся к беспокойству! – изрек Асет ага. – Я немножко побуянил, пошумел... по инстанциям... надеялся, может, чудом что-то изменится. В республике дали по шапке, сказали – не рыпаться, как решили в центре, так и будет! Все равно позвонил в Москву тренеру сборной, старому другу. Он – честный человек, принципиальный профессионал: «Прости, говорит, аксакал, по всем параметрам парень твой подходит на олимпийский пьедестал, но сверху была устная директива – ехать должен другой! Мы ничего не можем поделывать! Передай Найзабекову, посмотрим в другой раз! И точка!»

Учил я тебя, Айхан, держать удары, но такого не ожидал даже сам. Коварный, сильный удар ниже пояса! Ничего не поделаешь!

– И я ничего не смогла сделать. Хотела снять передачу о чемпионе СССР, которого лишили олимпийской путевки – куда там! Руководство раз и навсегда отрезало – не возражать против мнений центра! – сокрушалась Маржан.

Айхан молча слушал их.

– Мы можем только оставаться просто порядочными людьми, – задумчиво произнес Асет ага. – Я решил уйти на пенсию! Но ты вернись в наш зал! Ты должен доказать еще всему миру! – Он поднял кулак.

Айхан слушал отрешенно весь этот разговор. И тут вышедшая из клиники медсестра звонко прокричала: «Найзабеков! Найзабеков, на укол!»

Айхан, попрощавшись с Асет ага и Маржан, медленно направился в клинику. Они долго глядели ему вслед.

– Я боюсь за него, Асет ага! – тревожно сказала Маржан. – У него предынфарктное состояние, не жалел себя, посадил сердце, расшатал нервы, но больше всего меня беспокоит то, что он как-то странно переживает это. Вы же знаете его, он такой эмоциональный, взрывной... а тут весь ушел в себя, замкнулся. Это опасно!

Асет ага покачал головой.

– Поддержи его как можешь, – тихо проговорил он...

Пьяный ураган

Через несколько дней Айхана выписали из больницы. Он шел по улице, не обращая никакого внимания на городскую суету. В

своей поношенной одежде, осунувшийся, опустошенный, он бродил бесцельно, иногда удивленно озираясь по сторонам.

Вдруг, в маленьком скверике, он столкнулся с огромным мужчиной. Наступил ему на ноги, отпрянув, хотел уйти, но мужик преградил ему путь. Он был явно навеселе.

– Е-ей, джигит, постой, постой! Никогда не торопись, а то наступишь на чьи-то мозоли! Понял? Так ты совсем кислый! Ха-ха! Какой-то такой... не нравится мне твоя рожа! Ну, прямо хочется врезать по такой морде! – И недолго думая, он ударил Айхана своим огромным кулачищем. Айхан ловко увернулся от удара. Удивленный и тем более разозленный мужчина, еще раз ударил сильно и размашисто. Айхан уклонился. Теперь мужчина посыпал градом ударов, Айхан профессионально уходил от всех его атак, но не отвечал. Наконец, запыхавшийся, растерянный мужик по инерции упал ничком в кусты. Встал, отряхнулся.

– Ладно, хватит! Пойдем выпьем! – сказал он.

Айхан покачал головой и собирался уйти. Но мужик похлопал его по плечу, остановил.

– Да нет, погоди! Вижу, с тобой что-то стряслось... но разве можно вот так опускать голову? Посмотри на меня – больше такого не увидишь! Ха-ха-ха! – Айхан невольно начал рассматривать этого шумного громилу.

– Думаешь, мне сладко? Меня уволили с должности, выгнали из партии. Ты знаешь что это такое в наше время? Это – все, конец! Теперь я никто. Изгой! По крайней мере так они думают. А я хрен положил на них! Ха-ха-ха! Ну, да, мне очень плохо, но не помирать же раньше времени! Так что, будем жить, будем пить! Пошли, пошли, я угощаю! Для такого джигита ничего не жалко!

И он по-братски повел Айхана в ближайшее кафе...

К вечеру, изрядно выпившие, они вышли из кафе и бродили по старому большому парку. Оживленно беседовали. Разгоряченный Айхан рассказывал красноречиво, жестикулируя, о пережитых им событиях.

– Вот так, Дауыл! Они украли мою победу! Не дали мне возможности доказать, что я самый великий чемпион на планете. О-о, как я хотел быть в центре внимания всего мира! – Айхана покачивало.

Громила вначале слушал его сочувственно, сокрушаясь вместе с ним. Но при последних словах боксера резко изменился.

– Ха-ха-ха! Пуп земли! – закричал он на весь парк. – Точно! Ты угадал почти точно! Только чуть ошибся! Ну, настолько...совсем маненько... – при этом он измерял пальцами расстояние между собой и Айханом. – Вот, всего-то делов! Мы просто всегда путаем точку, особенно когда вопрос касается пупа земли! И ты перепутал. Ха-ха-ха! Потому что пуп земли – это я! Я – есть центр мироздания! А ты? Кто ты такой рядом со мной?! – он неожиданно схватил двумя руками за руки Айхана, и крутанув по кругу несколько раз, бросил. – Вот и вращайся вокруг меня – вокруг пупа земли! Ха-ха-ха!

Истеричный, самодовольный смех разозлил боксера. По инерции крутясь, он перепрыгивал с ноги на ногу, но все-таки хмельной упал и покатился по земле. Поднялся яростный, готовый к бою. А громила, не мешкая, бросился на него. Бились они на славу – пьяные, разъяренные, сыпали друг на друга удары, падали, поднимались и, шатаясь, опять махались. Наконец, после одного из ударов боксера, громадина грохнулся на спину, и захрапел богатырским сном на сочной, густой траве. Айхан направился, качаясь, к выходу. Он шел, вытирая лицо платком, и тихо плакал: ему было горестно и стыдно...

Похмелье

На утро Айхана разбудил стук в дверь. Взлаخمоченный, с опухшим от вчерашней выпивки лицом, полусонный боксер вначале плохо соображал, что к чему. Он дико озирался по сторонам, не сразу узнав свою однокомнатную квартиру. Стук все усиливался, кто-то упорно, нагло бил в дверь, сотрясая стены квартиры. Айхан пытался вскочить, но, чуть подняв голову, вскрикнул от боли и лег снова.

– Кто там? – еле произнес он пересохшим ртом.

– Чемпион Айхан Найзабеков! Выходи на бой! Один на один! – громогласный вызов был страшен, особенно после вчерашнего. Айхан закутался в одеяло, пряча голову. Он думал, что ему мерещится. Действительно, голос эхом отзывался вокруг. Он мучительно стонал, хватаясь за голову.

– Найзабеков! Найзабеков, выходи! Я сделаю из тебя бифштекс с яйцом и буду закусывать... закусывать водку «Столичную»!

Айхан поднялся с постели, опять сел и, вздыхая, опустил голову. И вдруг – сильный удар, дверь распахнулась. На пороге стоял огромный громила Дауыл, в помятой одежде, немый, небритый.

– Вот и я, Дауыл, как ураган, настиг тебя, чемпион! Ха-ха-ха! О-о, вижу ты совсем раскил! Пить водку – это тебе не кулаками махать!

И он вытащил из большого кармана бутылку водки. Айхан не мог смотреть на водку – его чуть не вырвало. Дауыл взял его в охапку, понес в ванную, поставил под душ, не церемонясь, начал поливать холодной водой. Охал, ахал Айхан, но понемногу начал приходить в себя. Переодевшись, сел вместе с Дауылом за стол. С трудом, но все-таки выпил....

– Пить водку – это интересно! Но еще интереснее – опохмеляться! – говорил Дауыл, с большим наслаждением крикнув после первого, и аппетитно похрустывая огурцом. После второй Айхан начал оживать, глаза заблестели, и пошло-поехало...

Пили крепко, до вечера. Ходили, шатаясь, в обнимку, в магазин, покупали водку, закуску, шумно разговаривая, бессмысленно хохоча, ссорясь и мирясь, возвращались в квартиру. Закусывали, спорили, а иногда внимательно слушали друг друга, глядя в упор мутными глазами.

– Нет, ты понимаешь, они перечеркнули мою жизнь! Теперь какой смысл?! Какой смысл?! – сокрушался Айхан....

– Эх! Жизнь поломатая! Но! Мы их перепьем! Назло! – гремел Дауыл...

В это время вошла Маржан. Переступив порог, она обомлела. Пьяный Дауыл, увидев ее, испуганно вытаращил глаза. Лицо его искривилось, и он только бормотал себе что-то под нос! «Счас, счас, я счас!» И громохая, выбежал... Маржан изумленно начала осматриваться. Айхан полулежал на столе, крепко обняв пустую бутылку...

– Айхан! Айхан! – тихо проговорила она, осторожно дергая его за плечи. После ее усилий он с трудом поднял голову.

– Что с тобой?! – воскликнула она. Он еле узнал ее. Попытался улыбнуться. На него было жалко смотреть. Грустные, полные точки глаза медленно наполнялись слезами. Он долго, мучительно долго смотрел в глаза Маржан, и этот взгляд красноречиво говорил о многом. Маржан, ужасаясь, поняла самое главное – Айхан сломлен!

– Айхан, Айхан, милый! – Она в порыве чувств обняла его и заплакала – Не надо так!

– Эх, Маржан, Моралите! Чего вам надо от меня? – лепетал Айхан. – Меня выжали и выбросили! Я больной, законченный спортсмен... Кому я нужен теперь?

– Не говори так! Ты нужен... еще...

– Тебе? – Айхан вдруг резко вскочил, схватил Маржан, обнял и начал целовать. От перегара девушка чуть не задохнулась. Она вырывалась как могла. Пьяный боксер на удивление прытко взялся за дело: он начал заваливать ее на кровать, Маржан закричала: «Айхан! Айхан! Опомнись! Что ты делаешь?!»

И с невероятным усилием, ударив его двумя ногами в грудь, опрокинула на пол. Подбежала к двери и обернулась. Айхан медленно поднимался. Пьяная злоба искажала его лицо – на него было страшно смотреть. Маржан зарыдала и выбежала из квартиры. Айхан упал ничком и замер...

Дом милиционеров

Утром Айхан проснулся от робкого стука в дверь. Он открыл и увидел мальчика. Мальчик тихо, воровато шепнул:

– Вы Айхан!

После утвердительного кивка опять прошептал интригующе:

– Вас ожидают во дворе! Срочно! Совершенно секретно!

Не успел Айхан раскрыть рот, он исчез.

Айхан вышел во двор и на детской площадке увидел Дауыла.

– Ну как ты, чемпион?! – тихо поздоровался Дауыл. – Эта... твоя стерва-жена, не засекала нас?!

– Во-первых, она не жена, во-вторых, она не стерва!

– А-а! Я так испугался! Страшно, когда тебя увольняют с работы, исключают из партии, но страшнее, когда жена-стерва поднимает истерику и выгоняет из дома! Так что, чемпион, выпьем за то, что мы свободны от них всех!

Он достал из кармана бутылку. Айхан жестом показал в сторону дома.

– Не-не-нет! Давай пить здесь, на свежем воздухе. Вообще намного интереснее пить вот так, непринужденно, на воле!

И продолжили они свое горячее дело среди белого дня, на виду у всех. Прохожие и жильцы этих домов, озираясь, предпочитали обходить их.

Вдруг резко, со скрипом тормознула милицейская машина. Сержант и двое дружинников быстро оцепили двух забулдыг. Сержант уверенно подошел к ним.

– Ваши документы?

– Не беспокойся, братишка. Мы тоже нормальные советские люди! – вызывающе сказал Дауыл. – Вы должны нас охранять! А мы должны спокойно есть и пить!

– Вы нарушаете общественный порядок! – наседал сержант.

– Человек – общественное животное! – парировал Дауыл. – Так что, пить надо не прячась, а на виду у всех! Всем обществом. Давай, братишка, выпьем, и с миром!

– Пройдемте с нами! – сухо сказал сержант и взял Дауыла за руки.

– Что? – вырвал руку Дауыл. – Ты не меня, а вредителей и шпионов лови!

– До них тоже доберемся! – С этими словами они набросились на него.

К удивлению Айхана, Дауыл не стал сопротивляться, а как-то обмяк, безжизненно повис на них. И втроем они еле-еле волокли эту громадину до машины. Он незаметно для них показывал рукой Айхану, мол, уходи. Но чемпион не мог бросить друга на поле боя. Когда они мучились, засовывая Дауыла в машину, он ударил неожиданно. В мгновение ока все трое оказались на земле. Дауыл сразу вскочил, и, переглянувшись с Айханом, они бросились бежать в разные стороны. Дауыл быстро исчез за углом. Очнувшиеся милиционеры помчались за Айханом, с шумом и свистом. Айхан бежал и сильно задыхался, но все-таки оторвался от погони, заскочил в какой-то подъезд многоэтажки. Топот ног, крики приближались. Он дошел до последнего этажа, растерянно озираясь по сторонам. Затем поднялся по пожарной лестнице, задрал люк, залез на чердак и, закрыв люк, сел на него. Он с трудом отдышался, сердце бешено колотилось. Шум, свист разъяренных милиционеров то приближался, то отдалялся. Айхан долго сидел неподвижно.

Наконец все стихло. Стемнело. Он осторожно спустился с чердака в подъезд, и только соскочил с лестницы, как кто-то крепко схватил его за руки. Оглянувшись, Айхан остолбенел – перед ним стоял полковник милиции.

– Ну, – строго спросил полковник – какими ветрами?

– Да вот напали какие-то хулиганы... Я и спрятался здесь! – выпалил Айхан, сам поражаясь своей ложью.

Полковник заразительно засмеялся.

– И правильно сделал! Очень даже правильно! – он взял его за руки и повел к выходу – Давай, я тебя провожу! Никакие хулиганы здесь не страшны! Это – дом милиционеров!

Айхан ни живой ни мертвый следовал за ним. На улице, быстро попрощавшись с полковником, бросился наутек.

Пропаций

Обеспокоенная душевным состоянием Айхана, Маржан поделилась со своей тревогой с Асет ага. Наставник очень любил своего ученика и не мог остаться безразличным к его судьбе. Через несколько дней они пришли в квартиру боксера. После долгого звонка дверь открыла молодая женщина. Маржан потеряла дар речи.

– Айхана можно? – спросил Асет ага.

– Какого Айхана? – удивленно переспросила женщина.

– Ну... он живет здесь!

– А-а! Это, наверное, тот! До нас жил... здесь... Его выселили хозяева. Что-то он задолжал по квартплате, буянил... Не знаю... Сейчас здесь живем мы!

– А-а! Извините! Спасибо! – сказал Асет ага.

Они растерянно ушли.

Так исчез для них чемпион Айхан Найзабеков.

Новое время и старый друг

После этого жизнь Айхана пошла вкривь и вкось. Он снимал квартиру-временку, жил случайными заработками. Разгружал вагоны, работал грузчиком. Выпивал с женщинами, рабочими, иногда даже с бомжами. Сидел у костра, задумчивый. Нередко ночевал в саду, на вокзале. Становился все более злым: время проходило – он этого почти не замечал. На его лице появились морщины.

Настали великие перемены – развалился СССР. Казахстан стал независимым государством! Однажды он шел по Новой площади и впервые обратил внимание на исторические изменения. Долго, задумчиво глядел на высоко развевающийся голубой Флаг Республики. Что-то таинственное, горестное и радостное происходило в его душе – он глубоко вздохнул. Айхан сам себя не понимал: что-

то, как молния, полоснуло по сознанию, как заноза, глубоко кольнуло в сердце. И он опять искал утешение в бутылке.

В этот раз Айхан изрядно выпил с тремя неизвестными грузчиками, которые возле заброшенного сарая ждали заказчиков. Подъехала иномарка. Вышла богато одетая женщина. Грузчики кинулись к ней. Она взяла троих, Айхан оказался лишним. Между ними возникла ссора.

– Подожди! Куда лезешь? Моя очередь! – закричал Айхан.

– Какая твоя очередь? – ответил приземистый крепыш, – мы троим – одна бригада!

– Так что подожди еще! – сказал другой.

Айхан взбесился,

– Почему я всегда должен ждать? А ну пошел вон! – с этими словами он оттолкнул крепыша. Тот бросился на Айхана. Завязалась драка. Айхан бил быстро и точно, ловко увертывался от атаки троих. Уложив всех, осмотрелся. Заказчицы и след простыл. Разъяренный Айхан шел по закоулкам и бросался на встречных мужчин с кулаками. Кто-то успевал увертываться, а тех, кто принимал бой, Айхан беспощадно нокаутировал. «Ненавижу! Ненавижу всех! – сквозь зубы злобно шептал он. – Вы все ... вы... погубили мою жизнь!»

Тут ему подвернулся еще один мужик. Айхан показал левой, – ударил правой. Это был его коронный удар. Но мужик ловко уклонился от автоматического удара и нанес встречный прямой в корпус. Айхан грохнулся на землю. Незнакомец не стал церемониться. Он взял бессознательного Айхана за ноги и поволок к своей машине. Забросил пьяного боксера в багажник и поехал. Торпливые прохожие не обращали на это никакого внимания, а те, кто заметил, прибавляли шагу, – от греха подальше....

Незнакомец приехал на дачу: небогатую, но ухоженную. Заехал во двор, вытащил Айхана из багажника. Сильно пьяный боксер шатался и плохо соображал, что происходит. Незнакомец затаскил его в дом. Завел в полутемную комнату и бросил на диван. Обессиленный Айхан сразу заснул. Незнакомец посмотрел на него, покачал головой и закрыл дверь.

Проснувшись через несколько часов, Айхан удивленно начал осматривать комнату. Такое с ним случалось нередко: вот и сейчас он силился вспомнить, как сюда попал. Осторожно поднялся, подошел к зеркалу. Оттуда на него смотрел обросший, морщинистый

мужик. Он себя еле узнал и нахмурился. Не заметил, как вошел незнакомец.

– Что, все еще любишь себя?!

Айхан резко повернулся и от удивления воскликнул:

– Токсан?!

– Да, Айхан, это я!

Два боксера, два друга долго смотрели друг на друга, затем крепко обнялись.

– Ну, как ты? Рассказывай, – сказал Токсан за ужином.

– Да так... нормально... в общем, – ответил немножко смущенно Айхан, – Как я сюда попал?

– Ты что, не помнишь?

– Да так... перебрали вчера...

– И часто это с тобой?

– Бывает... – сказал Айхан с огорчением.

– Слышал я о тебе. Надеялся, что когда-нибудь встретимся, но не ожидал, что вот так. – Токсан встал, достал из шкафа бутылку водки, налил. – Все равно рад тебя видеть живым! – они выпили. – Мы тебя долго искали, – продолжал Токсан, – а ты исчез бесследно!

– Никуда я не исчезал! – возразил Айхан. После выпитой водки, он заметно оживился. – Просто мы не встретились в пространстве и времени.

– Да... но как-то ты резко бросил большой спорт... Ушел, не попрощавшись...

Токсан говорил миролюбиво, с легким дружеским укором: – Мы никак не могли понять, что случилось...

– А что тут непонятного?! – Айхан начал медленно заводиться. – Дураку ясно, что зарубили мою мечту, загубили мою жизнь! Вот и все! – Он опрокинул стакан в рот, с горечью крикнул и закусил. Токсан старался сохранять спокойствие.

– Ты же знаешь, как я хотел стать первой перчаткой мира! – продолжал Айхан. – Что в этом плохого? Вон, сколько в истории... Личности... Потопили полмира в крови и, пожалуйста, считаются великими... историческими... А я всего-навсего хотел, чтобы все человечество любовалось моим талантом! Нет, оказывается, нам этого нельзя!

Айхан налил водку и выпил.

– Да, Айхан, мы все были шокированы тогда. Но теперь другое время, другая жизнь!

- Но для меня все кончено!
- Да брось ты! Жизнь только начинается...
- Сказать легко!

Айхан сжал бутылку руками и грустно смотрел через нее. На миг Токсану показалось, что он залез в бутылку и тщетно карабкается...

– А что трудного? – голос Токсана зазвучал жестко. – Возьми себя в руки! И вернись!

– Хочешь меня учить уму-разуму?

– А почему бы и нет?

Эти слова Токсан сказал с такой силой, что Айхан выслушал их не шелохнувшись. Он хотел возразить, возмутиться, но его как пригвоздило.

– Когда-то мы на тебя равнялись... все любовались твоим талантом и завидовали... И всем было обидно, когда тебя вот так, нечестно, несправедливо лишили олимпийской путевки... Да, тяжело, страшно тяжело... Но никто не ожидал, что так сломаешься... Ты же был в расцвете сил, ты мог выступать еще и покорить немало высот...

– Нет! Зачем мне другие высоты? Мне нужно было взойти на главную вершину! А они пресекли мой путь... И все! Никто даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне! – Айхан умолк, с горькой обидой.

– Ой, как жалко! И ты не выдержал этот удар, покатился вниз! – начал иронизировать Токсан. – Вот смотрите, помешали... не помогли парню достичь того, чего он хотел?! – и резко изменилась его интонация. – Что, по-твоему, остальные люди созданы для того, чтобы носить тебя на руках? Помогать тебе? Сам себе помогай! Не обвиняй никого! Себя вини! Себя, свои слабости побеждай и будешь непобедимым! Вон, посмотри на мир и на себя взгляни! Хватит лелеять свою боль! Переживать прошлое! Возьми и выкинь, избавься от ненужного груза прошлых обид и возродись! Иди вперед! Ты же не тряпка в конце концов!

Токсан высказался искренно, воодушевленно, вбивая каждое слово в Айхана. Наступило тягостное молчание.

– Да, ладно, – примирительным тоном прервал молчание Токсан, – пойдем, посмотрим кое-что...

Они прошли в другую комнату. Стены увешаны дипломами, фотографиями, на столе, в шкафу блестели кубки, вымпелы, свидетельствующие о выдающихся достижениях боксеров республики.

Айхан с явным интересом, нескрываемым волнением рассматривал все подряд.

– Чего я сам не смог достичь, достигли мои ученики! – с гордостью произнес Токсан.

– Твои ученики? – удивленно переспросил Айхан.

– Да! Я сейчас тренер сборной по боксу независимого Казахстана! Это мне завещал Асет ага.

– Как завещал? – вырвалось у Айхана, – Что с ним?

– Он умер несколько лет назад, – тихо сказал Токсан, – От сердца... Когда наша страна стала независимым государством, ох как он радовался. Вспоминал тебя, говорил: вот сейчас бы Айхана – на Олимпиаду, на мир!

Айхан был потрясен. Он весь ушел в себя: перед глазамиплыли воспоминания – милый образ Асет ага.

Дауыл хаджи

Назавтра Айхан посетил кладбище, где был похоронен Асет ага. Он долго стоял у могилы наставника в глубоком раздумье. Здесь царил тишина. Время как бы остановилось, и навевало мысли о бренном и вечном...

Вдруг послышались шаги. Айхан повернулся и увидел большого человека в чапане и чалме. Он шел с другого края кладбища.

– Ассаламугалеюк! – поздоровался Айхан, когда тот подошел.

– Уагалайкумассалам! – сказал человек.

– Аксакал, прошу вас, пожалуйста, прочтите Коран! – попросил Айхан. Человек молча сел у могилы Асет ага и начал читать суру. После завершения Айхан поблагодарил его и поспешил к выходу.

– Чемпион Айхан Найзабеков! Никогда не торопись! – громовой голос так неожиданно ударил в затылок, что Айхан вздрогнул. Он очухался от дружеского хлопка по плечу.

– Это я, Дауыл!

– Дауыл? Дауыл!

– Ну ты, конечно, меня не узнал в чапане и чалме... да еще с большой сидящей бородой! Зато я сразу узнал тебя! – говорил громила, выпуская из своих медвежьих объятий Айхана. – Садись! Поехали ко мне! Потолкуем! – Он посадил его в свой джип.

– Ну, как ты? Семья, дети?!

– Я еще свободный холостяк!

– Так и знал! Но пора думать!

Приехали. Это был аккуратный особняк.

– Давай попаримся. Пока мясо сварится.

Дауыл действовал решительно. Айхан не возражал. Уютная баня была приятной.

– Ты раздевайся... и в парную! Я мигом!

Дауыл вернулся быстро. Он принес два больших пакета. Разделся, надел передник. Собрал всю поношенную, грязную одежду Айхана, перевернул карманы, отложил бумажник, ключи в сторону, а все тряпье, вплоть до туфель засунул в печь... Основательно помылись, попарились, погалдели. Пора одеваться. Айхан выразительно посмотрел на Дауыла. Тот указал кивком на пакеты. Там была одежда – вся новая.

– А где моя одежда? – удивленно спросил Айхан.

– Я их по ошибке засунул в печь! Так что извини... – сказал с безвинным видом Дауыл.

Айхан пожал плечами, и оделся во все новое. После бани, выбритый, он был свеж, а новый костюм так украшал его, что любо было смотреть. За ужином Дауыл рассказывал много интересного.

– Я искал тебя, но ты съехал с квартиры и не оставил нового адреса. Но я верил, что мы когда-нибудь встретимся. Много изменилось с тех пор. Когда наступил конец КПСС и СССР, я целую неделю пил конкретно. Затем сказал себе – стоп! Закончилась власть безбожников. Мы их перепили, перетерпели. Теперь пора о душе подумать. Завязал окончательно, покаялся. Совершил хадж в Мекку. Теперь я Дауыл хаджи. Занялся бизнесом. Дети выросли, скоро внуков ждем!

Жена Дауыла аккуратно, улыбаясь, налила в пиалы бульон.

– Так что не удивляйся, – такое мясо, такая баня и без водки! Что было – то прошло! Человек – не ангел, ему свойственно ошибаться. Аллах велик и милосерден – никогда не поздно искренне покаяться и стать на путь праведный!

Айхан ел и слушал молча, и вдруг заметил, что сам кивает при этих словах Дауыл хаджи.

– Послушай, Айхан, я предлагаю тебе выгодную работу, – Айхан заинтересовался. – Завтра я еду в Туркестан, к святыне Ходжа Ахмета Иассауи. Поехали со мной – будешь охраной!

Айхан кивнул...

Нечто таинственное

Туркестан.

Дауыл и Айхан шли к мавзолею. У Айхана было скверное настроение – как всегда болела голова, ему ужасно хотелось выпить. Дауыл остановился возле одного здания.

– Ты подожди здесь. У меня дела, – сказал он и вошел в здание.

Айхан быстро осмотрелся и зашел в магазин. Водки не было. Купил двухсотграммовую плоскую бутылку коньяка, плитку шоколада, воды и стакан. Воровато оглянувшись, пошел по закоулкам, остановился у старого забора, за гаражами. Деловито откупорил бутылку, налил все в стакан и только собирался выпить, прозвучал азан: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Почему-то у самого рта рука остановилась. На мгновенье кольнула мысль: нельзя же идти к святыне выпившим! Посмотрел через забор – купола мавзолея сверкали на солнце. Но он недолго колебался, прошептав «Аллах простит», выпил до дна. Запил водой, с наслаждением закусил шоколадкой...

Когда Дауыл вернулся, он спокойно ждал его. Они пошли к мавзолею...

Святыня Ходжа Ахмета Иассауи. Здесь ясно ощущалось величие вечности – она умиротворяла души людей, в едином порыве молящихся Всевышнему. Айхан был потрясен; певучий голос муллы проникал в его душу, и он впервые почувствовал силу Корана. Сидя на коленях, воздев руки в молитве, ему почему-то хотелось плакать. Дауыл хаджи задумчиво посмотрел на него, но ничего не сказал...

Они молча ехали обратно. Айхан начал чувствовать что-то неладное. У него сильно разболелась голова.

– Что-то вид у тебя неважный, – сказал Дауыл.

– У меня очень сильно болит голова....

– Синдром похмелья?!

– Нет, нет... Что-то совсем другое... ужасное..., – Айхан говорил с трудом. – Как будто клешнями... обручем сжали здесь, – он двумя руками схватил верхнюю часть головы, – и отрывают! Много мыслей скачут, крутятся, а высказать не могу!

Дауыл привез Айхана домой. Он сразу лег, но не смог уснуть. Лежал в уютной комнате, в мягкой постели не сомкнув глаз. Тревожный, какой-то жуткий, еле уловимый звук наполнял воздух. Ему было страшно, как никогда, хотел позвать на помощь, но не

смог закричать. Как парализованный, в ужасе он пролежал, казалось, целую вечность. И вдруг, этот низкий, почти неуловимый звук послышался из угла, и оттуда появилось нечто светлое, таинственное, летучее, двойное, овальное, оно как бы дышало – то увеличиваясь, то чуть-чуть уменьшаясь в объеме. Оно сначала расклевывалось медленно, затем быстро направилось к Айхану. Он лежал ни жив, ни мертв. Нечто резко, два или три раза, проникло в область груди Айхана и что-то вырывало оттуда. Айхану казалось, что его распирает какая-то могучая сила, и вот-вот он разорвется. Из последних сил он лишь смог прошептать: «Ля илаха илла Аллах!» Повторив свое плавное движение, нечто исчезло там, откуда появилось. Айхан лежал обессиленный, но смутно почувствовал, как что-то отпустило его, напряжение спало, боль начала утихать. Расслабленный, весь разбитый, он задремал лишь к утру...

Возвращение

В зале бокса Токсан тренировал молодых боксеров. Работали сосредоточенно. Вдруг двери открылись. Вошли Айхан и Дауыл хаджи в цивильных костюмах. Увидев Айхана, Токсан понял душевную перемену друга. Он молча бросил ему боксерские лапы – Айхан с лета поймал их...

С этого момента жизнь Айхана потекла по новому руслу. Он стал тренером. Учил молодых боксеров с полной отдачей: сам вспоминал полузабытые уроки мастерства, которые когда-то преподавал ему Асет ага. Шло время – мастерство молодых росло, вместе с ними возрождался и креп сам Айхан: как тренер, как праведный человек. Он бегал вместе с ребятами, преодолевая одышку и слабость, обливался холодной водой, изгоняя из себя остатки дурманной жизни.

Однажды к ним в спортзал приехало телевидение. И тут, неожиданно он встретил Маржан. Они почти одновременно увидели друг друга: Маржан что-то говорила оператору, Айхан своим подопечным показывал финты и встречные удары, и вдруг, как по чьей-то команде, они оглянулись и встретились взглядами. Рука Айхана повисла в воздухе, не завершив удар, а Маржан умолкла на полуслове. В едином порыве они пошли навстречу. Боксеры и телевизионщики растерянно глазели.

Они тихо обнялись. Айхан, стараясь скрыть волнение, проговорил:

– Как ты, Маржан, Моралите?!
– Я верила, что мы встретимся! Я ждала тебя! – всплакнула Маржан. Они без слов поняли, что сама судьба свела их снова. Вскоре они поженились.

Победа

Прошло несколько лет. У Айхана родился сын. Сам он стал опытнее. Вместе с Токсаном готовил боксеров республики на международные соревнования разного уровня. И не раз его ученики становились победителями и призерами престижных турниров. Бывали и досадные поражения. Они прошли мгновения отчаяния и радости, закалились и, наконец, вышли на финишную прямую – на Олимпийские игры. Когда несколько казахских боксеров, в том числе и любимый ученик Айхана, средневес Рахман, выиграли лицензии на Олимпиаду, заботы у тренеров прибавилось. Они были очень рады, но еще более сосредоточились и усилили подготовку...

И вот они на олимпиаде. Боксеры Казахстана выступили хорошо. Преодолевая все трудности олимпийского ринга, трое вышли в полуфинал. Дальше было еще интереснее: в финал прошли двое – Рахман и воспитанник Токсана – легковес Мурат. Перед финальным боем Айхан почти не сомкнул глаз. Вот она, его главная мечта жизни, олимпийский пьедестал! Прямо рукой подать! Как он хотел быть там когда-то! А теперь больше самого себя переживает за своего питомца, команду своей страны!

И вот финал.

Мурат в трудном бою выиграл у американского боксера и стал олимпийским чемпионом! Радости Токсана и всех казахстанцев не было предела!

Настал черед Рахмана.

Его соперник – грозный кубинец – заслуживал любую похвалу. Бой был напряженный, непредсказуемый. Айхан в углу ринга помогал как мог Рахману. Переживал, подсказывал до хрипоты, жестикулировал. Последние мгновения... Гонг! Всего два очка вырвал Рахман и победил! Ученик Айхана Найзабекова стал олимпийским чемпионом и прыгал на ринге с голубым Флагом своей Родины – Независимой Республики Казахстан перед всем миром! Ликовали все казахстанцы. По лицу Айхана катились крупные, выстраданные слезы радости! А Флаг свободного Казахстана развевался все выше и выше!

АБЛАЙ ХАН И ЕГО БАТЫРЫ

Легенды Великой степи.

Повесть-легенда для детей и юношества

От автора

Эта повесть основана на исторических преданиях и легендах казахского народа, записанных в свое время Чоканом Валихановым, Маихур-Жусуп Копеевым, Шакаримом Худайбердиевым и другими видными казахскими этнографами. Но она является также художественным произведением, что позволило автору некоторые вольности в трактовке и своеобразном осмыслении событий далекой эпохи.

Беспечный

Это было в первой половине восемнадцатого века. Время было беспокойное, более ста лет шла война между казахским ханством и джунгарской ордой.

Но этот старинный город в глубине южной окраины Великой степи не знал войны и жил своей обособленной жизнью...

Ласковые лучи восходящего солнца мило разбудили ханзаду Аблая. Счастливый мальчик, радостно потягиваясь, долго нежился в мягкой постели. Ему было двенадцать лет. Растущее тело излучало силу и здоровье, в больших черных глазах светились ясный ум и душевная чистота.

Город давно проснулся, его улицы всю кипели жизнью. Ханзада любил этот древний город, которым управлял его отец Вали Прекрасный – так прозвал своего правителя многоликий городской люд за добрый нрав и благородный облик.

Вошла мать Аблая. Как все матери, она очень любила своих детей и, как все дети, Аблай считал, что она любит его больше

всех. Для него она была необыкновенной, самой чудесной матерью на свете. И когда она прижимала его к своей груди, ласково гладила по голове, ханзада забывал обо всем на свете, чувствовал себя совсем маленьким ребенком и от счастья у него кружилась голова.

– Да сохранил тебя Аллах! – тихо прошептала она.

Ханзада быстро собрался и отправился в город.

День, насыщенный учебой в медресе у бородатых мудрецов в больших, как белые облака, чалмах, чтением в библиотеке и упражнениями в боевых искусствах под руководством Ораз атылыка, пролетел незаметно...

Уставший от дневной суеты и занятий, ханзада выпил пиалу кумыса и лег в постель. Но ему не спалось, и при свете медной лампы он начал читать старинную рукописную книгу об управлении государством и военном деле на шагатайском языке, написанную красивой арабской вязью на пергаменте. Мысли древних политических деятелей и военных стратегов так завладели мальчиком, что ханзада возомнил себя выдающимся правителем и полководцем, живо представлял себе, как будет мудро действовать в тех или иных исторических обстоятельствах.

Так и заснул, качаясь в потоке необузданных детских фантазий...

Атака

Предрассветный сладкий сон города нарушили гулкий топот копыт, дикие крики и лязг оружия. Тысячи и тысячи всадников с шумом носились по городу, как свирепый смерч, не оставляя без внимания ни одну улочку и переулок. Это был ураган смерти – джунгарские завоеватели, ударившие внезапно и коварно.

Успевшие выскочить горожане оказывали отчаянное сопротивление.

Полусонный Аблай кое-как натянул одежду, схватил кинжал, но не решился выбежать на улицу, где шла резня. Враги, уничтожив горстку выскочивших на улицу храбрецов, уже врывались в дома. Стоял невыносимый, душераздирающий шум – плач, стоны и проклятия погибающих мирных горожан смешивались с дикой бранью и боевым кличем ликующих джунгар.

Вдруг растерянный Аблай увидел в проеме двери огромную тень, двигавшуюся прямо к нему. «Конец!» – подумал мальчик, столбенел и мгновенно покрылся холодным потом.

Тень приблизилась прямо к нему. Ханзада встрепенулся и вырвал кинжал из ножен.

– Аблайжан! Айналайын! – облегченно произнесла «тень». – Слава Аллаху, ты жив!

Это был добрый, преданный слуга Вали хана Ораз аталык. И обращался он почти по-родственному, а не по этикету, не сказал «таксыр».

Мальчик схватил его сильную руку.

– Что случилось? Что делать?! – с жаром спросил он.

– Ужасно, ханзада! Нас застали врасплох! Наверное, в городе были лазутчики джунгар, и они открыли им ворота! Большинство наших погибли!

– Где отец? Мать, братья? Живы?

– Не знаю, – тихо, жутким голосом сказал Ораз. – Из этой бойни убежать невозможно! Надо хорошо спрятаться! Но только не здесь. Скоро сюда придут! Идемте быстрее!

С этими словами он потянул за руки Аблая и шагнул к выходу. В это мгновение просвистела вражеская стрела и вонзилась в стену, где только что стоял Аблай.

– Всевышний сохранил вас! Иншаллах, вы будете спасены!

Ханзада был тронут душевным порывом Ораза, но не подал виду, лишь пробормотал «Аминь!»

Пробираясь на ощупь потайным ходом, в темноте натываясь на трупы, они вышли на мрачную, тихую улочку. Светало, но рассвет был угрюмый, тяжелый. Сердце мальчика бешено колотилось, и ему сейчас сильнее всего хотелось нырнуть в свою теплую, пуховую постель. Но кругом лилась кровь, свистели стрелы и сверкали сабли, сея смерть и страх. Сжимая сильную руку Ораза, ханзада крепко стиснул зубы и твердо шел за ним.

Перебегая от закоулка к закоулку, они вышли на задний двор чайханы. Неожиданно вынырнули из полумрака два всадника и бросились на них. Но большой, храбрый Ораз молниеносно взмахнул правой рукой, и его острый, короткий найза пробил насквозь горло первого всадника. Мальчик видел четко, как враг в страшных судорогах, захлебываясь собственной кровью, свалился с лошади. Это была первая смерть, увиденная Аблаем. Он обомлел.

В это время второй всадник на полном скаку с размаха рубанул саблей Ораза, но тот ловко увернулся от удара и в прыжке схватил джунгара, вырвал из седла и всадил кинжал по самую рукоять в его горло. Алая кровь человека, хлынувшая из глубокой раны, залила Ораза с головы до ног.

Послышались шум голосов и стук копыт. Аблай понял – враги приближаются.

На какой-то миг он и Ораз замерли в ожидании конца...

Ярость

И вдруг Ораз аталык увидел перевернутый черный тайказан и его осенило.

– Скорее, ханзада! – шепнул он. – Я вас спрячу под этим черным казаном. Авось, враги не заметят!

Аблай усмехнулся:

– Ханзада под казаном?!

– Издревле казан считается у казахов священным! Всевышний привел нас сюда в этот час испытаний!

С этими словами Ораз поднял край тайказана и спрятал Аблая под ним.

– Я буду рядом! – шепнул он на прощанье. – Самое главное – спокойствие!

– Ох, как тесен мир! – вздохнул Аблай с горечью, скрючившись под казаном. – И как превратна судьба!

Еще вчера ночью он долго глядел на небесный купол, его мысли парили ввысь, к далеким звездам, и чувствовал он себя владыкой мира! Теперь его небесным сводом стало дно перевернутого казана! Ночью он лег в пышную, мягкую постель, а утром лежит на голой, холодной земле, укрывшись старым черным котлом! И он не владеет даже этой тесной площадью: в любое мгновение могущественные джунгары могут перевернуть казан – и тогда конец!

Постепенно мрачные мысли начали рассеиваться. Под казаном было довольно просторно – во всяком случае Аблай мог переворачиваться с боку на бок, лежать на спине, согнув ноги. Между неровной землей и краями казана кое-где оставались щели и пробивался свет, доносились звуки ожесточенной схватки. Шум усиленно приближался.

– Проклятые собаки! Все равно вам не победить!

– За нас еще отомстят!

Судя по голосам, на улице отчаянно сражались несколько казахских воинов. Джунгары дружно загоготали.

– Ха-ха-ха! И кто же будет мстить за вас? На кого вы надеетесь?

– Уже никого не осталось в живых! Мы вырезали всю семью вашего хана и всех султанов, всю знать! Великий нойон Чарыш велел истребить всех! Так что, прощайте!

Вскоре шум сражения стих – все было кончено. Несколько стрел звякнули по казану. Сердце Аблая, обливаясь кровью, бешено колотилось: страх и ярость боролись в душе: то ему хотелось выскочить и закричать: «Я есть! Это я отомщу за всех!» – и броситься на врага, и резать, резать их! Ему так хотелось схватить этого предводителя Чарыша и оторвать ему голову. Но он ясно осознавал, что бессилен что-то изменить, что сейчас бессмысленно кидаться со своим маленьким, красивым кинжалом на полчища джунгар. Его детская душа разрывалась на части: он ясно понял, что все – отец, мать, братья и сестры, вся родня – погибли! Из всего рода он остался один! И он должен выжить!

Ему становилось еще страшнее от того, что джунгары рядом, и они могут в любой миг его обнаружить. И он прижимался к земле, боясь даже свободно дышать.

Эти мучительные мгновенья тянулись медленно, казалось, они никогда не закончатся.

Постепенно воцарилась тишина. Обессиленный от потрясений мальчик невольно забылся сном...

Проснулся он от легкого прикосновения чьей-то руки. Кто-то, приподняв казан, тихо будил его. Было уже темно, но Аблай сразу узнал Ораза. Он вспомнил все и молча встал.

– Я все время был рядом с вами, ханзада, – тихо прошептал Ораз. – Лежал, как убитый, меж трупам. Теперь надо скорее уходить в степь!

О лошадях даже не думали. Во-первых, достать коней без боя было невозможно, а вступать в бой сейчас было бы безрассудством. Во-вторых, наездников враги заметят сразу и наверняка не упустят. Поэтому, пешие, растворяясь в темноте, долго блуждали они по разрушенному городу, обходя опасные места.

Как ни старался смекалистый Ораз, но все-таки избежать столкновения не удалось. Уже на окраине города, почти в степи, невесть откуда выскочили трое всадников и пустились прямо на них.

– Уходите незаметно! Прощайте! – с жаром шепнул Ораз и бросился наутек. Джунгары азартно погнались за большой дичью, не заметив юркнувшего за угол птенца.

Дико озираясь по сторонам, спотыкаясь и падая, долго бежал ханзада и, наконец, вышел в открытую степь.

Вольный ветер степи взбодрил беглеца. Дышалось легко и свободно. Бескрайняя, темная даль таинственно и властно манила к себе и в то же время пугала.

Никто

Он понял, что остался один на один с Великой степью. Лицом к лицу с суровой жизнью.

Совершенно один. Без отца и матери. Ни с кем и ни с чем.

Бедный и голодный в темной ночи.

Ему стало ужасно жутко.

Луна то бесстрастно глядела на него со своей небесной высотой, то стыдливо пряталась за толстыми тучами.

Далекие звезды сверкали ярко и холодно. Они не грели его душу как прежде.

Он потерял все, абсолютно все. Родных, близких, покой и уют, богатство и почет. Самое страшное – он потерял будущее.

Казалось, все ясно: подрастет ханский сынок, преспокойно сядет на трон отца и будет править страной по справедливости, а то и по своему усмотрению. Лишь бы подрасти – и все готово! Но людям не дано предвидеть превратности судьбы. И вот он, лишенный вмиг всего, стал безымянным бродягой. Отныне он, ханзада Аблай, долго будет блуждать в безбрежном океане жизни человеком без роду и без племени. Называть свое имя и происхождение очень опасно, да и кто поверит ему?!

Ханзада упал ничком и, обняв седую степь, горько зарыдал. Плакал долго, вволю, не стесняясь себя. Его плач случайно могли услышать враги. В любое мгновение из тьмы могла вылететь каленая стрела и оборвать тонкую нить жизни мальчика. Но он не думал об этом. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Его раненой душе так хотелось улететь птичкой в небо, мышонком забиться в норку, рыбкой уплыть в океан, зверьком убежать в лес, исчезнуть, раствориться в воздухе.

Но это был не сон. И не сказка. Это была жестокая жизнь, от которой никуда не убежишь.

– А может, – судорожно подумал он. – Назло всем взять и умереть! Покончить собой?! Вот вам будет всем, всем... – злорадствовал он, сжимая серебряную рукоять кинжала...

В холодную ночь, окутанный тьмой, лежал Аблай в степи и тяжкие мысли пригвоздили его к ковыльной земле.

«Ну и чего ты добьешься? Кому нужна твоя бесславная, позорная смерть в кустах?! Да и вообще, что за чушь – покончить собой? Нет, никогда я не убью себя! Я – человек, я – ханзада, и буду драться за жизнь до последнего вдоха!»

И он остро, ясно осознал, что теперь он должен бороться за все то, что мог иметь легко, по наследству. За свободу, за славу, за трон!

«Но как? Как бороться? Что делать?»

Жестокие вопросы бытия впервые навалились на маленького Аблая и жгли его душу.

Но в первую очередь он должен просто выжить!

Многому учили маленького ханзаду при дворе хана Вали, в славном городе ученых и ремесленников. Под руководством Ораз аталыка и других опытных наставников он изучал религию, философию, языки. Он умел играть на домбре и кобызе, владел оружием, умел общаться и управлять людьми. Но его не учили простому выживанию. Со всеми своими прекрасными знаниями он не мог добывать себе обыкновенную пищу, не мог ориентироваться на местности в темноте, да и днем, не умел развести огонь, найти воду, построить жилище, не умел жить в степи простым кочевником. Все эти уроки теперь собиралась преподнести ее величество жизнь!

«Ох, как тяжело мне! – вздохнул ханзада Аблай. – И никто не поможет!»

К его счастью, у него были прирожденный ум и отважное сердце.

«Но почему кто-то должен тебе помогать? – поспорил он сам с собой. – Не-е-ет, не надо надеяться на других. Сам, только сам должен помогать себе! Разве великому предку Чингисхану было легко, когда он остался сиротой среди своих гонителей?! Чингисхан с честью выдержал все испытания судьбы, поднялся сам на вершину власти и поднял свой народ! И я поднимусь!»

Ханзада поднялся и направился на север, как сказал Ораз аталык, строго в сторону Темирказыка. Он шел всю ночь, уходя все дальше и дальше от кровавых мест.

Гибель

Днем было опасно идти по открытой степи. Измученный и голодный, мальчик спрятался в глубоком овраге, заросшем жусаном и ковылью. И хотя голод и жажда мучили его, он так устал, что вскоре крепко уснул.

Вдруг ханзада проснулся в тревоге.

Вечерело. Далекий, неясный гул надвигался из глубины степи.

Гул нарастал быстро, и вскоре ханзада начал улавливать топот копыт и клич людей.

Из-за бугра выскочила кучка всадников и стремительно пронеслась вдоль оврага. Вначале Аблай с детской наивностью подумал, что это байга или кокпар, и его сердце наполнилось радостью и азартом. Но посмотрев повнимательнее, он понял, что это не байга, а бойня. Довольно солидная группа воинов гналась за одиноким всадником и постепенно настигала его.

Один из самых прытких преследователей почти достал его длинным копьем, но беглец, ловко увернувшись от укола, наотмашь рубанул саблей. Копейщик, скорчившись, слетел с коня.

Через мгновение беглец совсем приблизился к тому месту, где прятался ханзада. Белый тулпар был ранен, залит кровью и, кажется, совсем обессилен. Гонители настигли его и быстро окружили. Беглец резко осадил коня и решительно встретил врагов лицом к лицу.

Преследователи остановились как вкопанные. Это были джунгары. Сверкая огромным алдаспаном, одинокий воин устрашающе гремел по-казахски, сотрясая тихую степь боевым кличем: «Жекпе-жек! Жекпе-жек!»

Джунгарские воины заметались. Видать, им были знакомы мощь и ярость загнанного казахского батыра. Они переглядывались между собой, советовались. Аблай ясно видел и слышал все, ибо они находились на расстоянии броска аркана.

Он весь съежился, лежал неподвижно, тихо, боясь даже шелохнуться. Как повезло, что травы родной степи укрыли его в этом древнем овраге.

– Ну что, джунгарские удалцы, среди вас нет достойного воина? Или вы не отважные волки хунтайчи Галдан-Церена, а свора жалких псов?! – зывал батыр.

Вперед выступил джунгарский воин на гнедом жеребце с большим щитом, в полном вооружении. Джунгары кричали, подбадривая шерика. Батыр молча двинулся навстречу. У него не было другого оружия, кроме алдаспана и щита. Наверное, все остальное вооружение сломалось в бою. Колчан был пуст.

Шерик взметнул было свою саблю, но белый конь резко рванулся вперед, послышался свист алдаспана и джунгар беззвучно, мягко опустился на ковыльную землю. Ошарашенные враги поникли, никто не уловил взглядом удар батыра. И как бы сговорившись, ринулись толпой на одинокого храбреца. Сеча была молодецкая – сильная, бесшабашная. Удальцы лихо пролетали мимо друг друга, нанося молниеносные разящие удары. Еще несколько врагов пали от руки батыра, но и ему приходилось туго. Опытный боевой конь, делающий точные движения в нужный момент, угадывая замыслы хозяина интуитивно, явно начал сдавать. Истекая кровью, он уже еле держался на ногах. Не сумевшие поразить самого батыра, искусно отбивающегося щитом и молниеносно рубящего длинной саблей, хитроумные враги беспощадно кромсали безвинное животное. Да и у самого батыра кольчуга была разорвана в клочья, подобно старой тряпке, по всему телу текла кровь. Как стая голодных гиен, кидались джунгарские воины на одинокого раненого льва. Казалось, что он вот-вот рухнет вместе с лошадью, но батыр стоял крепко, насмерть и зарубил еще несколько врагов.

Вдруг весь шум перекрыл чей-то зычный окрик: «Хай-хай-хай!» и все замерли. Никто не заметил появления огромного воина на черном коне. Черная накидка развевалась, придавая ему таинственную, жуткую мощь. Он казался отлитым вместе с конем из черного чугуна. Толстый, длинный айдар, подобно удаву, обвивал его мощную шею, широкий нос, крупные скулы, острые, наглые глаза выражали крутой нрав и отвагу. Сблизившись с воюющими, он заговорил громовым голосом.

– Ну что, луноподобные ойроты, возитесь с этой казахской собакой? Жду не дождусь, когда вы привезете мне его голову? – Осмотрев место побоища, он присвистнул. – Па! Видать, нарвались на казахского батыра! Ох, как мне повезло! До смерти люблю я сворачивать шеи этим бродячим скотникам и отрывать... отрывать их бесконечно глупые головешки! Ха-ха-ха!

Джунгары хором загоготали: вскидывая копья вверх, чествовали своего предводителя. Окровавленный казахский батыр, окруженный джунгарскими воинами, гордо произнес:

– Ты бы лучше подумал о своей косматой грязной голове! Во веки тебе не смыть с нее кровь невинных жертв! И проклятие народа вобьет ее в землю!

– Хай-хай-хай! – закричал предводитель страшным голосом. – Сейчас посмотрим, чья голова покатится по ковыльной степи!

Он прогарцевал, делая круги перед воинами, и взвинчивался, наполняясь гневом и ненавистью. Его закаленное степным ветром и знойным солнцем дубленое лицо стало еще темнее, раскосые глаза налились кровью. Странно, но его черный конь тоже начал беситься, бил огромными копытами землю, тараща глаза, грыз удила, стараясь сорвать уздечку. Наконец, они взорвались как вулкан: совершив стремительный рывок, джунгар заорал на всю степь:

– Хай-хай-хай! Поединок! Я, Чарыш нойон, великий воитель гордых ойротов, племянник солнцеподобного хунтайчи Галдан-Церена, вызываю тебя, казахского батыра, на смертельный честный бой! Если ты победишь меня, клянусь, мои воины отпустят тебя на все четыре стороны!

Джунгары расступились, освободив место для боя.

Аблай чуть не присвистнул. Так это и есть сам Чарыш ноян!

– Ничего не скажешь, соблюдает закон чести степных героев! – подумал ханзада. – Но его честность относительна. Разве полный сил ноян и израненный батыр на измученном тулпаре в равных условиях?!

Но батыр принял вызов с достоинством. С возгласом «Аруах! Аруах!» он пришпорил коня. Измученный белый тулпар каким-то недоступным разуму чудом, почуяв решительный бой, встрепенулся, изменился на глазах. Это был настоящий боевой конь, крылья джигита, готовый на подвиг.

С яростным криком, с дикой, необузданной страстью и силой набросились друг на друга два совершенно незнакомых человека из разных стран. Первая же их встреча в этом бренном мире, где все люди должны, обязаны быть братьями, несла смерть и горе. Не было у них личного счета, они принадлежали разным народам и должны были сидеть у костра и мирно делиться едой и добрым словом, украшая мир добротой, живя в дружбе и во взаимоуважении. Какие это были бы великие друзья! Нет, они жаждали крови,

и причиной всему было желание одних господствовать над другими. И казах был тысячу раз прав, потому что он защищал свою Родину, свою свободу, честь и независимость. А джунгар был тысячу раз не прав, ибо он хотел завоевать чужую землю, поработить другой народ.

Но воины, не задумываясь об этом, наносили друг другу молниеносные яростные удары острыми клинками. Отбиваясь щитами, они показали всем, что достойны друг друга. Иногда казалось Аблаю, что они вот-вот убьют друг друга, и тогда он закрывал глаза. Его детская душа возмущалась, противилась, не воспринимала кровопролития, но реальный мир диктовал свои жестокие условия. Ему хотелось выскочить из оврага и драться с джунгарами, помочь одинокому батыру, но какая-то неведомая сила давила на него, не давая сдвинуться с места. Он сознавал, что его время еще не пришло. Ему оставалось лишь молча наблюдать и запоминать.

Солнце уже заходило в свое гнездо. Красный закат казался зловещим, небо давило необъяснимой жутью. Чарыш ноян, поняв, что саблей ему не одолеть противника, взял длинное копьё и на полном скаку вонзил ее в грудь белого тулпара. благородное животное пошатнулось, тихо заржало и рухнуло замертво. Батыр только успел вскочить на ноги, и тут Чарыш нанес ему сокрушительный удар копьём в грудь и пробил насквозь. Огромным усилием батыр устоял на ногах, но в следующий миг потерял сознание и повис на копьё.

Под ликующие возгласы своих воинов окрыленный Чарыш ноян, сидя верхом на коне, поднял окровавленного батыра на копьё высоко над головой.

– Хай, хай, хай! – восклицал он. Джунгарские воины дружно скандировали. – Эй, батыр казах, как ты там, а?!

Саркастический вопрос нояна вызвал громкий хохот. И вдруг батыр открыл глаза. И произнес хрипло, но отчетливо:

– Проклятая джунгарская собака! А я все-таки выше тебя!

И замер. Все обомлели. Чарыш ноян досадно покачал косматой головой и осторожно опустил тело погибшего на землю.

– Похороните его! Он достоин уважения! – сказал он глухим голосом.

Полсотни воинов быстро похоронили своих и отдельно – казахского батыра, предварительно разобрав все пригодные вещи. Алдаспан забрал сам Чарыш ноян.

Аблай тихо плакал в овраге. Когда джунгары скрылись за горизонтом и наступила ночь, он вышел из своего укрытия и подошел к могиле.

Прочитав молитву, долго сидел ханзада у могилы неизвестного батыра. Потрясенная детская душа переживала глубокие, доселе неизвестные чувства. В ней происходило что-то сверхважное.

Свет ясной луны щедро разливался по степи, редкое белое облако медленно уплывало вдаль, ввысь, и Аблаю казалось, что это душа батыра. Он чувствовал свое родство с ним. Сердце его переполнилось, он воздел обе руки к небесам и твердо произнес:

– Я, Аблай, сын Вали хана, клянусь никогда никого и ничего не бояться, бороться за свободу и счастье своего народа, не щадя сил и своей жизни! Аминь! Аллах акбар!

Он провел обеими ладонями по лицу. Затем решительно поднялся и твердо зашагал навстречу опасностям и приключениям, навстречу своей судьбе.

Аталык

К вечеру второго дня в степи ханзада почувствовал, что кто-то крадучись, неотступно следит за ним. Нет, ни малейшего шороха не было слышно, но ханзада нутром улавливал чей-то пронизывающий взгляд. «Быть храбрым мало, – вспоминал он наставления Ораза аталыка. – Надо быть хитроумным!» Поэтому внешне он оставался спокойным и шел как прежде.

Солнце село. В сумерках степные силуэты преобразались, становились многозначными. Даже прошлогодние пережаты поля, зацепившиеся за травы, иногда казались то грозными врагами, то хищными зверями.

Вдруг один из них действительно ожил и, зарывав, выскочил перед мальчиком. Это было огромное, покрытое шерстью лохматое существо. «Жезтырнак или жалмауыз?!» – промелькнул жуткий вопрос в сознании. Аблай молниеносно вырвал кинжал из ножен и приготовился к бою. Крепко сжимая рукоять кинжала, он зорко следил за противником. Грозно рыча, существо пружинисто кружилось вокруг него. Оно, кажется, почувствовало его решительность. Ханзада тоже осознавал свирепость и бесстрашие чудовища.

Два божьих создания, незнакомые доселе, встретившись в бескрайней степи, не могли разойтись мирно, и сразу же решали во-

прос жизни и смерти. Взошедший месяц слабо освещал двух непримиримых существ, почему-то не могущих ужиться в необычном подлунном мире.

Существо в полутемноте долго кружилось вокруг ханзады и, не смея идти прямо на булатный кинжал, потихоньку начало удаляться. Наконец, оно исчезло из виду, как будто растворилось в темноте.

Аблай облегченно вздохнул и вложил кинжал в ножны. Но не мог успокоиться, потому что это было только начало. Чудовище не могло оставить его в покое и наверняка хочет застать врасплох. Аблай решил идти дальше, остерегаясь каждого куста, каждого шороха.

Он шел недолго. На пути лежал невысокий холм.

Он решил устроиться на ночлег на этом холме. Отсюда был хороший обзор, да и подойти к нему незаметным было невозможно. Только надо быть очень бдительным.

Изнуренный голодом и потрясениями последних событий, Аблай невольно заснул. Вдруг он вздрогнул и проснулся. Над ним стояло огромное чудовище. Аблай вскочил, вырвал кинжал и только собирался взмахнуть им, как таинственное существо заговорило знакомым голосом.

– Эй, айналайын! Прежде чем нанести удар, посмотри кого бьешь!

Это был Ораз аталык!

Радости ханзады не было предела! Они крепко обнялись.

– Я уже оплакивал вас! – тихо произнес наконец Аблай, когда пришел в себя.

– Значит, долго буду жить! – громко засмеялся Ораз аталык.

– Так это чудовище... жезтырнак... жалмауыз... были вы?

– Да! Я хотел посмотреть на тебя, испытать... закалило тебя это лихое время или нет?

– Ну и как? – не без иронии спросил Аблай.

– Неплохо, неплохо! Для начала совсем даже хорошо! Сразу видно – школа! – в тон Аблаю бахвалился аталык и начал воодушевленно рассказывать свою историю. – Ох, видели бы вы, как я надул этих зайсанов! А все дело в том, что земля-то наша, родная! Нам и помогает! И вот я бегу от них, знаю каждый уголок, каждый двор, прячусь где угодно. А они не знают путь и скачут вслепую. До полуночи водил я их по закоулкам, по развалинам, измотал совсем. А под конец по одному перебил всех!

В свою очередь ханзада взахлеб рассказал о своих приключениях, утаив лишь свою клятву. Это цель и смысл его жизни, и об этом, кроме Всевышнего, никто не должен знать. Ораз аталык жадно ловил каждое слово своего господина и радостно удивлялся перемене в его интонации. Оживленно беседуя, они перекусили последней горстью курта, залежавшегося в кармане аталыка, и двинулись в путь. Им предстояли еще долгие скитания в бескрайней степи в это смутное время, подобно одинокому парусу, затерявшемуся в бушующем океане.

Лохматый

Прошло несколько лет. Ханзада Аблай и Ораз аталык бродили по степи, прячась от джунгар, завоевавших немалую часть казахской земли. Беглецы находили временный приют в разрозненных аулах. Закон степей – гостеприимство кочевников – спасал их от голодной смерти. Пережив таким образом несколько тягостных лет, они пришли к верховному бию Большого Жуза Толе. Толе би принял их. Аблай скрыл свое имя и происхождение, потому что этот казахский край был под гнетом джунгарских захватчиков. И он назвал себя Сабалак, что означало дословно «лохматый».

И пасли они тихо-мирно, незаметно ни для кого, верблюдов Толе би.

Проницательный би с первого взгляда заметил необычность «лохматого».

После некоторых наблюдений он приехал в полевой стан и сказал юнцу:

– Ты, Сабалак, не простой человек, чует мое сердце! И по облику и по поведению видно, что ты принадлежишь к знатному роду торе. Если джунгары заметят тебя, а здесь это вполне вероятно, то не оставят в покое. Я опасаюсь за твою жизнь! Лучше тебе уйти в свободную от джунгар Сарыарку!

И благословил Толе би Аблая, подарил двух коней и отправил вместе с Оразом в Сарыарку.

В Сарыарке он стал табунщиком Даулеткельды бая из аргынского рода атыгай-караул. Жили они тихо-мирно, пасли лошадей и вольно скакали по широким просторам, разучивая и совершенствуя навыки боевого искусства.

А Даулеткельды бай с первых же дней почувствовал особенность молодого Сабалака, дал ему волю и потихоньку стал пристально наблюдать за ним.

И через недолгое время он сказал жене:

– Этот юный табунщик не простой человек! Он всегда спокоен – не смеется беспечно, не раздражается, не обращает внимания на мелкие бытовые дразги. Он всегда задумчив. И хоть шесть дней и шесть ночей будет голодным, не подаст и виду! Не сядет на голую землю. Если ничего подходящего не найдет, то снимает верхнюю одежду, подстилает на землю и садится на нее! Самое главное, когда он спит, над ним что-то светится и около него становится светло! Ты будь с ним повежливей! Как бы ненароком не прогневить духов, поддерживающих его!

И они уважительно относились к Сабалаку-Аблаю и Оразу, кормили и одевали хорошо.

Так проходили годы. Аблай вырос, и ему исполнилось девятнадцать лет.

Истина

Однажды у табунщиков остановился вольный певец Великой степи Бухар жырау. Он был один. Его одежда и сбруя его коня были скромные, но добротные.

Табунщики встретили его с большой радостью. Усадив на почетное место, они с превеликим уважением угощали носителя древних традиций кочевых узанов вареным мясом и кумысом. «Странно, – подумал Аблай. – Сколько раз приезжали знатные султаны, знаменитые бии, но никому так не радовались табунщики!»

Говорил жырау приятным, мелодичным голосом и часто стихами. Даже его простая речь лилась как песня и голос менялся в зависимости от сказанного. В каждое слово он вкладывал частицу своей души и, произнося звучно, значимо, завораживал слушателей. То уносил он всех в глубь истории, то его мысли высоко парили в небесах, и слушатели невольно устремляли свой внутренний взгляд к космическим таинствам небес, то тревожно вглядывался в даль будущего.

– Сколько ханов я видел, сколько султанов я встречал на своем веку! Видел джунгаров, урусов и шуршутов. Разные люди, многие достойны уважения, немало и подонков. Но у всех почти одна

жажда, одно неумное желание – власть, слава и богатство! Им мало своего! Им надо охватить всю землю, захватить все богатства, завоевать весь мир! Зачем это? Во имя чего? Разве это и есть смысл жизни человеческой? Лучше жил бы себе каждый на своей земле и улучшал свою долю! Мой разум никак не понимает, почему люди уничтожают друг друга? И как бы не объясняли это ученые мужи, моя душа не воспринимает и никогда не воспримет этого! Мне противно все это! Если люди будут беспощадно уничтожать друг друга, раздирать бедную землю, то не разорвется ли она? Не потонет ли окровавленная луна в небытие, не померкнет ли солнце? И что тогда будет с моим народом, что будет с миром?!

Жырау печально умолк. Он ушел в себя, а может, улетел мыслями куда-то. Одухотворенные, взволнованные и утомленные долгими душевными беседами великого поэта, табунщики потихоньку разошлись. Только Аблай не тронулся со своего места. Молодому ханзаде были так близки мудрые слова жырау, что они запали глубоко в его душу.

– Что тебе надобно, айналайын? – вдруг спросил Бухар жырау.

– Мне хочется услышать завершение ваших слов! – спокойно ответил Аблай.

Жырау встрепенулся.

– О, любознательный джигит, ты будешь большим человеком, коль ждешь завершения начатого слова! Не каждый способен выслушивать, тем более дослушивать витиеватые мудреные изречения аксакалов!

Ему понравился этот необычный молодец.

– Порою мне хочется взобраться на вершину самой высокой горы и кричать на весь мир: «О, люди! Не приходите в чужую страну с оружием, не убивайте друг друга! Не проливайте ни капли крови ради власти, богатства и славы! Не поработайте другие народы! Живите мирно и счастливо на своей родной земле! Солнца и земли хватит всем! – Бухар жырау понизил голос. – И я тешу себя надеждой, что если это услышат народы, то поймут и прекратят все войны и раздоры, и воцарится покой и счастье на несчастной земле! А что? Наивно?!

– Просто и мудро! – воскликнул молодой Аблай.

– Да, айналайын... Нет истины лучше этой... Но вся беда в том, что издревле все об этом знают и делают наоборот! Всевышний дал всем народам свою землю, свой язык и указал жить свободно и соревноваться только в добрых делах!

Правдивая и поэтическая речь Бухар жырау глубоко запала в юную душу Аблая. И после прощания с ним еще долго звучал в его ушах приятный голос мудреца.

– Если жырау молчит – значит, он задумался, а если врет – то он мертв!

– Настоящий человек должен быть всегда готов сражаться и умереть за свой народ. Но это тоже надо делать с умом!

– Настоящая свобода начинается с уважения свободы других!

– Раб не свободен, это ясно. Но господин тоже не свободен от своего раба – оба они прикованы друг другу одной цепью!

– Человек свободен... Но он не свободен оскорблять, унижать, уничтожать других!

– Когда человек живет во имя своего народа, то он становится великим!

Эти и еще многие другие слова Бухар жырау Аблай запомнил на всю жизнь.

Аттан

В следующем году до них дошла весть о том, что Абилямбет хан собирается на освободительную войну с джунгарами, и воины со всей казахской степи собираются под его знамя. Аблай-Сабалак пришел к Даулеткельды баю и стал просить его разрешения идти в поход.

– Сынок, тебе всего двадцать лет, разве не лучше тихо пасти лошадей и есть мясо, пить кумыс в уютной юрте, чем идти на кровавую бойню? – сказал испытующе мудрый бай.

– Лучше умереть джигиту, чем остаться в стороне от развевающегося боевого знамени, от сотрясающей землю конницы!

Даулеткельды бай благословил его на ратный подвиг.

Лавина

Два войска грозно надвигались навстречу друг другу, как черные тучи, извергающие гром и молнию. Лучшие сыновья двух братских народов шли убивать друг друга. Блестели шлемы и кольчуги, сверкали копыта и сабли. Люди кричали, лошади ржали. Пыль от сотен тысяч копыт, взмывая ввысь, закрывала небо и солнце.

Одна война имела разные понятия. Джунгарские нойоны, зайсаны и шерики шли завоевывать казахские земли, уничтожить и покорить казахский народ. Они были захватчиками, несущими смерть и разорение. А казахские ханы, бии, сардары, батыры и сарбазы защищали свою страну, родную землю, свободу и жизнь. Смысл и цель казахов были несравненно выше, справедливее и благороднее, поэтому они были сильнее духом и готовы были стоять насмерть и победить. Небо покровительствовало им, земля поддерживала их.

Две армии закаленных воинов готовы были навалиться друг на друга, смешиваясь в кровавый клубок.

– Стойте!

Резкий окрик Богембай батыра, главного полководца казахов, прогремел до самого горизонта и остановил обе лавины разъяренных львов.

Боевые знамена родов заколыхались с новой силой, и яростный крик казахской и джунгарской армий сотрясал степь.

– Жекпе-жек!

– Поединок!

– Жекпе-жек! Поединок!

Первым выступил вперед джунгар на высоком черном, белолобом коне. Вместе с конем он казался неприступной черной скалой. Его огромные, мощные мускулы аж распирали стальную кольчугу, готовые в любой миг разорвать ее. Большая голова в шлеме напоминала перевернутый черный казан. Раскосые глаза величиной с детскую ладонь горели каким-то особенным, обжигающим огнем. Длинный, толстый айдар, как аркан из конского хвоста, свешивался на широченные плечи, подчеркивая мощь и уверенность воина.

Глядя на эту громадину, казахи затаили дыхание.

Джунгарский богатырь играючи вращал длинное смертоносное копьё, выкрикивая боевой клич и издевательства:

– Хай, хай, хай! Казахи! Вы возомнили себя равными нам?! Это ваша большая и последняя ошибка! Или вы будете жить под нашим знаменем, стоя на коленях, или мы вас уничтожим всех! Ха-ха-ха!

Бешеный хохот сотрясал степь. Он гарцевал на черном коне, совершая круги перед войском. Широкий нос раздувался, как горн, при каждом вздохе, наводя дикий ужас.

Казахские воины содрогались от его смеха и кипели от ярости. В их рядах было немало могучих, выдавших виды батыров. Но никто пока не осмеливался выйти один на один с этим чудовищем. Он был единым целым со своим конем и казался отлитым из чугуна.

Аблай сразу узнал его. Это был сам Чарыш! Это имя уже несколько лет гремело в степи, наводя ужас на мирные аулы. О силе и удали Чарыша ходили легенды. Он был непобедим в поединках и беспощаден, и убил многих могучих героев.

Пожилой полководец Богембай батыр из рода канжыгалы покачал головой и собрался выйти на бой. Но его удержал Абилямбет хан.

– Сардар, вам нельзя на поединок! Вы наш главный полководец и должны до конца сражения управлять войском!

Вперед вышел молодой воин. По рядам войска прошел шепот, полный ужаса и почтения: «Алгадай! Смертник – алгадай!» Он должен был как можно дольше продержаться и разгадать для других воинов основные приемы боя противника-силача.

Молодой воин-смертник не спеша направился к огромному джунгару. Он был в легкой кольчуге, на быстром скакуне. Чарыш грозно надвинулся на него и начал наносить смертоносные, изощренные удары копьём. Но алгадай был хитер и искушен в боевых делах, он не принял открытой лобовой атаки, а ловко увертывался и избегал ударов. И конь его, под стать хозяину, умело маневрировал, уводя алгадая от жесточайших, быстрых ударов острого калмыцкого копья. Чарыш разогрелся и начал азартно и мастерски преследовать его и, наконец, все-таки добился своего – алгадай вскоре, уклоняясь и отбивая удар копьём, пропустил удар длинной саблей прямо в голову. Он упал с коня замертво, но зорко следившие за поединком батыры отметили основные приемы Чарыша копьём и саблей.

Исключительная метаморфоза

После этого Аблай больше не мог сдержать себя и рванулся вперед.

Подъехал к Богембай батыру и попросил благословения.

– Сынок, ты же еще совсем юнец! – воскликнул Богембай батыр.

– Бата, бата! Благословите меня! – вознес руки к небесам Аблай.

Богембай батыр, увидев его решимость, каким-то необъяснимым образом почувствовал силу его духа и благословил на победу.

– Иа, Аллах! Во имя справедливости, ради спасения родной земли и освобождения нашего народа мы вступаем в эту битву! Помоги нашему джигиту, дай ему силы и победу! Сынок, да поддержат тебя Аллах и благословенные Всевышним великие духи наших предков! Аминь!

– Аминь! – повторил Аблай и вся армия.

Легендарный Богембай батыр отдал ему свою острую саблю и посадил на своего боевого тулпара Наркызыла.

И Аблай отправился на самую решающую схватку в своей судьбе.

Чарыш ноян круто повернул черного коня и встретил Аблая в полной боевой готовности. Испытывающим, пронзительным взглядом сверлил он джигита, желая расплавить его огнем своих налитых кровью глазниц. Но Аблай был невозмутим: он, отражая этот страшный взгляд, возвращал его владельцу с удвоенной силой.

Чарыш невольно вздрогнул.

– Эй! Разве казахи дошли до того, что отправляют на погибель мальчугана? Неужели они думают, что я, победоносный Чарыш ноян, опущусь до того, что буду биться с юным отроком? Пока я добр, катись-ка ты к своим родителям! Поучись у своего муллы! Может, придешь, когда подрастешь, а?!

От ярости Аблай не мог говорить. Он приготовился к бою.

– Ладно, – покачал головой Чарыш. – Сверну я тебе шею, как куропатке!

Дальше Аблай смутно помнил себя. Он бросился на грозного джунгарского богатыря, и клич «Аблай! Аблай!» невольно сорвался с его уст. Какая-то неведомая сила наполнила его грудь, по спине пробежала волнообразная, неопишимо горячая мощь и подняла вверх. Первый страшный удар Чарыша копьём он успел отбить щитом, и тут же Наркызыл рванулся вперед, и Аблай, все еще крича свой клич, нанес резкий удар саблей славного Богембай батыра по шее нояна. Два боевых коня разминулись, и пока Аблай поворачивал коня назад, до него донесся победоносный мощный крик многотысячного казахского войска: «Аруах! Аруах! Аблай! Аблай!»

И только тогда он увидел, что тело мертвого Чарыша сползает с коня, а голова катится по ковыльной многострадальной степи. Не останавливаясь, на полном скаку он повернул коня в сторону джунгарской армии и с криком «Аблай! Аблай!» повел за собой казахских воинов. Вся степь, все четыре стороны света, небо и земля гремели «Аблай! Аблай! Аблай!» Духи великих предков всех казахов словно воспряли сегодня, воплотились в едином имени! Как раскаты грома, сотрясая мир, как блики молний озаряя души, врезаясь в сознание людей, становилось это новое имя «Аблай!» ураном всего народа, священным словом.

Могучие джунгары сникли, они пытались кричать свои боевые кличи, их грудь kloкатала, но не могли они вымолвить ни слова. Как накаты бушующих волн, уран «Аблай!» потопил, смыл их. И неслись казахские джигиты как на крыльях, а впереди летел Аблай, и смели они полчища врагов...

После победы призвали к себе Аблая Абильмамбет хан, бии и батыры.

– Айналайын, кто ты? – спросил Абильмамбет хан. – Почему ты воевал с именем Аблая на устах?

– Я сын Вали хана Прекрасного! А моим дедом является Аблай, прозванный в народе кровавым за непобедимость в поединках и беспощадность в ратных делах! И я кричал его имя, призывая его дух на помощь! – ответил Аблай и вкратце рассказал свою историю.

Видавшие виды аксакалы и главы родов были тронуты его правдивой речью. И молвил Абильмамбет хан после молчаливого размышления:

– Слышал я, что младший сын Прекрасного Вали хана остался жив и пропал без вести! Но, как говорят казахи, стальной кинжал не будет лежать на дне мешка! И вот настал час, когда достойный потомок благородных ханов Аблай засверкал на всю степь во всей красе и величии! Благословите его, аксакалы, и мы изберем его ханом!

И вся знать, собравшаяся на этой войне, единодушно благословила Аблая и подняла на белом войлоке ханом.

Так началась героическая и легендарная эпоха хана Аблая. Ему исполнилось только двадцать лет, и его орда была основана на севере, в прекрасном Кокшетау – жемчужине Казахской степи.

Жэлбе

Хунтайчи Галдан-Церен молча сидел на холме, обратив тяжелый взор в бескрайнюю степь. Дул непрерывный ветер, и ковыльные волны уводили мрачные мысли владыки за горизонт. Вот уже несколько лет он с болью переносил гибель великого воина Чарыша, любимого племянника – сына своей старшей сестры.

– Я до сих пор не могу поверить, что его убили в поединке, – произнес хунтайчи снова с болью. – Нет, никто не должен был победить Чарыша в честном бою! Он владел всеми приемами боя монголов и калмыков, он изучил и освоил всю технику владения оружием древних ойротов и китайцев!

Чуть склонив голову в почтении, Жэлбе нойон в который раз пересказывал ему те страшные события, и каждый раз испытывал острую горечь потери и новый прилив гнева.

– Чарыш нойон зарубил несколько казахских батыров в поединке... И тут появился этот Аблай. Мы даже толком не поняли, что происходит. Боевой клич Аблай наполнил землю и небо. Наши кони задрожали и хотели бежать. Мы с трудом держались в боевом порядке. Никто и никогда так смело, прямо не шел на Чарыша. Он ударил как буря... И солнце джунгаров погасло! Пал Чарыш!

Галдан-Церен слушал молча, нахмутив брови.

– Этот Аблай, хоть и рослый, хорошо сложенный батыр, по сравнению с великим Чарышем казался малышом. Да и по физической мощи, и по технике владения оружием он не мог соперничать с Чарышем!

– Но тогда почему он победил? Как?

– В это трудно поверить, о великий хунтайчи! Но это не простой человек! Это – аруах! Как будто его поддерживают духи древних предков, возвышают над всеми! После той победы казахи подняли его на белом войлоке своим ханом! И во главе своей орды, несмотря на свою молодость, он совершил немало победоносных походов, освободил многие казахские земли от нашего подданства и добился славы и уважения всей степи! О подвигах его воинов ходят легенды!

– Слышал, – сухо сказал Галдан-Церен. – Знаю также, что он ведет переговоры и с урусутами, и с шуршутами. Значит, хитер и умен! И опасен для нас! А такому не надо позволить достичь всех своих целей! Я же вам давным-давно велел доставить его в нашу орду!

– Вот уже больше десяти лет мы охотимся за ним, но подбраться к нему нелегко! Даже тогда, когда кажется, что он вот-вот попадет в нашу западню, каким-то чудом ускользает в последний миг! Духи его оберегают, о великий хунтайчи!

Галдан-Церен осуждающе бросил острый взгляд на Жэлбе нойона и отрезал:

– Хорошо! Если не удастся его выкрасть, то захватим силой! Возьми тридцатитысячную армию и процеди всю степь. И если этот Аблай хан еще существует на земле и находится под Солнцем, приведи его мне! Живого! Пленником!

Аблай-невольник

Аблай хан охотился в горах Улытау вместе с Жабек батыром из рода аргын и Утеген батыром из рода уак. Азартная охота утомила их и, наевшись до отвала мяса добытых уларов, они заснули крепким богатырским сном.

И тут их нашли воины хунтайчи, заранее осведомленные своими лазутчиками о планах Аблая.

Жэлбе нойан ткнул острием копья в грудь спящего Аблай хана. Хан открыл глаза и молча посмотрел на джунгарских шериков.

Он все понял...

Одиночество. Воспоминания

Когда долетела весть о пленении Аблая, в орде хунтайчи всполошились. Все с нетерпением ждали легендарного хана казахов и своего заклятого врага. И пошли слухи и домыслы, как с ним поступит хунтайчи – отрубит голову сразу или подержит пленником, поиздевается, а затем живьем привяжет к хвосту строптивного скакуна и пустит в сторону казахской степи, дабы впоследствии обвинения в убийстве хана пали на легкомысленную лошадь.

На приведенных пленных Аблай хана и его верных друзей – батыров Жабек и Утегена – все глазели с изумлением. Пленники держались с достоинством. Даже долгая мучительная дорога и унижительный удел пленника не могли скрыть благородный облик и величественную осанку хана. Джунгары, особенно женщины, среди которых была и юная красавица Топыш, любимая воинственная дочь хунтайчи, несмотря на всю неприязнь, про себя от-

мечали какую-то таинственную особенность, одухотворенность этого человека.

Только хунтайчи Галдан-Церен и несколько его особо приближенных нойонов не удостоили вниманием пленников. Хунтайчи велел пленных батыров заковать в кандалы и отправить пасти баранов под наблюдением шериков. А на хана было особое указание.

– Заточите его в темницу и продержите там семь дней и семь ночей. Не давайте ему ни есть, ни пить. А затем подайте чашу с водой. В воду бросьте кусок бараньего жира. Внимательно следите за ним, – наказал своим шерикам хунтайчи Галдан-Церен, – и доложите мне обо всем, что увидите!

Так и поступили джунгары. Они бросили в темницу охапку сена и большую кошму, завели туда Аблай хана, развязали ему руки и оставили одного.

И потянулись мучительно долгие дни и ночи. Аблай лежал неподвижно, закрыв глаза.

Его мучило то, что его, хана, пленили в своем же ханстве и вывезли в чужую страну. «О, наша славная казахская беспечность! – кусал локти Аблай. – Если выйду отсюда живым, то на всю жизнь буду помнить этот горький урок!»

Временами он улетал в мир воспоминаний и видений, и это его спасало.

Перед его глазами проходили самые яркие мгновения его славной, молодой, полной приключений жизни. Он вспоминал о мудрых словах степных биев и подвигах великих воинов, и эти видения придавали ему силу. Он начал медленно ослабевать, истощаться телесно, но внутренний огонь его души неугасимо горел, и очи хана искрились, выражая непоколебимую решимость и отвагу.

Ему вспоминались те события, в которых он сам участвовал, а также приключения батыров, о которых он услышал из уст сказителей-жыршы.

Однажды в бою с джунгарами разгоряченный хан увлекся атакой и оторвался от своих батыров. И в разгар боя пал боевой конь Аблая. Свиристый воин-торгаут на полном скаку ударил ханского коня в бок копьём, и благородное животное, не издав ни звука, замертво рухнуло в ковыльную землю. Хан быстро вскочил на ноги и увидел, что остался один в окружении довольно крупного отряда торгоутов и дурбутов. Джунгары начали плотно сжимать кольцо, и

их сабли уже со свистом сверкали над головой. Легендарный хан решил встретить смерть с подобающим ему достоинством и приготовился к схватке. Как молния блеснуло в сознании горькое сожаление о том, что он еще не сумел, не успел сделать многие великие дела для своего народа! И стиснул зубы от досады и ярости.

Вдруг как вихрь прилетел всадник на синем коне с криком: «Алдияр, аттан!» и, спрыгнув на землю, подал Аблаю повод уздечки. Это был молодой горячий воин. «Скачите скорее!» – взмолился он. «А как же ты?» – спросил хан. «Казахам нужен такой хан, как ты! А если погибну я, родятся еще батыры!» «Нет! Я не оставлю тебя!» – сказал решительно хан. «Послушайте, какой смысл, если мы погибнем оба вместе?! Уходите или я сам зарублю вас, чтобы вы не достались джунгарам!» И грозно сверкнув глазами, батыр почти насильно посадил Аблая на своего коня и стегнул кнутом. Синий конь понесся ураганом, разрезая ряды джунгар. Он вынес с поля боя живым и невредимым надежду казахов.

После боя хан Аблай велел своим приближенным разыскать отважного батыра, разузнать о нем. Оказывается, это был Ер Жанибек батыр из рода керей. И ему удалось выйти живым из той кровавой бойни, перебив множество врагов, ускакать на их же коне! Хан Аблай поблагодарил героя и воспоминание о славном подвиге Жанибек батыра, готового пожертвовать собственной жизнью за своего хана, то есть, за родную страну, всегда радовало его сердце и придавало уверенность и силу!

Рассказывали, что однажды Жанибек в отрочестве заснул на холме и искавший его нагашы – дядя, брат матери, увидел издали, что около него возятся два синегривых волка! Дядя прискакал поскорее к нему, а волков и в помине нет! Никаких следов, а Жанибек спит себе спокойно! Прозорливый дядя неожиданно почувствовал, что это – духи волков-тотемов, которые избрали и вселились в Жанибек батыра! И действительно, керей Ер Жанибек батыр был бесстрашен и грозен, как волк, и всегда чувствовалось, что духи синегривых волков поддерживают его в ратных делах и жизни!

Однажды отважный джунгарский нойон перед боем вышел вперед и начал вызывать на поединок казахских батыров. Нойон был великолепен и силен, и бушевал, как гривастый буря! И тут вышел на поединок керей Ер Жанибек батыр. О, чудо, джунгарский герой как-то сник, был подавлен одним только видом Ер Жанибека, и убежал к своим. И они ушли без боя, признав свое пора-

жение. Спрашивают джунгары своего нойона: «Что случилось?» «А вот что... Смотрю на него, а у него на плечах сидят два свирепых синегривых волка, и оскалив острые стальные клыки, сверкая огненными глазищами, буквально просверливают, прожигают мое нутро взглядами! Страх, ужас обуяли мою душу, и я был повержен без боя!»

Аблай лежал на кошме в джунгарской темнице, а его вольные мысли носились в мире преданий и легенд. Он живо представлял себе подвиг Кастек батыра. Кастек, четырнадцатилетний юноша, вместе с сородичем пас коней и сидел на высоком холме, то и дело всматриваясь в степь. Время военное, и поэтому он выполнял заодно роль караульного. Внезапно из-за овальной сопки появилось растянувшееся как облако большое войско. Передовой отряд джунгар шел прямо на них. Кастек незаметно отправил младшего собрата в аул, чтобы предупредить старших о надвигающейся опасности, а сам сел на своего гнедого тая, и не спеша поехал навстречу целой армии. Дело в том, если бы он тоже начал убежать, то джунгары погнались бы за ним, застали бы аул врасплох и вырезали весь род. И Кастек решил задержать их, чтобы дать время своим сородичам уйти в степь и раствориться в ней. Как только приблизился к шерикам хунтайчи, он начал гарцевать на своем гнедом тае и взмахивая маленькой кривой саблей, выкрикивать:

– Жекпе-жек! Жекпе-жек! Нойоны! Зайсаны! Выходите на поединок!

Джунгары остановились. Подтянулось и основное войско. Они были очень сильно удивлены. Мальчуган на тае, с маленькой саблей, без кольчуги, без копья бросает вызов видавшим виды закаленным потомкам великих ойротов! Они замешкались, то испытующе, то посмеиваясь смотрели на мальчугана, то вопросительно друг на друга – как быть?! А ему нипочем вооруженный до зубов, прославленный в жарких боях тумен! Взмахивает своей маленькой саблей и орет: «Жекпе-жек!» Наконец-то полководец-нойон удостоил его вопросом:

– Кто ты, мальчуган? И что тебе надобно?

– Я Кастек батыр из рода шапырашты! – твердо ответил мальчик. – И мне нужно, чтобы вы покинули нашу степь с миром и вернулись в свои улусы!

Нойон громко засмеялся. Хохотал и весь тумен!

– Ишь ты хватанул! А если мы слушаемся тебя, тогда что?

– Тогда выходи на смертный поединок!

Нойон вздохнул и, покачав головой, тихо молвил:

– Послушай, мальчик, я не хочу твоей крови! Уйди с нашей дороги, вернись домой! Тебе надо еще пожить, жениться...

– О каком доме говоришь, нойон? Вы пришли разрушить мой очаг, сжечь мою юрту! А я не позволю вам этого сделать! Уходи или выходи на честный бой!

Джунгары начали злиться и уже готовы были растерзать заносчивого забияку. Но нойон, подняв руки, остановил их.

– Ты храбрый воин! И я окажу тебе честь – с тобой буду биться во всю мощь, как с достойным героем!

И сошлись они в смертельной схватке – четырнадцатилетний мальчик Кастек с маленькой саблей на гнедом тае и мощный нойон в доспехах, во всеоружии и на крупном скакуне. Громогласно выкрикивая боевой клич, нойон с одного удара длинного копья насквозь проткнул мальчонка и поднял его над головой. Тумен возликовал, оценив боевое мастерство своего предводителя. Кастек безжизненно повис на калмыцком копье, обливаясь кровью. Острие копья торчало из его спины.

– Эй, мальчик, как ты там? – спросил нойон.

Кастек еле открыл глаза и, выплевывая кровь, хрипло сказал:

– Ты показал силу своего удара! А теперь покажи силу своей руки – спусти-ка меня одним махом вниз по копью!

От такого нойону стало как-то не по себе, и он, истерично захотав, ударил тупым концом копья об землю. От сильного удара проткнутый насквозь Кастек соскользнул по копью вниз и поравнялся с нойоном лицом к лицу.

– Ну, как ты теперь? – спросил нойон, глядя в упор на мальчишка.

– А вот так! – тихо пробормотал Кастек батыр, истекая кровью, и глубоко вонзил свою маленькую саблю в горло нойона и умер. Зарезанный на глазах своего тумена полководец грохнулся на землю замертво. Джунгары обомлели – они были потрясены. Когда пришли в себя, то похоронили обоих героев с почестями на одном холме, и вернулись в свою орду без боя.

Однажды в походе Аблай хан встретил одинокого всадника. Он был огромен, даже спешившись, сравнивался ростом с всадником. Это был Турсунбай батыр из рода керей. Поговорив с ним, хан предложил ему присоединиться. Турсунбай сказал: «О, хан! Я наслышан о тебе! Знаешь, когда один еду в степи, то я чувствую себя огромным, как будто наполняю всю степь до горизонта. А

когда соединяюсь с толпой людской, то сам себе кажусь совсем маленьким. Поэтому я всегда иду в поход один. Но с таким героем-ханом, как ты, я поеду вместе!» И долго они ехали по степи. Они проехали рядом со старым, развалившимся мазаром. Прочитали молитву и решили поскорее удалиться, боясь ненароком не побеспокоить усопших. Каким-то чудом, краем глаза хан заметил, что из одной полуразрушенной древней могилы торчали полусгнившие деревянные перекрытия.

После долгого похода возвращались с победой. На обратном пути уставшие воины сильно проголодались, и хан решил остановиться на ночлег недалеко от древнего мазара. Он велел резать лошадь. Но кругом голая степь, и негде взять дрова для огня. Пока джигиты разделывали тушу, хан сказал Турсунбай батыру: «Ты же знаешь, как найти старое кладбище? Так сходи и принеси все деревянные перекрытия! Скоро стемнеет и, кроме тебя, никто не найдет это место!» Тот обрадовался доверию хана и быстро поехал.

Турсунбай батыр подъехал к кладбищу, спешился и, прочитав короткую молитву, в темноте, на ощупь начал разгребать старую могилу, чтобы вытащить деревянные перегородки. И когда он, полностью открыв могилу, начал вытаскивать деревянные перекрытия, мертвец в белом саване закричал страшным голосом: «Эй, не трогай мою могилу! Не нарушай мой вечный покой!», вскочил и схватил Турсунбай батыра за горло. Казалось, темная, безлунная ночь содрогнулась от душераздирающего вопля аруаха! Но Турсунбай батыр сцепился с мертвецом, быстро скрутил ему руки, сел на него и сказал: «Так ты мертвец или полумертвец? Если мертвец, спи спокойно! Что, из-за тебя живой Аблай должен умереть с голоду? А если ты полумертвец, то я сейчас тебя убью по настоящему!» С этими словами он вытащил булатный кинжал и только хотел резать мертвеца, как тот закричал от ужаса: «Стой, батыр, не убивай! Меня послал Аблай хан, чтобы испытать твою храбрость!» Турсунбай батыр отпустил его и засмеялся...

Оказывается, хан Аблай, видевший бесстрашие и отвагу Турсунбай батыра в бою, еще раз хотел испытать его храбрость. Поэтому, заранее, еще засветло, он незаметно отправил двух воинов к древнему мазару и велел одному надеть на себя белую одежду, как саван, и спрятаться прямо в могиле. А другой должен был закопать его и наблюдать за происходящим. «Посмотрим на нашего батыра, вздрогнет или нет перед аруахом?!» – сказал хан.

Приехали к хану, разожгли огонь, сварили мясо и поели на славу. Посмеялись над «полумертвецом». И спрашивает хан Тур-сунбай батыра:

– Скажи, батыр, ты хоть когда-нибудь пугался в своей жизни?

– Было дело, – отвечает батыр. – Однажды я крепко заснул в степи. Вдруг чувствую, как что-то холодное ползет по мне. Смотрю краем глаза – огромная черная змея пробирается к моей голове. Прошла шею и как только скользнула через мой раскрытый рот, я всей силой своих челюстей куснул ее в шею и разделил пополам! Голова упала в одну сторону, хвост – в другую! А середину я проглотил! Погибла змея! Наверное, я это сделал от страха! Да, если бы не испугался, разве проглотил бы я отвратительную змею?

Аблай хан и все воины рассмеялись и качали головами – вот это испуг!

И сейчас, лежа на кошме в сырой джунгарской темнице, он улынулся. Но в то же время горькая досада сжигала его душу. «Эх, были бы эти батыры рядом...». А они, прославленные и недосягаемые, один за другим являлись в его воображении...

Батыр Сатай из рода суан отличался своим добрым нравом. Бывало, застигнет спящим калмыцкого нойона в степи врасплах. Чего тут мешкать – свяжи или заруби, и делу конец! Но нет, Сатай батыр разбудит его, как друга, осторожно, тихо, даже нежно. Разбудив, расспрашивает – кто таков, зачем пожаловал? Затем советует: ну, не будь врагом, а будь гостем! Зачем, мол, ты пришел к нам с оружием? Приходи как друг, сосед! Иногда тронутый таким отношением калмык действительно отказывался от своих враждебных намерений и уходил с миром. Но если он отказывался от дружеских предложений, то тогда Сатай батыр выходил с ним на поединок. И пока не разозлится, бился вполсилы. Но когда дело начинало принимать серьезный оборот и он гневается, то силы Сатай батыра на глазах удваивались, и он беспощадно уничтожал врага.

События славных дней своего ханствования непрерывной чередой проносились перед глазами уморенного голодом Аблая. Его удивляли живость и ясность видений, он как бы заново переживал и осмысливал все это.

Сошлись однажды казахские сарбазы и джунгарские шерики в чистом поле. Превеликое множество славных героев собралось с обеих сторон, и готовы были они, абсолютно незнакомые, с дикой яростью, с нечеловеческой ненавистью вырезать друг друга. Что

ж, таков закон войны, утешали они себя. И вот тут нойоны послали посла к хану со словами: «Нам всем кровопролитие не нужно! Мы воюем из-за добычи! Так давайте договоримся и поклянемся – пусть ваш самый сильнейший батыр выйдет с нашим на поединок, и победившая сторона получит всю добычу, а побежденный уйдет ни с чем!»

На том поклялись и назначили на завтра решающий поединок. Аблай хан и Богембай батыр, посоветовавшись со старейшинами, полководцами, решили выставить батыра Жанибека Шакшакулы из рода аргын, известного своей отвагой, мастерством и силой. А у калмыков был герой, на которого однажды напал тигр-людоед. Он вступил с ним в бой, схватил за хвост и, прокрутив в воздухе несколько раз, как котенка, ударил головой об землю. И, говорят, до сих пор шкура этого тигра украшает орду хунтайчи Галдан-Церена. Когда Жанибек батыр узнал, что ему предстоит смертельная схватка с этим героем, ему стало страшно. Он плохо спал, и под утро видел сон. Будто сошлись они с джунгаром в бою, и тот ударом копья выбил его, Жанибека, с седла, сел на грудь и поднес саблю к его горлу. И видит, как его, Жанибека, грудь с правой стороны кусает дракон, а с левой стороны кусает второй дракон. Проснулся батыр весь в холодном поту и в ужасе решил бежать отсюда подальше. Перед побегом решил все-таки зайти в шатер хана и предупредить его о своем уходе. К удивлению Жанибек батыра Аблай хан тоже бодрствовал и, оказывается, ждал его, чувствуя, что он придет к нему. Жанибек рассказал хану свой сон и сказал: «Разрешите мне, о, алдияр хан, уйти! Самое страшное – я еще не успел жениться, и если я погибну, то не останется от меня потомства!» Хан Аблай жестом успокоил батыра и кликнул своего конюха. Когда тот подошел, он велел ему привести своего коня Наркызыла, подаренного Богембай батыром перед боем с Чарышем. Когда конюх привел Наркызыла, хан Аблай помолился Аллаху, попросив принять коня в жертву, и молвил: «Иа, аллах! Молю тебя, да сбудется сон Жанибек батыра таким, каким я истолковываю его!»

И велел хан зарезать своего коня и раздать мясо всем воинам. Затем, оставшись наедине с Жанибеком, молвил: «Издrevле казахи говорили: кто испугается во сне, тот радуется наяву! И еще народная мудрость гласит, что сон сбывается не таким, каким его видишь, а таким, каким его истолкуешь! Так что, если джунгар победил тебя во сне, наяву победишь ты! Если твою правую грудь ку-

сает дракон, то твой внук от сына будет героем, как дракон! Если твою левую грудь кусает дракон, то внук-племянник от дочери будет героем, как дракон! Как ты можешь погибнуть завтра, если тебе суждено иметь детей и героических внуков? Прогони этот страх и иди к джунгару – победа будет твоя!»

От этих слов Аблая Жанибек батыр воспрял духом. Да еще его потрясло то, что хан пожертвовал своим любимым конем ради правильного истолкования его сна. Воодушевленный Жанибек батыр вышел на поединок и яростно бросился на врага. К удивлению, джунгарский силач выглядел подавленным и был растерян. После первого же удара копьём он слетел с коня. Жанибек батыр соскочил на землю, сел на грудь джунгара и собрался резать его саблём. Тут джунгар его остановил рукой и произнес в отчаянии: «Стой, я не боюсь смерти, но выслушай меня! Сон, который видел ты, приснился и мне! Во сне я взял тебя! Ох, горе мне, мой прорицатель не мог истолковать верно мой сон, а твой оказался силен духом и высок умом, и он истолковал твой сон впрок тебе! Поэтому этот вещий сон сбылся вот так!» Жалко стало Жанибек батыру убивать такого героя, и он оставил его в живых, подружился с ним и оставил его улус нетронутым. А все остальные нойоны, по договоренности, отдали свое имущество Аблай хану, и он вернулся в свою орду с богатой добычей и большой славой.

Да, не простые люди эти батыры! Аблай и раньше так подумывал, но теперь, мучаясь в калмыцкой темнице, остро почувствовал и осознал, что батыры – это не только храбрые и физически сильные патриоты своей родины. Они связаны какими-то незримыми нитями, чем-то необъяснимым, таинственным, потусторонним. Казахи объясняют это одним словом – аруах! Духи! А что за этим кроется, откуда эта сила, энергетика – известно лишь Всевышнему!

Великий батыр Кабанбай из рода каракерей... Его настоящее имя было Ерасыл, а Кабанбаем прозвал его народ за дикую отвагу и напористость. В кровавых сражениях Кабанбай батыр, несмотря на то, что он полководец, главнокомандующий, первым скакал далеко впереди своей армии, как разъяренный лев врывался в ряды джунгар и рубил беспощадно. Один его вид и топот копыт боевого коня Кубаса бросали в дрожь воинов хунтайчи, и те часто спасались бегством от грозного Кабанбай батыра!

Однажды в походе широкая и глубокая река преградила путь казахским ополченцам. Брода и в помине не было, дело было к

вечеру, и волей-неволей назавтра они должны были вернуться назад. Грустно стало полководцу: «Неужели он, Кабанбай батыр, никогда не поворачивавший коней назад от полчищ врагов, отступит от водной преграды?!» Размышляя о стратегии и тактике предстоящей войны, он заснул. И увидел вещий сон. Два благородных аксакала приснились ему, сказали много хороших слов-назиданий и советовали ему, избранному герою Всевышнего, жить праведной жизнью и указали путь к забытому всеми броду сорокалетней давности. Назавтра он, действительно нашел этот брод, и воины благополучно перешли реку и добились цели своего похода. И пошла в народе молва: «Даже бурная река уступает Кабанбай батыру!»

Размышляя о видимом и невидимом, о понятном и необъяснимом таинственном, хан Аблай вспомнил о Малайсары и Олжабай батырах.

Батыр Малайсары из рода аргын был человеком невообразимо огромным, сильным и храбрым. Когда он был еще мальчиком и катался на тае, на их лошадей напал тигр. Ничуть не испугавшись, он первым вступил в схватку с грозным хищником. Тигр так хватанул своими когтями, что тай подлетел вверх. Малайсары полетел вместе с ним, а опустился прямо на спину тигра. Ничуть не растерявшись, он схватил тигра за шею и не давал тому разорвать себя когтями и клыками. Пока свирепый тигр яростно рычал и пытался скинуть с себя цепкого мальчонку, подоспел его отец Токтаул батыр, вспорол живот хищнику острым кинжалом и спас своего сына. И Малайсары батыр с ранних лет начал участвовать в стычках и больших битвах с джунгарами, совершил много подвигов и прославился на всю степь.

Однажды в бою он попал в плен к джунгарам. Хунтайчи принял его в своей орде с почестями, поговорил и пришел к выводу: лучше не враждовать с таким военачальником, а помириться и жить в дружбе. Малайсары батыр принял его мирные предложения, пообещал, что отправит своего сына к джунгарам в аманат. Они с хунтайчи поцеловали дуло белого ружья и поклялись больше не воевать друг с другом, а того, кто нарушит клятву, пусть сразит пуля! И вот, когда Малайсары только вернулся в свой аул, нагрянул хан Аблай со своими батырами. Хан позвал его в поход против джунгар. Малайсары сказал хану:

– Я не поеду! Оставьте меня! Потому что я дал клятву калмыкам не воевать с ними, поцеловав дуло белого ружья!

– Да что там твоя клятва с хунтайчи, когда весь твой народ идет воевать, чтобы отомстить им и вернуть пленных! Поедешь с нами – и все тут! – приказал батыру хан.

Джунгары заранее узнали о походе казахов и укрепились в неприступной крепости. Батыры Сары и Баян из рода уак и Малайсары во главе воинов атаковали крепость. Джунгары встретили их ружейными выстрелами, и они отступили под огнем. Шерик-стрелок произвел три прицельных выстрела, и все три пули попали в щель кольчуги Малайсары батыра. Остальные вернулись без единой царапины, а Малайсары был тяжело ранен в поясницу. Осмотрев раненого, Аблай хан велел не давать ему копченого мяса, а кормить лишь легкой пищей.

– У него задеты пулей внутренности, и копченое мясо может разорвать ему кишки! – предупредил он.

Малайсары тихо лежал в шатре, корил себя, подумывая, что его ударила своя же клятва, данная калмыкам, которую он не сдержал. А войско хана продолжало осаду крепости.

В те времена Олжабай батыр из рода аргын был никому неизвестным молодым воином и находился в запасных, хозяйственных частях войска. И вот однажды пасет он коней и видит: некто скачет мимо него. «Куда спешишь?» – спрашивает Олжабай. «А-а, разве ты не слыхал? Олжабай батыр, герой всего Среднего жуза, сейчас разрушит крепость джунгаров и раздаст много добычи воинам! Поэтому спешу, чтобы не остаться ни с чем!» И ускакал дальше!

«Ах, вот как! Значит, взять неприступную крепость суждено мне?!» – подумал Олжабай, облачился в боевые доспехи и поскакал с кличем «Олжабай! Олжабай!» На полном скаку выхватил боевое знамя из рук Аблая и с боем взял крепость. Все воины кричали: «Олжабай! Олжабай!» и вмиг его имя стало боевым кличем всего Среднего жуза. И только после завершения битвы Олжабай батыр заметил пулевую сквозную рану руки!

А Малайсары батыр горько сожалел о том, что не мог принять участие в победоносной битве, и сказал: «Дух Олжабай батыра возносится высоко!»

Однажды ему очень захотелось поесть мяса. Велел он своему конюху сварить мясо. Тот, вспомнив наказ Аблай хана, сказал: «Нельзя!» Тогда Малайсары батыр пригрозил, что если он не достанет хоть кусочек мяса, то зарубит его! Тот испугался и, пошарив в коржынах, нашел копченые казы. Отрезал большой кусок,

сварил и накормил батыра. Через некоторое время стало плохо ему, и он умер в тот же день. Перед смертью молвил Малайсары батыр: «Я все время думал, где же обитает он, Азрейил, ангел смерти? Оказывается, он незаметно лежал на дне моего походного коржына! И вот видите, как он пришел хитроумно! Наверное, даже он не посмеет подойти в открытую к таким людям, как мы!» Тело героя доставили на родину и похоронили со всеми почестями.

Об Олжабай батыре тоже ходили легенды в народе. Говорят, что однажды после трудного похода изнеможенный Олжабай прилег в степи и крепко заснул. Вдруг его сердце стало бешено колотиться, в ушах зашумело, все тело похолодело, мурашки побежали по коже и он начал задыхаться. Проснувшись в муках, поднял голову, осмотрелся. Видит – желто-пестрая большая змея с головой, как подушка, устроилась на его груди, то обвивает его шею, то скользит по всему телу. «Наверное, ищет нору!» – подумал Олжабай батыр и продолжал лежать неподвижно, широко раскрыв рот. Он решил откусить голову змее! Но змея соскользнула на землю. Олжабай батыр поднялся и начал осматриваться, ища змею. Смотрит – змеи нет и в помине, а у его изголовья сидит ходжа в белой чалме. «Чего тебе надобно от меня, ходжа? Сам видишь, брожу по степи, юрта моя далеко отсюда, скота моего тоже нет здесь! Чего ты сидишь и ждешь от меня?» – возмутился Олжабай батыр. «Нет, я не ходжа, я твоя судьба – счастье, дух-хранитель. Я всегда буду с тобой! Хотел тебя испытать и змеей прошелся по всему телу и убедился, что ты настоящий храбрец! Не поклоняйся ничьему духу, призывай свой дух «Олжабай, Олжабай!» и смело скачи на врага! Желто-пестрой змеей буду лететь впереди тебя на расстоянии выстрела! И не только от тебя, но и от тех, кто будет произносить твое имя боевым кличем «Олжабай! Олжабай!» будут убегать все враги!»

Сказав это, аксакал исчез.

«Да, удивительные люди! – подумал про себя хан. – И какое счастье, что я с этими героями прошел весь путь своего яркого ханства и свершил немало славных дел во имя своего народа! Жаль, что дорога была недолгой! Одно утешение, что за эти десять лет успел совершить такие дела, какие другим не удастся сделать за всю жизнь!»

Так же вспоминал он свои «крутые замашки» и критически усмехался над самим собой. Да, было время... Невиданный успех и громкая слава вскружили голову молодому хану. Он жаждал еще

большой славы и успеха. Самые храбрые и искусные воины стекались к его орде со всех уголков бескрайней степи. Почувствовав взлет, ему хотелось быстро решить все вопросы, уладить все политические разногласия, разбить всех врагов. И он задумался – ни много ни мало – о решающем походе на запад, по следам великого предка Чингисхана, на Русию! Его зажигательные речи будоражили умы, молодые батыры горячо поддерживали своего хана и готовились к войне. И тут прибыл в орду Бухар жырау.

Аблай с большим почтением встретил его. Жырау был озабочен. И он высказал хану Аблаю честно, нелицеприятно, порой даже резко всю правду. Суть его слов сводилось к тому, что война никому не нужна, об этом даже не надо думать. Надо стараться жить в мире и согласии со всеми народами!

Аблай хан, хоть вначале и разгневался, но, вспомнив разговор с Бухар жырау в бытность табунщиком, поостыл и подумал о многом. Его поразили открытость и искренность жырау. Его слова были сильны, потому что были честны, правдивы и полны забот о судьбе не только своего народа, но и всего мира. Аблай с почестями проводил Бухар жырау, долго, напряженно, глубоко думал и пришел к окончательному выводу. Мир лучше любой войны, и отныне это – жизненный путь его народа и его орды!

«И все-таки я счастливый хан! – подумал Аблай. – Несмотря на все страдания и лишения в юности, несмотря на эту нелепую беспечность и позорное пленение! Да много ли найдется правителей, ради которых великие герои готовы были отдать свои жизни! Значит, я чего-то стою для них, для своего народа!» И как бальзам на его душу пролилось воспоминание о Байгозы батыре из рода таракты аргын. Однажды в бою хан Аблай остался в окружении четырех богатырей из джунгарского рода хойт. Воины были мощные и искусные, и Аблаю приходилось туго. К тому же сюда начали стекаться множество шериков, сжимая кольцо окружения. И в этот миг рослый, сильный батыр на вороном коне прорвал это железное кольцо, бесстрашно сразился с хойтами и убил нескольких ударом копья. Это был Байгозы батыр, и узнав его, воодушевленный Аблай начал отбиваться с новой силой. Тут подоспели сарбазы и обратили врага в бегство. Впоследствии много раз пересказывал эту историю сам Аблай хан и говорил, что таракты Байгозы батыр своей самоотверженностью вырвал его, Аблай хана, из пасти смерти!

Любовь и ненависть матери

Предаваясь воспоминаниям и размышляя о батырах степи, он временами забывался, дремал или глубоко засыпал. Однажды от сладкой дремоты его разбудил едва уловимый шорох. Открыв глаза, Аблай хан увидел женщину, входящую в его обиталище. Это была пожилая, симпатичная калмычка. Строгое выражение ее лица и богатый наряд выдавали благородное происхождение.

Аблай был крайне удивлен, но не подал виду и молча встретил ее, глядя открыто и прямо в ее грустные глаза.

– Я сестра хунтайчи Галдан-Церена! Мать великого воина Чарыша!

– Мать Чарыша?! – удивленно поднялся Аблай.

Знатная особа старалась сохранять внешнее спокойствие, но распиравшие ее гнев и ненависть прорывались с каждым ее словом.

– Как ты посмел убить моего любимого Чарыша, моего мальчишку? Он был очень добрым! Но откуда вам, дикарям, понять это?

– Он был убийцей! Он безжалостно уничтожал целые аулы казахов! Он заслужил такую смерть и нашел то, чего искал!

– Безжалостный убийца говоришь! И это ты о Чарыше... о миллом, добром нойоне! Он страстно любил свою страну... он был опорой трона, оплотом орды! Это он на войне был беспощаден к врагам. А так... муху зазря не обижал... Однажды ягненок вывихнул ногу... так он позаботился, чтобы его вылечили...

– Ягненок выходил, значит... И вырезал целый народ... это что, ничего?!

– Это война! И это неизбежно! – выпалила с жаром женщина.

– Вы мать... И, наверное, у вас в груди бьется материнское сердце, да? – продолжил Аблай. – И оно, наверное, наполнялось нежными чувствами, когда вы провожали вашего сына на войну? На войну захватническую, несправедливую! Вы благословляли его на победу! Вы желали, молились, чтобы он вернулся живым и здоровым, с богатой добычей и прославленным! И что тогда подсказывало вам ваше материнское сердце? Вы же благословляли вашего доброго сына на убийство! На убийство детей таких же матерей, как вы сами! И заметьте, на убийство не одного человека, а на уничтожение целого рода! Кровь и страдание людей – вот цена славы вашего сына-героя! Кто дал право вашему сыну прийти в чу-

жую страну с оружием и убивать людей? Кто его приглашал? А каково было бы вам, если бы на вашу землю вторглись чужестранцы?!

Мать Чарыша медлила с ответом. Аблаю показалось на мгновение, что ей совестно. Но гордая сестра хунтайчи не теряла самообладания.

– На нашу землю никто и никогда не сможет вторгнуться! Воины Джунгарии не допустят этого и вырежут всех, кто придет к нам с оружием!

Аблай не стал спорить с ней. Он понимал, что это бессмысленно.

– Вот вы горюете, – продолжил хан мирным тоном. – Я вас понимаю: погиб любимый сын! Но вы хоть на мгновение подумайте о тех сотнях, тысячах детей, уничтоженных вашим сыном! Подумайте о матерях, убитых горем! Они тоже, как вы, оплакивают своих детей! Их сердца тоже обливаются кровью! Подумайте об этом человеческом горе, которое принес в наши степи ваш любимый, добрый мальчик!

Благородная калмычка с глубокой ненавистью выпалила:

– Ты еще смеешь говорить мне такое! Да будь ты проклят! Чтобы травы в твоём улусе росли высоко и никогда не были растоптаны!

Аблай усмехнулся.

– Понятное дело, ты желаешь мне бедности, чтобы не было у меня скота и некому было щипать эту траву! Да, нехорошо, но если у моего народа будет много скота, то и я не буду считать себя бедным!

– Чтобы зола в твоём очаге никогда не была рассыпана! – выпалила гневно калмычка. Она сказала это с такой энергией, что Аблай невольно вздрогнул и мурашки побежали по спине. Но он про себя сказал «Ля иляха илла Аллах!» и спокойно отпарировал:

– Ты желаешь, чтобы у меня не было детей! Да, страшное проклятие! Но если мой народ будет расти, я буду счастлив! Дети моего народа – мои дети!

Мать Чарыша чуть задумалась и произнесла:

– Чтобы ты, хан, сам не знал, как поступить в решающих ситуациях и не слушался знающих!

Аблай хан покачал головой и неторопливо ответил:

– Да ты, оказывается, умная женщина! Действительно, это самое страшное проклятие! Но спасибо за урок – я буду всегда стараться делать наоборот и слушаться даже младенца, если в его словах будет зерно здравого смысла! Самое главное – я возвращаю

все твои проклятия тебе самой! И верю, что никакие проклятия не могут навредить невинному – Всевышний не позволит! Да и благословения моего народа защитят меня от проклятий чужеземных недругов!

Женщина резко отвернулась и зашагала к выходу. На пороге повернула голову и бросила быстрый, леденящий душу взгляд.

– Все равно я убью тебя! – процедила она в ярости сквозь зубы и ушла.

Дыхание смерти

Эти семь голодных дней и ночей сыграли переломную роль в жизни Аблая. Он пережил это и вышел мудрым владыкой не только степи, но и себя самого!

Через семь дней и семь ночей подали измученному, ослабевшему хану Аблаю чашу воды. Смотрит Аблай хан и видит – плавает кусок бараньего жира в воде. Голодный кочевник потягивает воду, притягивая жир ко рту, но остывший в холодной воде бараний жир все время отплывает к другому краю чаши. Три раза пытался хан проглотить бараний жир, но он не подплывал к его рту. Раздосадованный хан воскликнул:

– Раньше я не мог отдувать жир из бульона, а теперь не могу притянуть к себе! Да, видать, счастье отвернулось от меня! Так пропади пропадом! – и бросил чашу с остатком воды и куском жира к шерикам.

Те обомлели от такого поступка голодного хана-узника и доложили об этом хунтайчи Галдан-Церену. Тот задумчиво покачал головой и сказал:

– Видать, этот Аблай действительно благородного происхождения, чингизид. Если бы он был простолюдином, то засунул бы руку в чашу с водой и слопал бы жир! Так мы еще раз испытаем его. Пусть к нему зайдут четыре воина и, оголив сабли, произнесут яростно: «Время ваше пришло – хунтайчи приказал вас зарубить!» – и бросятся на него. Если он испугается и будет просить пощады – зарубите его! А если не вздрогнет – не трогайте и доложите мне!

Четыре воина быстро и бесшумно вошли в темницу и молча встали по четырем сторонам сидящего на кошме пленного хана. Они, как тени смерти, неподвижно застыли и вперлись тяжелым взглядом в него. Аблай холодно посмотрел на них. Воины одновременно оголили сабли и издали душераздирающий боевой клич.

– Хай-хай-хай! Хан казахов Аблай! Наступил твой смертный час! Хунтайчи приказал зарубить тебя!

И все четверо с криком бросились на хана. Сабли сверкнули над головой, но Аблай хан, даже не моргнув глазом, сидел неподвижно, как каменная скала.

Воины скрестили свои смертоносные клинки прямо над темнем коронованной особы и внимательно оглядели его. Убедившись, что хан не вздрогнул, молча поклонились ему и тихо удалились.

Аблай хан еще раз почувствовал жуткое дыхание смерти, тихо вздохнул и подумал про себя, что Всевышний Аллах уготовил ему особую судьбу, и духи предков поддерживают его.

Трон хунтайчи

Хунтайчи велел привести Аблай хана в свою орду.

Он собрал девяносто самых знатных калмыков со всех родов, усадил по две стороны трона и сам сел посреди них. При этом наказал всем:

– Ни словом, ни взглядом не давайте знать, что я – хунтайчи! Посмотрим, как он найдет меня! И не уступайте свое место пленному казахскому хану! Оставьте свободным только место у порога! Испытаем его таким образом! Если он простолудин, то сядет на свое привычное место – у порога! А если воистину благородного происхождения, то пусть поломает голову, как ему быть!

Когда Аблай хан вошел в орду, могущественная калмыцкая знать, разодетая в праздничные одежды, встретила его горделивым молчанием. Аблай хан достойно поздоровался, джунгары ответили неохотно и вперились в него тяжелым взглядом. Аблай спокойно вынес «расстрел» раскосых глаз и медленно осмотрелся. Не было свободного, подходящего места, кроме порога. Хунтайчи Галдан-Церена не было видно – трон был пуст. И Аблай уверенно шагнул вперед и сел прямо на трон великого хунтайчи! Неслыханная дерзость хана чужой страны, да еще пленника возмутила нойонов и зайсанов – они аж взорвались в едином порыве и зашумели.

Аблай хан с улыбкой ответил:

– Так кто же сядет на этот трон, если на него не сядется великий хунтайчи джунгар Галдан-Церен или хан казахов Аблай?

Все растерянно переглянулись. Хунтайчи Галдан-Церен встал и направился к своему трону. Аблай хан почтительно освободил трон и занял место по правую сторону владыки.

Хунтайчи Галдан-Церен скорбно посмотрел на Аблай хана и спросил:

– Где Чарыш?

– Острая сабля в бою не разбирает, кто ты – Чарыш или не Чарыш...

– Где Чарыш?

– Была смертельная сеча, и суждено было пролить эту кровь мне...

– Где Чарыш?!

– Его смерти желал мой народ, а моя рука лишь свершила это! Зачем вам Чарыш, исчезнувший в небытие? Лучше позаботились бы о себе, живом и здоровом...

Хунтайчи задумался и покачал головой.

– Ты о чем жалеешь, Аблай хан? – спросил он наконец.

– Первое, о чем я жалею, это то, что я не сумел построить города и укрепить свой кочевой народ!

– Ты прав! – сказал хунтайчи.

– Во-вторых, я убил Чарыша в поединке, в честном бою! И мне очень жаль, что я спящим попал в плен к вам и умираю бесславно. Если бы мы сошлись в чистом поле, и я погиб бы в бою, то не было бы никакого сожаления!

– Да! – покачал головой хунтайчи.

– И третье мое сожаление в том, что я единственный живой потомок своего предка в четвертом колене, и еще не родились мои дети! Если я умру, то пресечется весь мой род!

При этих словах хунтайчи вдруг загрустил и тихо сказал:

– Я тоже одинок с третьего колена! А ты как мой Амурсана!

– Алдияр! – радостно воскликнул Аблай хан.

– Почему ты обрадовался? – спросил удивленно хунтайчи.

– Вы сравнили меня со своим сыном! А раз так, то наверняка не желаете моей смерти! – выпалил Аблай хан и продолжил спокойным голосом. – Я думаю, что мы и так пролили немало казахско-калмыцкой крови! Вот уже около двух веков мы несем друг другу гибель, страдание, разорение! И чего добились?! Давно настало время остановиться и подумать!

– О-о, какой умник нашелся!

– Ты бы лучше подумал о своей голове! – начали было возмущаться некоторые нойоны, но хунтайчи властно поднял руку и все сразу умолкли.

– Казахи говорят, человеческая голова – мячик Аллаха, куда направит, туда и покатится! – продолжил Аблай. – Но иногда не только отдельный человек, но и целые страны позволяют играть своей головой другим!

При этих словах широкое лицо хунтайчи едва заметно дрогнуло, а глаза выражали тяжелые мысли.

Большинство джунгарской знати также задумались.

– Кого из сегодняшних правителей ты считаешь самым сильным? – спросил наконец хана хунтайчи.

– Турецкий султан, русский белый царь, китайский император! Затем вы, хунтайчи!

– А где ты сам? – не выдержав, проиронизировал один из нойонов.

– А мы со всеми в ладу и дружбе, как равный с равным! – улыбнулся в ответ Аблай хан.

– Мы знаем, что про тебя легенды ходят в казахской степи! А некоторые иноземцы нелестно отзываюся о тебе! Они говорят, что ты хитрый, коварный, двуличный, властолюбивый, одним словом – плохой человек! – не унимался нойон.

– А ведь это хорошо, когда тебя чернят иноземные недоброжелатели, а свой народ восхваляет! – засмеялся Аблай хан. – Если было бы наоборот – тогда действительно плохо! Потому что, я считаю, хан должен думать прежде всего об интересах своего народа, а не иноземных льстецов!

Неожиданно все нойоны одобрительно загудели, а Галдан-Церен усмехнувшись, задумчиво покачал головой и наконец молвил:

– Да, нам с вами стоит подумать над многими вещами! Так что пока есть время, лежи себе тихо и думай! Как-нибудь мы продолжим нашу беседу!

Он подал знак, и охрана увела хана Аблая.

Странный сон

Его перевели в отдельную юрту. После темницы юрта казалась раем. Но неволя, какой бы почетной она ни была, всегда тягостна,

и положение узника давило и угнетало Аблая с каждым днем все больше и больше.

Однажды ему приснилось, будто он еще мальчик и играл в степи один. Он скакал на коне-пруте по степи. Вдруг из-за холма появился мальчик-калмык. Он тоже скакал на пруте. Они подошли друг к другу. Мальчик калмык был очень красив и одет прекрасно. Они улыбнулись.

– Я – Аблай. А как тебя зовут?

– Меня зовут Чарыш! Я – джунгар! А ты казах?

– Да. Давай играть!

– Хорошо. А во что будем играть?

– В асыки. Или в байгу!

– Нет, давай играть в войну. И сражаться!

– Нет, война – это нехорошо! Давай бороться!

Они «спешились» и начали бороться. Вдруг нечаянно Аблай сильно задел Чарыша локтем в лицо и тот громко заплакал. Как из-под земли, внезапно появилась мать Чарыша. Она обняла своего сына и начала его утешать, пригрозила Аблаю кулачком и шагнула к нему. Аблай испугался и заплакал. И тут появилась его мать в белом платье, подошла к матери Чарыша и грустно посмотрела на нее и ... исчезла. Калмычка молча остановилась, а Чарыш спросил:

– А куда ушла твоя мать?

– Ее убили джунгары! – ответил Аблай и заплакал. – О, матушка моя, моя родная матушка...

И он проснулся с этими словами. Едва открыв глаза, он увидел женщину, сидящую рядом. Спросонья она показалась ему матерью. Лишь в следующий миг он понял, что эта та самая злая калмычка. Мать Чарыша невольно остолбенела, когда сонный Аблай со словами «матушка, матушка» протянул к ней руки и тихо всплакнул, и сидела неподвижно у его изголовья, сжимая в руках занесенный для удара острый кинжал.

Аблай вскочил. От ярости его лицо потемнело, глаза налились кровью. Калмычка испуганно вскрикнула и отпрянула к выходу. На ее крик прибежала охрана. Аблай злобно бросил взгляд на них и холодно произнес:

– Уберите ее отсюда и больше не пускайте ко мне! Передайте хунтайчи Галдан-Церену, что если он решил обезглавить меня, то пусть это совершит достойно своего имени. Или во всей Джунгарии не осталось воинов? Я не дам себя убить бешеной бабе и больше не потерплю ее издевательств!

Охране пришлось доложить об этом хунтайчи. И Галдан-Церен, опасаясь, что сестра может действительно убить Аблая, запретил ей даже близко подходить к юрте пленника. Для пущей безопасности он даже старался держать ее подальше от своей орды, в ее улусе, приглашая только в необходимых случаях.

Посланцы казахов

В скором времени приехали посланцы из казахской орды во главе с Казыбек бием. У них было одно, но жесткое требование – немедленное освобождение хана Аблая.

Казыбек би был из рода каракесек аргын. В народе его прозвали каз дауысты Казыбек, то есть «голосистый как гусь», за звонкий, певучий голос.

Хунтайчи принял их в своей орде. После обмена традиционными любезностями Казыбек би решительно перешел к делу.

– Великий хунтайчи! Вся казахская степь, вольные сыновья всех трех жузов глубоко возмущены пленением хана Аблая! И вы прекрасно понимаете, что казахи не простят вам, если случится непредвиденное! Мы надеемся на ваше благоразумие! Во имя мира между нашими народами вы обязаны немедленно вернуть нашего хана живым и невредимым!

– Так вы просите меня или требуете?

В глазах Галдан-Церена сверкнули искорки.

Казыбек би прямо и спокойно посмотрел на него и заговорил твердым, звучным голосом:

– О, великий хунтайчи,

Мы, казахи, мирный народ,

Дружелюбны ко всем и добры,

Ни к кому не шли войной и не поработали никого.

Но того, кто приходит к нам с враждой,

Сразить готовы наши острые копья!

Ты железо, я уголь,

Расплавить тебя пришел я!

Казахи и калмыки – братья

Помирить их пришел я.

А если ты будешь рычать, как пантера,

То я лев,

Сразиться пришел я!

Речь лилась из глубины души мудрого и отважного кочевника как чистый родник, а речитатив придавал его словам особую силу и завораживающую красоту. Хунтайчи Галдан-Церен на мгновение оцепенел – так глубоко зауважал гусеголосого Казыбек бия. Но быстро взял себя в руки и строго, с достоинством ответил коротко и ясно:

– Наше решение вы узнаете в ближайшее время!

И они вежливо простились...

Казнить или миловать?

Хунтайчи Галдан-Церен беседовал в орде со своей любимой дочерью Топыш. И тут вошла, даже просто ворвалась его сестра, мать Чарыша. Она была старше Галдан-Церена, поэтому пользовалась особыми привилегиями. Она не очень-то соблюдала и дворцовой этикет.

– О, великий хунтайчи... милый брат! – выпалила она с ходу. – Пора покончить с этим казахским кровопийцей! – она бесшумно кружила по орде, как раненая тигрица. – Сожги его на костре, как бешеную собаку! Сотри его в порошок, перемолов все кости и развей в сторону казахских степей! Или привяжи к хвостам четырех коней и пусть поскачут во все четыре стороны!

Галдан-Церен и красавица Топыш молча выслушали пламенные речи старшей сестры. Не встретив возражений, «выпустив пар», она немножко остыла и села на шкуру тигра.

– Казахская орда решительно требует немедленного освобождения своего хана, – сказал хунтайчи. – Их посланцы дали ясно понять, что в случае отказа, тем более казни, казахи собираются напасть на Джунгарию! И русский белый царь, и китайский император также желают освободить лояльного к ним Аблая. Ох, хитер и умен этот Аблай, если с ним считаются такие великие империи!

– К тому же доблестный и могучий воин! Одним словом, достойный враг, а может, и будущий друг?! – с жаром вступила в разговор красавица Топыш.

– Друг, говоришь? Как вы смеете даже думать об этом! – воскликнула мать Чарыша. – На нем кровь моего Чарыша, великого воина Джунгарии! А вы вместо того, чтобы отомстить, так долго раздумываете о чем-то недоступном разуму большинства джунгар! И мы недовольны этим!

– Да, ты права, сестра! По всем законам войны он должен погибнуть! Я должен его казнить! Он в моих руках, и никто не может помешать мне! И все нойоны и зайсаны тоже хотят его крови в отместку за гибель Чарыша! – при этих словах Галдан-Церен чуть не вскочил с трона, и воздев руки к статуэтке Будды, продолжил: – Но не могу! Почему? Сам не знаю! Что-то неведомое, непонятное держит меня, не пускает на этот решающий шаг!

– Тогда отдай его мне! – спокойным, холодным тоном сказала сестра. – Я сама казню его! Казню с благословения ламы, перед всем миром, в назидание нашим врагам, казню жестоко, выпью чашу его крови и, может, тогда моя душа приобретет покой!

– Ладно, хватит! – резко оборвал ее хунтайчи. – Хоть он смертельный враг, но он хан, чингизид! Да, он пленник, но пленник особо ценный, высокого происхождения! Он – мой пленник, я сам решу, как быть с ним! А тебе еще раз напоминаю, что ни один волос не должен упасть с его головы!

Сестра переменилась в лице, с удивительной легкостью приняла слова хунтайчи и, поклонившись в знак покорности, молча вышла из орды. Красавица Топыш с нескрываемым восхищением посмотрела на отца и ее большие черные глаза искрились благодарностью.

Голова барана

Мать Чарыша не зря проявила такую покорность. Она замышляла так устроить смерть Аблая, чтобы никто не смог обвинить джунгар в этом. И придумала.

Она в тайне от всех сговорила с начальником охраны. И уговорила его кормить Аблая ежедневно только одним единственным продуктом – мясом. Они знали, что если человек в течение двадцати-тридцати дней будет есть одно только мясо, то тихо умрет. А если Аблай хан умрет от однообразной пищи, никто не посмеет обвинить Джунгарию в этом.

Начальник охраны в душе ненавидел пленного казахского хана, да и подарки сестры хунтайчи были значительные, и он с особым рвением приступил к выполнению этого коварного замысла. Он отменил все остальные продукты и велел кормить Аблая одним только мясом. На третий день Аблай хан отказался от еды и спросил у начальника охраны – в чем дело?

– Теперь мы будем кормить тебя одним только мясом! – заявил тот нагло.

Аблай подумал и понял всю изощренную подоплеку этого коварного замысла. Но не подал виду и сказал со всей серьезностью:

– Тогда давайте мне вареную голову барана!

– Голову барана? Которую мы каждый день бросаем собакам? Что ты за простак такой, хан Аблай? Будем, будем тебя кормить головой барана!

И носили охранники каждый день Аблай хану вареную голову барана. И ел хан Аблай, находясь в плену, голову барана – самое почетное угощение для высоких гостей у казахов – ежедневно.

Наблюдал за ним начальник сорок дней. Мать Чарыша ждет не дождется от него радостной вести о смерти Аблая. А хан Аблай не только не собирался умирать, а даже стал поправляться на глазах, наливался силой.

И, наконец, не выдержали заговорщики и обратились к мудрому ламе и спросили разгадку этого явления, утаив, правда, об истинных своих целях. Лама подумал и ответил, что в бараньей голове много разных веществ, полезных для человека, и что она разнообразна по своей сути. Он пояснил, что в глазах, мозге, языке, ушах, то есть, в каждой части вареной бараньей головы разные вещества, и даже вкус у них разный. Тут заговорщики поняли мудрость хана Аблая и свою оплошность, но было уже поздно что-то делать.

Два владыки степей

Однообразные дни и месяцы в плену тянулись удручающе медленно.

Аблай сознавал, что ему надо держаться и выжить. И надеялся, что когда-нибудь этим мучениям будет конец. Но все равно временами ему становилось невыносимо тягостно, и тогда он затягивал старинные, грустные напевы степи. Это успокаивало и умиротворяло его душу.

Однажды, в конце лета, Аблая привели в орду.

Хунтайчи был один.

И снова встретились лицом к лицу два владыки степей в безбрежном океане жизни.

– Что двигает нами, наталкивая друг на друга? – спросил тихим голосом Галдан-Церен.

Аблай вопросительно посмотрел на него.

Галдан-Церен задумчиво продолжил:

– Великие империи хотят моей рукой уничтожить тебя, а твоей рукой – меня! Я потерял покой, когда ясно понял эту жестокую правду и все время думаю, как развязать этот узел!

– Но если мы понимаем это, то, наверное, не надо быть оруди-ем в чужих руках! – искренне выпалил Аблай.

Галдан-Церен встал со своего трона и начал медленно прохаживаться по просторной орде, на ходу чеканя каждое слово:

– В этом мире много непонятого, неподвластного нам. Вот мы с тобой поняли друг друга, вроде подружились. А наши народы воюют около двухсот лет, люто ненавидят друг друга, наши воины жаждут крови и славы. Сможем ли мы с тобой остановить их, вразумить, что братоубийственная война приведет только к гибели?

– Я думаю, если объединить наши усилия, то...

Аблай хотел было продолжить, но хунтайчи жестом остановил его и продолжил, как бы размышляя вслух.

– Я стою на самой вершине власти и мне дальше идти некуда! Те, кто внизу, раньше, подталкивая меня, возносили вверх и сами поднимались за мной. А теперь они хотят мое место. Мне остается либо улететь в небеса, либо слететь вниз. Таков закон власти. И тебя ждет то же самое. Странно, зная об этом, мы все равно рвемся вверх, к власти! – вздохнул хунтайчи.

– Но я молод, я хочу многое сделать для своего народа! – ответил хан.

– И во имя своей славы! – усмехнулся хунтайчи. – Не смущайся, все мы честолюбивы! И это желание увековечить свое доброе имя в истории, в памяти народной, двигает нас к великим делам! Но какой смысл во всем этом – вот этого я не понимаю! – Галдан-Церен глубоко вздохнул и продолжил. – Я устал от крови, от войны! Мне надоели постоянные междоусобицы родов, грызня придворных. Я устал от вражды людской, от всежигающей ненависти, зависти и предательства, подлости и лжи. Хочешь, садись на мой трон, возьми мою власть и будь владыкой калмыцкой орды!

– Благодарю вас, великий хунтайчи, – учтиво ответил Аблай хан. – Но мой народ – казахи! Только вместе с ними я буду идти к вершинам или сорвусь в пропасть!

– Народ? Казахи! Калмыки! – Галдан-Церен усмехнулся. – Что это такое? Может, случайная ошибка природы? Какая разница

властелину, над кем властвовать? Мир един и должен быть только один владыка. И народ тоже должен быть один...

– То есть как?

– Очень просто. Не надо делиться ни на джунгар, ни на казахов, турков, урусутов, шуршуттов... А стать единым народом! Тогда будет мир и счастье на земле! Согласен?

– Согласен! – Глаза Аблай хана озорно заискрились. – Но тогда кем будет называться единый человеческий род?

– Да кем угодно!

– Тогда давайте назовем этот единый народ казахами!

– А за что казахам такая честь?

– Да потому что казахи – самый добрый, душевный, самый лучший народ в мире!

– Во куда ты замахнулся! А я полагал, что ты справедлив и разумен! Оказывается, ты тоже страдаешь себялюбием и гордыней! Ни за что и никогда свободное и гордое племя калмыков не станет казахами и не будет подчиняться им!

– Помилуйте! Это я к вашим мыслям прикидку сделал... Насчет единого народа... – улыбнулся Аблай хан. – А если по правде, то очень даже хорошо, что калмык не хочет стать казахом! Но тогда почему казах должен становиться джунгаром, шуршуттом или урусутом!?

Хунтайчи Галдан-Церен усмехнулся и покачал головой.

– А насчет гордыни... – продолжил дальше серьезным тоном Аблай хан. – Каждый народ, как и каждый человек, считает себя лучшим в этом мире. Это естественное чувство, не надо на это обижаться. Пусть каждый считает как ему заблагорассудится. Только не надо доказывать силой другим, что ты лучше! Все беды людские, все войны начинаются тогда, когда одни начинают доказывать другим свое превосходство насильно! Кому плохо оттого, что каждый народ останется самим собой и будет жить на своей земле, в мире и согласии с человечеством?! Казах, оставаясь казахом, вполне может уважать других, дружить как равный с равным!

– Охо-хо! Как мило и просто! – усмехнулся хунтайчи.

– Самое главное – истинно! – не отступал хан.

– Что в этом истинного? Истина в том, что мы, великие народы, должны господствовать над малыми народами, чтобы на свете царил мир и порядок! – отрезал Галдан-Церен, и в его голосе проскользнули едва улавливаемые нотки высокомерия.

– Не-ет, вы как раз нарушаете мир и порядок, сеете вражду и проливаете кровь, уничтожая все мирное и доброе! – Аблай тоже начал заводиться, но твердо держал себя в руках. – Почему вы, называющие себя великими народами, не даете покоя другим? Почему вы должны завоевывать другие страны, диктовать им, как жить, разрушать их уклад, образ жизни, властвовать над ними и поглощать их?

– Потому что это наш путь в этом бренном мире. Мы исключительный народ и на нас возложена особенная задача самими небесами! – гордо и самоуверенно отчеканил хунтайчи.

– Всевышний создал нас разными, но равными! Настоящая дружба бывает только между равными! – выпалил Аблай хан с жаром. – И я хочу дружить с вами, с белым царем, императором Поднебесной, со всеми как равный с равным. Быть равным и жить в дружбе – разве это так трудно?! Я казахский хан! Мне не нужна другая страна! Я буду вместе со своим народом. Я не признаю ничего господства ни над собой, ни над моим народом!

– Не зарывайся, хан Аблай! Ты умен и прозорлив. И прекрасно понимаешь, что если я разгневаюсь, то могу в мгновение ока отрубить твою мудрую голову! – При этих словах лицо хунтайчи посуровело и глаза налились кровью, голос стал металлическим. – И никто не посмеет меня обвинить за это, потому что по закону степей так и должно быть! В отместку за гибель Чарыша! Если я смогу схватить хана казахов в его орде и привести к себе пленником, то ясно, что смогу и казнить его невзирая ни на что!

Аблай молча выслушал и терпеливо ждал развязку словесного взрыва. Галдан-Церен, как тигр, мягко и бесшумно прохаживаясь по усланным шукурам хищных зверей, начал успокаиваться и в следующий миг заговорил доброжелательно.

– Но я не сделаю этого по многим соображениям! Ты симпатичен мне, Аблай! Мы с тобой и наши народы не должны больше воевать, а жить в мире! Мы должны держаться друг за друга, чтобы нас не проглотили, не стерли с лица земли! В последнее время я часто ловлю себя на мысли, что все эти годы войны, ненависти, разрушения, страдания и взаимное уничтожение калмыков и казахов не имели и не имеют никакого смысла!

– О, если бы мы поняли это раньше! Если бы не воевали и не уничтожали друг друга все эти годы! – воскликнул, не выдержав Аблай хан. – Сколько народа было бы сейчас и в Казахии, и в

Калмыкии! Чего добились джунгары в результате нашествия на нашу страну?!

Хунтайчи Галдан-Церен резким жестом, подняв правую руку, остановил его, сел на трон и сказал то, чего Аблай ждал с большой надеждой и хоронил с еще большим сомнением около двух лет плена.

– У меня нет ответа на этот вопрос! Но не будем обвинять друг друга, Аблай хан! Что прошло, то прошло! Теперь надо думать о будущем! Я возвращаю тебя казахам! Не знаю, будет ли это утешением, оплатой за многолетнюю вражду и кровопролитию между нашими народами. Но я хочу одного – остановить братоубийственную, бессмысленную войну! Мы ведь не только воевали и враждовали. Но и сватались, брали в жены красивых девушек! Поэтому я выдаю за тебя замуж мою любимую дочь Топыш! Таким образом, надеюсь, мы породнимся и дальше будем жить в согласии и мире!

Аблай хан, к своему удивлению, встретил это судьбоносное решение спокойно. Он вдруг почувствовал сильную усталость, но не подал виду и с достоинством поблагодарил хунтайчи Галдан-Церена.

Они обнялись на прощание.

И после освобождения Аблай хана и всех пленных воцарился мир между казахами и джунгарами.

Не сбылись проклятия матери Чарыша. Наверное, Всевышний и благословенные им духи предков не позволили этого, потому что дело Аблая было правым. И Аблай хан прожил долгую жизнь, было у него тридцать сыновей и сорок дочерей от многих красивых жен, был он богат и народ его жил в достатке и свободе, а ханство его было независимым. Народные легенды казахов вот уже несколько веков превозносят до небес героическую и счастливую эпоху Аблай хана и его батыров. И думается, на то есть все основания.

Примечания автора:

Абла́й хан – великий хан казахов XVIII века, историческая личность. Настоящее его имя – Абульмансур, но впоследствии был прозван Аблаем и с этим именем вошел в историю. Мы сознательно, чтобы юные читатели не запутались, взяли только его историческое имя.

Айда́р – мужская коса.

Айналайы́н – дословно: я буду кружиться вокруг тебя, т.е. очень ласкательное обращение.

Алгада́й – идущий впереди. Воин-смертник у казахов. Эту версию мне поведал поэт Габиден Кулахметов.

Алдаспа́н – острая сабля особой закалки.

Арка́н – веревка с петлей на конце, предназначенная для набрасывания на цель и последующего затягивания при натяжении веревки.

Аруа́х – дух предков.

Асы́ки – игра в кости.

Аттáн – дословно «по коням!».

Байга́ – скачки.

Баты́р – воин-герой.

Би – судья-оратор, политический правитель после хана.

Джигит – молодец, удалой мужчина.

Джунга́р – монгольское. Левая рука \ левое крыло войска \.

Дурбу́т – калмыцкое племя.

Жалмауы́з – сказочный персонаж казахов. Дословно «пожиратель».

Жа́н – душа, ласкательное – душенька моя.

Жезты́рнак – мифическое существо степи. Дословно «медный коготь».

Жуса́н – полынь.

Жырау́ – поэт-философ кочевников.

Зайса́н – каз. жайсан, титул знатности у джунгар.

Касте́к – народную легенду о Кастек батыре мне рассказал акын Оразалы Досбосынов.

Кокпа́р – национальная конная игра казахов.

Кумы́с – напиток из кобыльего молока.

Курт – кисломолочный продукт в засушенном виде.

Найза́ – копье.

Ноян – нойон, витязь, князь у джунгар.
Ойрот – древнее племя, корень монголов и калмыков.
Сарбаз – воин.
Сардар – полководец.
Сарыарка – дословно: желтый, \золотой\ хребет, центральные и северные края Казахстана.
Султан – князь.
Тайказан – тай – полторагодовая лошадь, казан – котел, тайказан – большой котел, где можно варить мясо целой лошади.
Таксыр – высший господин, ваше величество.
Темирказык – (досл. железный кол) Полярная звезда.
Торгаут – калмыцкое племя.
Торе – каз. род потомков Чингисхана.
Тулпар – благородный скакун.
Тумен – десяти тысячная армия.
Узан – жырау древности.
Улар – горная птица.
Улус – родной край, владения.
Уран – боевой клич.
Урусуты – русские.
Хан – казахский царь, король, властелин.
Ханзада – сын хана, царевич, принц.
Хунтайчи – джунгарский хан.
Шагатайский язык – древний общий литературный язык тюркских народов.
Шерик – джунгарский воин.
Шуриуты – китайцы.

4 февраля 2000 г. – 28 февраля 2014 г.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ АСКАР

Сказка

Старый степняк

Жил-был старик Аскар в затерянном в бескрайней степи маленьком казахском ауле. Времена менялись, дети старика переехали в город в поисках лучшей доли. А старый степняк не хотел переезжать в шумный город и остался в родном ауле. Иногда ему становилось грустно, тогда он напевал древние песни.

Недалеко от аула протекала степная река Селета. Была весна, и тихая река разлилась во всю ширь. Старик любил приходить на берег реки и предаваться мечтаньям. В детстве он увлеченно читал сказки народов земли, и незамутненная фантазия уносила его в мир приключений. Теперь, на старости лет, его опять начал сильно манить к себе справедливый сказочный мир. Аскару хотелось стать опять маленьким, уплыть далеко-далеко и встретиться с любимыми героями. При одной такой мысли у старика дух захватывало, сердце начинало биться сильнее, как в далекие и светлые дни счастливого детства.

Птенчики и змея

Однажды он смастерил бумажную лодочку и пришел на берег реки. Старик представлял себя маленьким мальчиком и азартно начал играть в путешественника.

Вдруг увидел гнездо птицы на кустике плывущей степной травы. Аскар залюбовался и кончиком своей палочки притянул к себе

кустик. В гнезде ютились три птенца. Они весело чирикали и, раскрыв рты, ждали, когда матушка накормит их.

Тут из воды выплыла большая змея и собралась напасть на птенцов. Но Аскар ловко схватил гнездо и вытащил на берег. Змея зашипела от ярости и нырнула в воду. Прилетела птичка, села в свое гнездо и радостно поблагодарила Аскара:

– Спасибо! Да сбудется твоя сокровенная мечта!

Птенчики весело зачирикали, взмахивая крылышками.

В это время разгневанная змея опять выплыла из глубины и взмахнула хвостом. Поднялись мощные волны, которые полностью накрыли Аскара и птенцов. В следующий миг волны ушли, а чуть не задохнувшийся Аскар увидел, что очутился вместе с птенчиками на своей бумажной лодочке, которая превратилась в большую крепкую лодку! И на весле сидела птичка.

– О, добрый мальчуган! Ты смело вмешался в ход сказочных событий! – заговорила птичка певучим голосом. – Перешел границу и вошел в наш мир! И теперь тебе предстоит долгий путь – целый год, прежде чем ты вернешься к родному очагу! Но не отчаивайся – добрые друзья всегда будут рядом с тобой!

С этими словами птичка улетела. Аскар удивился, почему она назвала его мальчиком? Невольно посмотрел в воду и обомлел!

Из воды смотрел на него мальчик! Это был он, Аскар!

Он схватился за голову. Отражение в воде делало то же самое. Сомнений не оставалось – старик чудесным образом вернулся в свое детство!

Свершилась его мечта! Он стал мальчиком! На нем был синий камзол-кафтан с красным воротом, серебристыми узорами, небольшой белый колпак-шляпа и широкие серые штаны. На кожаном поясе висела дорба – кожаная сумочка.

Селета тихо текла по степи и уносила лодку все дальше.

Волшебная тибетейка

Наступила ночь. Аскар сошел на берег и привязал лодку к кустику. Собрал хворост, зажег костер и собирался поужинать.

Вдруг к нему незаметно подошел неизвестный. Аскар поделился с ним едой. Оказывается, это был казахский сказочный герой Алдар Косе – Безбородый обманщик. После еды Алдар Косе повеселел и сказал Аскару:

– Ты, я вижу, добрый малый! Не стану тебя обманывать, хотя так хочется! За твою доброту я отблагодарю тебе! Возьми эту тюбетейку!

Алдар Косе подарил мальчику старую, изношенную тюбетейку.

– Не думай, что это старье! Она не простая, а волшебная! Кто ее наденет, тот становится невидимым! Но только когда у него добрые помыслы и только один раз! А если задумает плохое, то волшебство теряет силу! Запомни это!

Не успел Аскар и рта раскрыть, как Алдар Косе растворился в темноте.

– А все-таки я обманул тебя! – донесся только его веселый голос. – В тюбетейке осталась не одна, а две возможности!

– Спасибо! Какой хороший обман! – весело крикнул Аскар.

Старушка и золотая рыбка

Наступило утро, и он поплыл дальше. Вдруг услышал отчаянную брань. Оглянувшись, заметил на берегу старика и старушку. Аскар подплыл к ним.

– Ах, ты окаянная! Это кого ты вздумала надуть, а! Нашла дуру! Вот тебе на! – кричала старушка и показывала дулю кому-то в ведре. А старик молча топтался вокруг нее.

Аскар вышел на берег. Но старик и старушка даже не заметили его. Аскар пригнулся и спрятался за кустарником и стал наблюдать за ними.

Разъяренная старушка вытащила из ведра рыбку. Да не простую, а золотую!

Вот тут-то осенило Аскара! Да она ведь из сказки Александра Сергеевича Пушкина! Стало ему очень интересно и немножко жутковато.

Старушка чуть успокоилась и железным голосом выговаривала золотой рыбке:

– Ты что думала, что я вот так запросто отстану от тебя? Зачем забрала обратно то, что подарила? Это нехорошо... сначала подарить дом, дворец, а потом обратно забирать! Но я перехитрила тебя! Ждала столько, но дождалась и поймала тебя! Теперь ты сделаешь все, что я пожелаю, или я тебя живьем зажарю на медленном огне, на чугунной сковороде!

Старуха развела костер. Запахло дымом.

Аскар надел волшебную тубетейку и невидимый быстро подбежал к костру. Улучив момент, когда старуха оборачивалась и ворчала на бедного старика, он схватил золотую рыбку и убежал подальше.

Забравшись на свою лодку, поплыл по течению вниз. Он с детства любил эту интересную сказку. И вот теперь был просто счастлив!

Первой заговорила золотая рыбка.

– Спасибо тебе, Аскар!

– Откуда ты знаешь мое имя?! – удивился мальчик.

– Ты что, забыл? Я же волшебная рыба!

Аскар радостно засмеялся.

– Но прошли времена добрых сказок. Люди все переломали, перемололи и не оставили никаких волшебных чудес на земле. Все смешалось в сумасшедшей гонке за прибылью! И на меня начали охотиться вовсю! Во всех водоемах поставили сети, взрывали и травили бедных рыб. Вот наконец-то старой карге удалось поймать меня!

Аскар жадно ловил каждое слово рыбки.

– Всем людям так хочется поймать меня и выпросить богатства. А я думаю, что нужно самому, своим умом и силой воли добиваться всего!

– Я у вас ничего не прошу! Я просто не хотел, чтобы любимую золотую рыбку всех детей земли зажарила и съела эта старая стерва!

– Знаю! – сказала рыбка, – но все равно я тебе подарю одно волшебство!

Это было особое волшебство – одно пожелание. И что бы ни пожелал Аскар, то сбудется. Но при одном условии – желание должно быть только добрым! Если он задумает что-то недоброе, дар этот пропадет напрасно!

Аскар поблагодарил золотую рыбку, отпустил ее в реку. Вскоре увидел лес, и ему захотелось путешествовать пешком. Он оставил лодку на берегу и зашагал в сторону леса.

Маша и медведь

У опушки леса он увидел девочку, собирающую ягоды.

– Да это же Маша из русской народной сказки! – воскликнул Аскар, и подбежал к ней. Они познакомились. Аскар рассказал, как он любит сказку про Машу и медведя.

– Вот ты какая, умница, красавица! Как я рад, что встретился с тобой! – восторженно произнес он.

Маша обрадовалась его словам, но тут же загрустила.

– После того как я обманула медведя и пришла домой, бабушка и бабушка все время боятся, как бы медведь опять не украл меня. Сегодня тайком от них ушла в лес, чтобы прогуляться!

В это время они увидели огромного медведя и спрятались за могучей сосной. Медведь лениво шел прямо на них.

– Ой, как я боюсь, Аскар! – прошептала Маша. – Если он увидит меня, то заберет к себе и никогда больше не отпустит! И я больше не увижу бабушку и бабушку!

Аскару стало очень жаль ее. И тут он вспомнил о волшебной тибетейке Алдара Косе.

– Возьми и надень эту тибетейку – станешь невидимой! Больше бояться тебе нечего! – сказал Аскар.

Маша обрадовалась, надела тибетейку, стала невидимой и побежала домой. Медведь зарычал. У Аскара екнуло сердце, но медведь не увидел девочку-невидимку и пошел дальше. Аскар мысленно поблагодарил Алдара Косе: молодчина, не обманул его великий обманщик!

Ну, погоди!

Аскар шел вдоль деревни и вдруг увидел мальчика, укрывшегося за камышом. Он целился из рогатки в птичку. Аскар подбежал к нему и вырвал у него рогатку.

– Как тебе не стыдно! – закричал он на него. – Тебе понравится, если в тебя будут стрелять из рогатки!

Аскар нарочито прицелился в него. Мальчик испугался и убежал. Аскар не стал догонять озорника и положил рогатку в дорбу.

Он продолжил свой путь. На поляне увидел интересную картину, почти как в мультфильме «Ну, погоди!». Волк поймал зайца. Кажется, он решил его основательно поколотить в отместку за все проделки. «Ну, погоди! Ну, погоди!» – проговаривал он с каждым взмахом своей жилистой лапы. Заяц вздрагивал и тихо огрызался: «Сам погоди! Сам погоди!»

Аскар подошел незаметно и окликнул волка.

– Эй, бессовестный! Как ты смеешь обижать слабых?

Волк от неожиданности вскочил и чуть не выпустил зайца.

– Как тебе не стыдно? – наседал Аскар, не давая опомниться волку. – Разве тебя родители не учили справедливости?

Волк дико захохотал.

– Учить-то учили! Да только я сильно проголодался и съел эту справедливость!

– Врешь! – возразил Аскар.

– Ты че, пацан, не веришь мне, волку!? – начал злиться волк.

Аскар заводил его еще больше.

– Ну-ка, раскрой пасть и покажи зубы – посмотрю, пощупаю их остроту, только тогда и поверю тебе!

Волк в азарте так раскрыл пасть, что Аскару страшно стало даже смотреть туда. Огромные, острые, как кинжал, клыки засверкали в солнечном свете. Заяц от страха задрожал. Аскар делал вид, что осматривает каждый зуб, и, улучив миг, вертикально вставил в пасть волка деревянную рогатку. Волк хотел закрыть пасть, но березовая крепкая рогатка упиралась в челюсти и не давала им сомкнуться. Волк хотел еще больше раскрыть пасть и выплюнуть рогатку, но она плотно упиралась двумя концами в верхнюю и нижнюю челюсти, а основания зубов не давали ей соскользнуть наружу. И волк, с раскрытыми и незакрывающимися челюстями, показался очень смешным. Он выпустил зайца и начал лапами колотить себя по голове, выворачивать морду. Заяц быстро юркнул в кусты. Бедный волк бился головой о деревья и так ушел в глубь леса.

Заяц вышел из кустов, подошел к Аскару. Они познакомились.

– Слушай, заяц, сколько гнался волк за тобой и никак не мог поймать! А тут как ты попался?!

– Обманул он меня самым бессовестным образом! Сказал: «Все звери и животные, птицы и рыбы решили забыть старые обиды! Отныне все мы – братья! Так что давай, обнимемся по-братски!» – уверял он меня, и я попал вместо дружеских объятий в железные когти!

Тут к ним прибежал волк. Он был измучен незакрывающейся пастью. Аскар и заяц пожалели его и потребовали, чтобы волк поклялся, что больше не будет делать никому зла. Волк не мог говорить и отчаянно закивал головой. Когда Аскар вытащил из его пасти рогатку, волк пустился наутек. Только на прощание прорычал: «Ну-у, спасибо!» А заяц крикнул ему вслед: «Ну, погоди, волк!» – и заразительно засмеялся.

Мудрая гусыня Акка

Аскар попрощался с зайцем и продолжил свой путь. Вскоре он увидел небольшое озеро. Было жарковато, и он обрадовался. Но издали заметил две подозрительные фигуры, суевившиеся в воде и спрятались за камышом. Это были охотники. Они расставляли большие, крепкие сети под водой. Закончив свое коварное дело, ушли.

Аскар осторожно подошел к воде и все понял. Сети были расставлены для ловли птиц!

И тут как тут прилетели гуси. Они окунулись в чистую прохладную воду, утолили жажду и, гогоча, поплыли прямо в сторону мальчика, к сетям.

Аскар закричал:

– Гуси! Гуси! Не ходите сюда! Тут сети!

Гуси загоготали еще сильнее, но остановились. Аскар начал вырывать сети и вытащил их на берег. И тогда гуси подошли к нему.

Аскар узнал их. Это были гуси из сказки самой Сельмы Лагерлеф! Он очень обрадовался встрече со старыми друзьями. Да, да, он считал себя другом всех милых сказочных персонажей! Но вот вопрос: считают ли они его, неизвестного казахского мальчика из далекого аула, своим другом?

Гуси встревоженно загоготали, стали окружать чужака, а вожак угрожающе зашипел и принял боевую стойку, раскрыв огромные крылья во всю мощь и высоко подняв жесткий длинный клюв. Но большая белая гусыня резким окриком остановила их.

– Негоже видеть в каждом незнакомце врага! Посмотрите лучше на эти сети! Они были приготовлены для нас! И кто знает, что бы случилось, если бы не этот добрый мальчик!

Она величаво подошла к мальчику и поблагодарила его.

Аскар улыбнулся.

– Ваше имя Акка?! – спросил он у большой гусыни.

– Да! Но откуда тебе это известно? – удивилась гусыня.

Аскар рассказал о том, что он с интересом прочитал сказку про них.

– Ваше имя Акка похоже на казахский Ак каз – белая гусыня!

Акка была польщена учтивой речью мальчика.

– Ты доброжелательный мальчик! А это высший дар природы!

Гусям очень понравились его искренние слова, и они дружелюбно приблизились к нему. Узнав, что Аскар хочет путешество-

вать, они с большим удовольствием забрали его вместе с собой в дальние края. И Аскар был от счастья на седьмом небе в буквальном смысле слов, ибо он летел на гусях через долины и озера, через горы и леса. О, как прекрасен этот мир с высоты птичьего полета!

Он восторженно кричал! Раскинув руки, хотел обнять весь мир! И сорвался со спины гусака и полетел вниз!

Молодой гусак испуганно вскрикнул, стая встревоженно замедлила ход. Но мудрая Акка, бросив взгляд на полет мальчика, сказала:

– Продолжаем свой путь! Он прилетел куда надо и встретит кого надо!

И стая полетела дальше.

Достопочтенный барон Мюнхгаузен

Оказывается, Аскар упал прямо на скирду сена, что стояла на лугу самого барона Мюнхгаузена!

Достопочтенный барон обрадовался такому редкому гостю из незнакомой доселе загадочной страны. Он велел своим слугам накрыть богатый стол, на славу накормил мальчика. Рассказал много интересных историй, и Аскар, подражая барону, начал вспоминать сказки-небылицы казахов. Разгоряченный барон вдруг предложил мальчику:

– Давай врать на спор! Посмотрим, кто кого переверт?!

– О, я вам не соперник! Я читал про вас! И очень высоко ценю ваш острый ум и великолепную фантазию!

– Мое почтение! – сказал вежливо польщенный барон-враль. – Но если не будешь состязаться со мной в искусстве вранья, то не выйди тебе из этого древнего каменного замка вовеки!

В подтверждение своих слов барон бабахнул с длинноствольного ружья в воздух. Мальчик быстренько кивнул головой.

– Вот, слушай, милый Оскар...

– Я не Оскар, а Аскар! – возразил Аскар.

– Ну, нам так привычной! – усмехнулся самодовольный барон Мюнхгаузен. – Ты не обижайся, Оскар! Так вот, однажды я со скуки пальнул в небо из своего старого доброго дробовика по летящим прямо над моей горячей печной трубой гусям! И что было потом? Никто не поверит!

Барон самозабвенно покрутил усы и продолжил:

– Вдруг что-то с грохотом выпало из печи! Смотрю – жареный гусь! Пальчики оближешь!

– А ведь мы были вместе, когда это случилось! – с улыбкой подхватил мальчик. – Мы с вами встретились на берегу нашей реки Селеты! Вы тогда упали с пушечного ядра, когда путешествовали на нем! Я вас перевез на лодке на другой берег! И мы точно так же поспорили, кто кого переврет! Увлеченные жарким спором, даже не заметили, как нас вместе с лодкой проглотил огромный злой гусак! Мы продолжали свой спор уже в животе разгневанной птицы, а тем временем гусак полетел во главе своей стаи!

– Хм-м, вполне вероятно и в моем духе! – крикнул барон.

– Мы с вами не заметили, как долго летел гусак! Вдруг по нему пальнули! Оказывается, это вы точно попали в птицу, летевшую над вашей горячей печной трубой, и мы очутились на вашем обеденном столе!

– О-о, это даже интересно! Барон бьет по гусаку, у которого в животе сидит сам! Здорово!

– И когда вы разрезали гуся, – продолжил Аскар с улыбкой. – Мы сидели там и все еще спорили! Только тогда, когда вы окликнули нас, мы очнулись и со страху выпрыгнули из зажаренного гусака!

Барон Мюнхгаузен молча покачал головой.

– Тут случилось самое интересное: Мюнхгаузен, который стрелял в гусака, хотел отведать Мюнхгаузена, зажаренного в животе гусака! Тот не разделял эту точку зрения, и два барона жадно сцепились, стараясь съесть живьем друг друга!

– Ну нет, это вранье! Мюнхгаузен – не каннибал и не самоубийца! – закричал раздосадованный барон-враль.

– Я совершенно согласен с вами! Но, будьте добры согласиться, я переврал вас! – сказал мальчик, улыбаясь.

Барон Мюнхгаузен захохотал и хлопнул по плечу Аскара.

– Bravo, Оскар! – воскликнул несколько раз достопочтенный барон. – Так иди и помни: отныне и навеки барон Иероним фон Мюнхгаузен твой верный друг! Вот тебе мой свисток на память, и, если что, свистни пару раз – и я буду тут как тут! Пара моих великолепных крупнокалиберных ружей всегда к твоим услугам! И помни: барон Мюнхгаузен всегда говорит только правду и отвечает за свои слова! Просто моя правда немножко фантастическая!

Аскар спрятал свисток в дорбе-суме, поблагодарил гостеприимного барона и продолжил свой путь.

Стойкий оловянный солдатик

Долго и весело шагал мальчик-степняк по просторам сказочного мира. Он встречал многих знаменитых персонажей, знакомых ему по книгам великих сказочников, и подружился с ними. Видел Винни Пуха на дереве, Кота в сапогах, Щелкунчика в парадной форме, Карлика Носа, Золушку вместе с принцем, Красную Шапочку с бабушкой и других милых ему героев сказок. Было много интересных случаев и событий, когда на них нападали темные силы. Тогда друзья выручали друг друга. От благородного чувства бескорыстной дружбы Аскар был счастлив и радовался безмерно. Он благодарил всех своих старых новых друзей за радостные мгновения жизни и расставался с ними с теплыми чувствами в душе.

Через некоторое время Аскар пришел в незнакомый город. Он шел по узкой улочке, озираясь по сторонам. Вдруг увидел кучку шлака и золы. Мальчик хотел обойти ее, но краем глаза заметил в ней что-то необычное. Он палочкой разгреб кучку. Там оказались расплавленный кусочек олова и обгоревшая брошка.

Аскара осенило: «Да это же стойкий оловянный солдатик с любимой подругой танцовщицей из сказки Ганса Христиана Андерсена!» Он любил этого сказочного солдатика, и ему всегда было жалко, что его вместе с любимой танцовщицей отправили в огнедышащую печь! Теперь вот он, в его руках! Аскар сел на скамейку в саду и начал думать о том, как вернуть стойкого солдатика в строй и поженить с танцовщицей! Мало того, он сильно хотел вернуть ему вторую ногу! И вспомнил золотую рыбку! Он обратился к ней и высказал свое желание. Тут же до его ушей донеслись всплеск волн и звонкий голос золотой рыбки: «Пусть так и будет!»

В следующее мгновение кусочек олова и обгоревшая брошка встрепенулись, подпрыгнули ввысь. Аскар вначале даже потерял их из виду! Смотрит: опустились на землю танцовщица и стойкий оловянный солдатик – в парадной форме, на обе ноги!

Радости всех не было предела! Они обнялись и танцевали, делая круг за кругом. Но затем решили поскорее покинуть этот город, дабы ненароком не попасться на глаза недоброжелателям солдатика и танцовщицы. Лучше уйти в дальние края, решили они.

Бременские музыканты

Счастливые друзья летели будто на крыльях радости и вскоре оказались в безлюдном лесу, возле одинокого дома. Они решили войти и передохнуть. Но не тут-то было!

Сначала залаяла собака, закукарекал петух, замаякал кот. К ним присоединился чудовищный крик! Танцовщица испуганно прижалась к своему стойкому оловянному солдатику, а храбрый воин вскинул ружье и был готов к бою. Но Аскар, степной мальчик, сразу узнал по голосу осла и жестом успокоил своих друзей.

– Ба! Это же Бременские музыканты из сказки братьев Гримм! Вот удача! – обрадовался мальчик и побежал к дому с распростертыми объятиями. Увидев улыбающегося мальчика, Бременские музыканты успокоились и пустили друзей в дом.

Познакомившись, поговорили и рассказали свои истории.

Музыканты попросили оловянного солдата остаться и жить вместе.

– Будешь нашим другом и надежной охраной! А танцовщица будет управляться на кухне и танцевать!

Стойкий оловянный солдатик задумался. Тут вступила в разговор танцовщица.

– Да, ты славно служил! Но пора и на покой, тебе нужен отдых! Давай, милый, останемся здесь, будем трудиться и наслаждаться мирной жизнью!

Стойкий оловянный солдатик улыбнулся. Ему самому давно хотелось построить счастливую семейную жизнь, слова любимой пришлись ему по душе. Он согласился. Все радостно одобрили это решение. Бременские музыканты начали петь, Аскар присоединился к ним, а танцовщица начала танцевать. Не выдержал стойкий оловянный солдатик и пустился в пляс вместе с ней.

В это время послышались громкий шум и топот. Посмотрев в окно, друзья поняли: на их дом напали разбойники. Да, те самые разбойники, которых когда-то прогнали Бременские музыканты. Разбойники были злые и махали саблями и кинжалами.

Друзья приготовились к обороне.

И вот тут Аскар вспомнил о своем друге бароне. Он достал из сумочки свисток и свистнул два раза. В ответ послышался страшный свист. Оказывается, это было пушечное ядро, на котором летел барон Мюнхгаузен, заряжая на ходу свое огромное ружье. Улучив момент, он спрыгнул с ядра в густую траву, а снаряд продолжил свой путь. Увидев спустившегося с неба воинственного барона в цветастом мундире и с двумя ружьями наперевес, разбойники пришли в ужас и побежали без оглядки. Барон Мюнхгаузен пальнул пару раз им вслед. Разбойники исчезли за горизонтом, и, хотелось верить, навсегда.

Бравый барон расхохотался.

– Ну как, Оскар?!

Друзья зааплодировали.

– Барон Мюнхгаузен – настоящий друг! Он никогда не врет и держит данное слово! Рахмет, данке, спасибо! – воскликнул Аскар.

Барон учтиво поднял шляпу и собрался что-то сказать. Но, увидев, что пушечное ядро возвращается, сосредоточился и быстро вскочил на него, как на боевого коня, и улетел.

– До свидания, Оскар! – донесся его голос.

– До свидания, барон! – крикнул Аскар ему вслед.

Его новые друзья были в восторге от такого поворота событий и долго благодарили доброго мальчика.

Вдруг завыл ветер, резко похолодало. Начался буран. Друзья спрятались в доме.

Теплота Снежной королевы

Но вскоре погода также быстро изменилась. Стало тепло, а затем и жарко. Снежные сугробы начали таять на глазах. Аскар вышел из дома и, осмотревшись по сторонам, удивился такой резкой перемене погоды. Вскоре он увидел среди деревьев странную, сверкающую на солнечном свете карету.

Это была карета Снежной королевы. Она, стройная, величественная и властная, спокойно сидела и смотрела прямо на Аскара.

Аскар обрадовался.

– О, я Вас узнал! Вы – Снежная королева! Я читал сказку Ганса Христиана Андерсена и мечтал увидеть Вас! Да, Вы действительно несравненно красивы!

Искренние слова мальчика так понравились королеве, что она заулыбалась! И лицо ее потеплело!

Только тогда Аскар заметил, что жаркая погода играет злую шутку с ней. Ее блестящие, красивые наряды из снежинок и льдинок, игристо сверкающие на солнце, как бриллианты, казалось, вот-вот растают. Ледяная карета была окутана густыми парами. Аскар понял, что карета попала в антициклон и оказалась в плену у теплых потоков воздуха. И, как ему показалось, королева ничего не могла с этим поделать!

Аскар не выдержал и воскликнул:

– Да как же это так!? Ведь Вы можете растаять вместе с санями, и сказочный мир лишится своей прекрасной Снежной королевы!

И он решил спасти Снежную королеву!

– Чем могу помочь Вам, о, великая королева?! – с жаром спросил он.

– А зачем ты хочешь меня спасти?! – спросила королева. – Я же холодная, никому ненужная, вредная королева! Люди страдают от меня!

– О, нет! Мы вас любим! Если бы Вы были злой, недоброй, то не отпустили бы Кая с Гердой, а заморозили бы их навеки! Вы несравненная, сказочная Снежная королева, и Вы всегда нужны нам, детям! У Вас добрая душа, скрытая под холодным блеском!

Слова мальчика глубоко тронули ее.

– О, славный мальчуган! Ты уже помог мне своими добрыми пожеланиями! Садись в карету, будь моим гостем!

Растроганный мальчик не мог отказать любимой королеве. Он только помахал рукой на прощание своим друзьям. Она посадила его в карету рядом с собой и подула в сторону севера. И в теплом воздушном потоке в мгновение ока появился ледяной коридор. Снежная королева тихо хлопнула в ладони, и карета помчалась. В скором времени они приехали в сверкающий снежный дворец.

Шесть месяцев прожил Аскар во дворце Снежной королевы. Она путешествовала вместе с ним по снежным раздольям вечной мерзлоты. Аскар видел множество чудес морозного края. Белые медведи, моржи и тюлени, полярные лисицы дружелюбно встречали свою Снежную королеву и ее гостя, доброжелательного мальчика Аскара из далекой степи.

Аскару было очень хорошо во дворце, но с каждым днем приближался конец его пребывания в сказочном мире. И в его душе усиливалась тоска по родному краю, степным раздольям и реке Селете.

Однажды Аскар попросил Снежную королеву отпустить его домой.

– Разве тебе плохо живется во дворце королевы?! – спросила она.

– Прекрасна эта морозная свежесть! Но родной край милее любого дворца!

Снежная королева грустно задумалась и кивнула головой:

– Ты бескорыстен и доброжелателен! Спасибо тебе, Аскар!

Она посадила мальчика в сани и помчалась. Вскоре они оказались на берегу Селеты, откуда мальчик начал свое путешествие.

Снежная королева помахала рукой мальчику.

– До свидания, Снежная королева! – промолвил растроганный Аскар.

– До свидания, добрый мальчик! Я буду навещать тебя зимой! Примчусь из Лапландии в твою степь, укутавшись белым бураном! – ответила Снежная королева и быстро исчезла за горизонтом.

Подарок золотой рыбки

Аскар сидел на берегу родной Селеты. Он был безмерно рад и огорчен одновременно. Радовался тому, что ему удалось погулять на славу в мире сказок. Но огорчало, что теперь он должен вернуться обратно.

Вдруг что-то блеснуло в воде, и Аскар черпнул ведром воду. Смотрит: в ведерке опять золотая рыбка!

– О, как дела, друг мой? – воскликнул мальчик.

– Ты еще называешь меня другом? – удивилась рыбка.

– Да! Я твой друг!

– Но ты же знаешь, что у меня больше нет волшебного дара! И я не могу тебя отблагодарить ничем!

– А мне ничего от тебя и не надо! – искренне сказал доброжелательный мальчик. – Моей душе приятно, что ты живешь на свете! Плыви себе!

Аскар бережно отпустил золотую рыбку в реку. Рыбка нырнула, но в следующий миг выплыла опять.

– Спасибо тебе, человек! – молвила она. – Теперь я верю, что ты настоящий друг! Я впервые вижу человека, который ничего не просит у золотой рыбки и ничего не требует в благодарность за свою доброту! Отныне и навеки я тоже считаю тебя своим настоящим другом!

Аскар был счастлив.

– Ты можешь остаться в сказочном мире, о, добрый мальчик! И стать одним из нас! Скажи только: «Да!»

– Да! – вырвалось из груди Аскара.

– Пусть так и будет! – молвила золотая рыбка и, на прощание махнув хвостом, исчезла из виду.

Так исполнилась заветная мечта мальчика, и он остался навеки в сказочном мире добрым мальчиком Аскаром, другом прекрасных героев сказок всех народов земли.

7.10.2015 г. – 8.04.2016 г.

СНЕЖНЫЙ ДОМИК

Дедушка Баян построил во дворе домик из снега для внука Тайбека. Несколько ловких взмахов лопатой, и рядом появился сарай.

– Во-о! Здесь будут жить мои лошади, коровы, овцы и козы! – воскликнул обрадованный Тайбек.

Баян ата рядом с сараем сделал пещеру. Тайбек поместил туда своих динозавров, мамонтов, медведей и другие игрушки. Перед сараем привязал собак.

От радости лицо его покраснело. Несмотря на мороз, играл до поздна.

Ночью он долго думал, как еще улучшить свой снежный домик.

На следующий день, когда он вышел во двор, то увидел, что какие-то дети, возвращавшиеся из школы, топчут и разрушают его домик.

– Эй, прекратите! – закричал возмущенный Тайбек и побежал к ним.

Ученики начали дразнить Тайбека и разыгрались пуще прежнего. Девочки показывали ему язык. Мальчики растолкали его и повалили на снег. Распрыгались и сравняли с землей сарай, пещеру.

Тайбек от злости громко заплакал и закричал: «Ата!»

Услышав его крик, дедушка выбежал из дома.

– Эй! – прогремел он. – Почему вы так обошлись с нашим домиком?

Ученики испуганно обернулись. Баян ата грозно поднял палку.

– Ата! Дай этим плохим ребятам! – воскликнул Тайбек, вскочив на ноги.

Ученики застыли в страхе.

– Ох, дети мои, – сказал, смягчившись, Баян ата. – Как вам не стыдно? Зачем вы разрушили снежный домик? За что?

Ученики молча опустили головы.

– Да, так... просто, – пробормотал один.

– Просто так говоришь... А если кто-то со скуки, просто так разрушит твой дом, а!? Было бы хорошо? – говорил Баян ата, ткнув его палкой в живот.

– Нет! – ответил мальчик.

– Ага! А если так, то почему вы разрушаете дом другого человека? Запомните на всю жизнь: любую вещь разрушить легко. Но плохо! А создать что-то новое – трудно. Но хорошо! Вы сегодня совершили плохой поступок. Значит, вы – плохие дети!

– Не-ет! Мы не плохие! – хором зашумели ученики.

– Тогда не делайте плохое дело! – сказал Баян ата, ткнув палкой в воздух. – Будьте хорошими людьми! Поняли?!

– Поняли, дедушка!

– Нехорошо получилось... Простите нас! – говорили ученики с жаром наперебой.

– Ну, ладно... Тогда давайте вместе построим новый дом! – сказал Баян ата.

Ученики азартно приступили к делу. Все вместе построили новый дом больше, выше прежнего. Девочки занялись отделкой внутри и нарисовали много причудливых узоров на снежных стенах. Мальчики построили сарай, прорубили пещеру. Тайбек старался не отстать от них и расставлял своих животных и зверей по местам.

После завершения работы все вместе любовались красотой белого снежного домика и двора. Ученики сфотографировались с дедушкой Баян и Тайбек на этом фоне. Весело играли вместе до вечера и разошлись в прекрасном настроении.

ЗУБ СОСЕДА

1

Дедушка подарил Тайбеку игрушку – жеребенка. Он вырезал его из березы и покрасил. Деревянный белый жеребенок был прекрасен – глаза добрые, мордочка симпатичная, уши торчком, грива и хвост блестят, копыта крепкие.

Тайбек очень обрадовался и побежал к своим друзьям – Сайраш и Доскен, которые играли во дворе.

– Вот, смотрите! Какого жеребенка подарил мне мой дед!

Сайраш и Доскен раскрыли рты от зависти. Жеребенок казался живым. Они хотели потрогать, подержать его и невольно протянули руки. Но Тайбек воспротивился.

– Нет, не отдам! Это мой жеребенок!

Тайбек поводил жеребенком по песку, скакал туда-сюда, туда-сюда. Доскен и Сайраш завидовали еще сильнее. Наконец Доскен не выдержал и бросился к жеребенку. Тайбек преградил ему путь, и они сцепились. Долго боролись, вдруг Доскен наловчился, вырвал жеребенка и побежал. Разозленный Тайбек погнался за ним, догнал и сильно оттолкнул. Доскен упал. Когда он падал, то ударился лицом о ноги деревянного жеребенка и сломал передний верхний зуб. Тайбек забрал своего жеребенка. Из рта Доскена потекла кровь, и он, громко рыдая, пошел домой. Испуганная Сайраш застыла на месте.

Тут же из дома вышел Доскен вместе с отцом. Огромный, как гора, его отец был кузнецом. Голова как котел, усы как молот, борода как ведро, уши как щит, глаза как ладони. В мускулистых руках он крепко сжимал страшные железные щипцы.

Кузнец одной рукой взял Тайбека за шкурки и поднял высоко над землей. И покладал железными щипцами.

– Око за око, зуб за зуб! Я сейчас вырву твои зубы и сотру в пепел! – прогремел он.

Тайбек в ужасе закричал: «Ата! Ата!»

Услышав голос внука, его дед выбежал из дома.

Увидев аксакала, кузнец освободил Тайбека. Тайбек, обняв своего жеребенка, спрятался за дедушкой.

– Что случилось, сынок? – спокойно спросил Баян ата соседа.

– Аксакал, ваш внук выбил зубы моему сыну! Что вы на это скажете? – прохрипел кузнец.

Баян ата сурово посмотрел на внука.

– Это правда, Тайбек? Зачем ты так?

– Он забрал моего жеребенка! – воскликнул Тайбек.

– Да, да! – подтвердила Сайраш.

– Мне очень понравился... Я хотел поиграть, а Тайбек был против! – возразил Доскен.

– Ну как бы ни нравился, нельзя отбирать чужую вещь! Это неправильно! – отчеканил Баян ата.

Доскен покраснел, пряча глаза.

– А драться из-за игрушки – еще хуже! – сказал Баян ата внуку.

Тайбек опустил голову.

– Аксакал, – сказал отец Доскена, еле сдерживая гнев. – Тайбек вернул свою игрушку. А кто вернет зуб Доскену?

В это время Сайраш среди песка нашла зуб Доскена и принесла ему.

– Вот твой зуб! Возьми, положи на место!

Доскен попробовал вставить зуб на свое место, но никак не получалось. Как ни старался Доскен, зуб все время выпадал, а язык постоянно выскакивал из образовавшейся щели.

– М-м, да-а! Как быть теперь? – сокрушался Баян ата. – Простите нас, пожалуйста... Мы же соседи!

– Нет! – отрезал грозно кузнец. – Если не вставите зуб Доскена, то я выдерну этими клещами точно такой же зуб у Тайбека!

Он угрожающе поклацал щипцами и, вращая глазищами, повел Доскена домой. Испуганная Сайраш побежала к себе. Тайбек, крепко обняв жеребенка, прильнул к деду. Баян ата растерянно погладил свою белую бороду.

Всю ночь переживал и размышлял Тайбек о содеянном, а наутро обратился к деду.

– Ата, дай мне денег! Я пойду на базар и куплю Доскену зубы. А может, вместе пойдем?

– Хорошо. Но ты сам ищи зубы и найди. А я оплачу! – сказал дед.

Они пришли на большой базар. Базар блестел, ослепляя богатством товаров.

– Идите сюда! Сюда! У нас все есть! Подходите и берите! – зывал толстый торговец.

– Зубы есть? – тихо спросил Тайбек.

– Зубы? – удивленно переспросил толстяк. – Какие зубы? Чьи зубы?

– Зубы соседа! – сказал мальчик.

Толстый торговец заморгал большими глазами и вопросительно посмотрел на деда Баяна. Баян ата незаметно для Тайбека подмигнул ему. Толстяк начал что-то соображать и повернулся к Тайбеку.

– Та-ак, тебе нужны зубы какого соседа? Собаки или кошки?

– Нет, мне нужны зубы человека! – сказал Тайбек.

– А-а, человечьи зубы? Вот это да! Где их нам найти? – воскликнул торговец. – Запомни на всю жизнь, малыш! Никто, кроме Всевышнего, не может воссоздать ни один живой орган человека! Поэтому ничем не могу помочь!

Тайбек сильно расстроился. Дед поблагодарил торговца и повел внука домой.

– Вот видишь как... Как бы ни разозлился, нельзя наносить вред человеческому телу, здоровью. То, что ты сломал зуб соседу – большая ошибка! Теперь как это исправить? Может, будешь всю жизнь прятаться дома от страшных железных клещей кузнеца?! А от совести-то не спрячешься!

Тайбек мучительно молчал. Пришел домой грустный и рано лег спать.

3

Он видел сон.

Во сне все его игрушки ожили и паслись в степи.

Тайбек сел верхом на своего жеребенка и подъехал к динозавру, который с аппетитом разжевывал сочную зеленую траву.

– Динозавр, а динозавр, подари мне один зуб! Я его вставлю соседу! – попросил мальчик.

– Пожалуйста, возьми! Не жалко... – захохотал динозавр.

Тайбек тоже засмеялся. Каждый зуб динозавра – как человек в полный рост. Как его взять, как его вставить?

В это время медведь ловил рыбу на реке. Тайбек подъехал к нему.

– Медведь, а медведь, дай мне один зуб! Я должен вставить его соседу! – попросил он.

– Я свои зубы никому не даю! Попробуй вырви! – зарычал медведь. – Они мне самому нужны, чтобы есть рыбу!

Тайбек подъехал к мамонту.

– О, миролюбивый мамонт! Дай мне один зуб – я должен вставить его соседу!

Мамонт посмотрел на него с усмешкой. Поднял хобот вверх и показал зубы.

– Об этом надо было думать с самого начала. Почему ты выбиваешь зубы другим, а? Вот и отвечай сам! Я не хочу играть и разговаривать с таким хулиганом!

Тайбек расстроился и загрустил. К нему подбежали собаки.

– О, мои друзья, – обрадовался он. – Ну-ка, кто меня любит?

– Гав, гав! Я!

– Я тоже люблю! – ответили собаки наперебой.

– Тогда кто даст мне один зуб? – спросил Тайбек.

– Бери!

– Бери! Гав, гав! – залаяли собаки, виляя хвостом.

Тайбек задумался и начал мысленно примерять собачьи зубы Доскену.

В это время на огромном верблюде примчался великан кузнец. Он клацал железными щипцами и скрипел зубами от ярости.

– Эй, Тайбек! Ты меня не обманешь чужими зубами! Мне не нужны искусственные протезы! Сделай настоящий зуб Доскена и вставь на место! Иначе вырву твои зубы прямо сейчас!

Он бросился на Тайбека. Испуганный мальчик побежал прочь. Великан погнался за ним, наступая на пятки. Вдруг из небес появилась ракета и села прямо перед Тайбеком. Двери распахнулись и вышли инопланетяне. Они вырвали Тайбека прямо из рук кузнеца и полетели. Отец Доскена в гнев громко ругался и еще долго бесновался внизу.

А Тайбек вместе с инопланетянами бороздил в космосе. Они показали мальчику много чудес звездного неба. Путешествовали по Марсу. Наконец Тайбек попросил их помочь с зубом соседа.

– Этого мы не можем, – загрустили инопланетяне. – Только природа создает естественные штучки!..

4

Тайбек проснулся в слезах. Смотрит – дед смастерил еще одного жеребенка. Точно такого же, как у него. Только масть другая – гнедая.

– Дитя мое, – ласково сказал дедушка. – Давай подарим этого жеребенка Доскену и попросим прощения! Помиримся!

Увидев красивого жеребенка, Доскен очень обрадовался. Даже забыл о сломанном зубе. Он смеялся от души. Его отец тоже растаял, широко заулыбался.

– Ладно! Повинную голову меч не сечет, говорили наши предки! – сказал он мирно, поглаживая густую бороду сильными, мозолистыми пальцами.

Помирившиеся дети побежали играть со своими жеребятами.

Прошло некоторое время. Однажды, когда Тайбек и Сайраш играли во дворе, к ним прибежал Доскен.

– Эй, смотрите! У меня вырастают новые зубы!

Он радостно раскрыл рот. Смотрят дети, и вправду появился новый зуб. Казалось, даже краше, крупнее, крепче прежнего. Пока Тайбек и Сайраш удивлялись, подошел Баян ата.

– Это настоящий зуб, выросший на замену молочному зубу! Завтра вырастут у всех! Берегите их, дети мои! – сказал Баян ата.

ЖЕЛЕЗНАЯ КРЫШКА

Однажды Тайбек, Доскен и Сайраш играли за домом. Они бегали наперегонки. Вдруг Доскен радостно воскликнул.

– Сюда! Идите сюда! Я нашел чудо-яму!

Дети подбежали к нему. Смотрят – посередине узкого тротуара появилась огромная яма. Дети обступили яму и наперебой начали вглядываться, стараясь увидеть дно. Но яма оказалась глубокой и темной. Дна не было видно. Оттуда веяло прохладой. Слышались какие-то глухие звуки. Дети, сгорая от любопытства, чуть не провалились в дыру. Отталкивая друг друга, начали бросать туда камни.

По узкому тротуару за домом обычно ходили немногие. А сегодня был выходной, поэтому было вообще безлюдно. Предоставленные самим себе, ребяташки всюду разыгрались. Вдруг Сайраш чуть отступила и, разбежавшись, прыгнула через яму. Тайбек и Доскен последовали ее примеру.

Прыжки через яму оказались новой потехой. Войдя в азарт, Доскен начал прыгать через яму на одной ноге. Тайбек тоже перепрыгнул на одной ноге. «Во, смотрите!» – воскликнула Сайраш разбегаясь. И смело прыгнула. Но споткнулась и упала в яму. Она зацепилась двумя руками за край ямы и повисла. Доскен схватил ее за руки и пытался вытащить. Тайбек поспешил на помощь, но не успел. Сайраш провалилась в яму и увлекла за собой Доскена. «Ата!» – закричал в отчаянии Тайбек и побежал домой.

– Дедушка! Доскен и Сайраш упали в яму!

Баян ата схватил палку и выбежал из дома. Он по телефону сообщил о случившемся соседям – родителям Доскена и Сайраш, и все вместе прибежали на место происшествия. Оказывается, кто-то украл железную крышку колодца канализации, и прямо в середине

узкого тротуара открылась яма. Все закричали: «Сайраш! Доскен!», но ответа не было. Поэтому, взрослые быстро прыгнули в яму.

Яма оказалась своеобразным широким простором. Ветви труб расходились по углам и уходили в необозримую даль.

Отец Доскена – кузнец-великан – посветил карманным фонариком и люди начали осматривать разные стороны. Но детей не было видно. Ни звука, ни духа. Тайбек не выдержал и окликнул: «Доскен! Сайраш!» Ответа не было. Взрослые тоже начали окликать и пошли вперед.

И вдруг заметили детей. Они стояли неподвижно в углу за многочисленными трубами. Всмотревшись, все ужаснулись. Какие-то странные существа окружили Сайраш и Доскен. Хищники, ростом с крупного щенка, клацали острыми клыками и сверлили детей огненными глазами. Дети от ужаса не могли говорить. Увидев людей, громко зарыдали. Но боялись даже шелохнуться. Взрослые не могли подойти к ним поближе, потому что трубы подземной канализационной системы преграждали им путь.

– Да это же крысы! – воскликнул Баян ата.

– Но почему-то слишком огромные! – удивился кузнец.

Отец Сайраш, бизнесмен, позвонил в полицию. Выслушав его, капитан полиции возмутился:

– Вы что ... мышей ловить?! Как будто у нас других дел нет...

– Ойбай, это не простые крысы, а какие-то монстры величиной с гиен! И очень много!

– Ладно! – сказал капитан.

– Постарайтесь приехать поскорей! – попросил бизнесмен и выключил телефон.

Монстры, махая хвостами, приближались к детям. Из-за труб, из углов вылезали новые группы и их становилось все больше и больше. Доскен и Сайраш в ужасе вскрикнули и прильнули к стене.

Люди не выдержали и пытались приблизиться к ним. Но не могли свободно добраться до низкого угла, заваленного обломками огромных труб. К тому же у них не было никакого оружия, кроме палки Баян ата.

Вдруг откуда-то внезапно появился огромный пестрый кот и угрожающе встал напротив крыс. Он был сильный, грозный и большой, как рысь. Крысы вначале оторопели и чуть отступили, но затем сплотились с новым ожесточением.

Громадный кот бегло посмотрел по сторонам глазами и неожиданно заговорил по-человечески:

– Салам, Баян ата!

– Салам! – ответил Баян ата растерянно. – Откуда ты меня знаешь?

– Давным-давно дети меня засунули в трубу и развлекались моими душераздирающими воплями. Вы меня вытащили оттуда и спасли! Помните?

Баян ата не смог вспомнить, ему стало неловко.

– Ничего страшного, – успокоил кот. – Не беда, если забудешь доброе дело, совершенное тобой. Надо помнить добро, сделанное тебе! Тогда я был маленьким котенком...

Громадный кот, глубоко вздохнув, моргнул глазами. Лениво потягиваясь, посмотрел на Доскена и продолжил разговор.

– Да, я обычный домашний кот! Твой кот, Доскен! Ты купил меня маленьким котенком, чтобы поиграть. И наигрался! Мучил ты меня от души... Дергал за уши, кидал как попало, трепал. Бросал в воду, огонь. Это ты засунул меня в узкую трубу! Мало того, заставлял драться с собаками! И наконец, раненого, измученного выбросил на улицу! Ты помнишь, Доскен?

Доскен от стыда опустил голову.

– Так я стал беспризорным, бродячим котом. Бродил по городу, мерз на морозе, мучился от жажды в жару. Каждый озорной мальчишка забрасывал меня камнями, каждая злая собака гналась за мной. Кормился я остатками пищи в мусорных свалках. Вот и стал таким огромным из-за различных хитрых добавок, которыми напичкана человеческая пища. Устал я от мучительной жизни на земле и убежал в подземелье. И только здесь вздохнул свободно! Здесь свой угол, своя свобода!

Только он заканчивал фразу, как крысы начали наступать. Кот молниеносно нанес несколько ударов передней лапой и отбросил их. Крысы запищали и отступили.

– Они тоже были обыкновенными крысами, – продолжил кот. – Их предки издавна питались остатками пищи человека, мусором. А затем люди во все продукты питания стали добавлять всякие искусственные вещества, красители. И вот, в результате этого изменились их гены и крысы стали мутантами!

Крысы пригорюнились, склонив головы. Кот одним махом запрыгнул на высокую трубу.

– Говорят, что в жизни все поочередно, – сказал он. – Теперь настал мой черед. Кроме меня, никто не может спасти вас от этих монстров-мутантов! Но из-за тебя, Доскен, совсем не хочется вступать в бой, рискуя жизнью!

– А почему не спасешь Сайраш! Ее-то вины нет! – воскликнул бизнесмен.

– Сайраш!? О-о, вина Сайраш больше всех! Нет, не она виновата. Виноват ты, отец! Поэтому ты и должен отвечать!

Отец Сайраш умолк.

– Почему?

– За что? – зашумели Баян ата и кузнец.

– Пусть ваш сосед сам расскажет об этом!

Баян ата и кузнец вопросительно посмотрели на соседа-бизнесмена.

– Я не крал железные крышки! Никогда! – закричал он взволнованно.

– Да, не крал. Но ты скупал краденые железные крышки по дешевке и перепродавал их за рубеж в тридорога. Ты наживался на этом. Нечистые на руки люди крадут железные крышки на улице и сдают тебе! Ты же платишь деньги. Если бы ты не скупал, никто бы и не воровал железных крыш! Поэтому твоя вина тяжелее воровского преступления!

Бизнесмен от стыда чуть не провалился сквозь землю.

– Но ребенок-то не виноват, – сказал Баян ата. – Если сможешь, выручай... Может, осознают свои ошибки, исправятся...

Кот спрыгнул и, разгребая когтями землю, замыкал душераздирающим голосом. В этот же миг из-за углов, из-за труб, со всех закоулков потекли огромные взлохмаченные кошки. Они набросились на крыс. Крысы разбежались по темным уголкам и исчезли.

Сайраш и Доскен медленно вышли из-за угла. Родители обняли их.

В это время к ним подбежал капитан полиции. Боевой капитан быстро выхватил пистолет и выстрелил в кота. Но Баян ата успел отбить пистолет своей палкой. Пуля просвистела мимо кота и врезалась в стену.

– Стой, не трогай его! – крикнул Баян ата капитану, который прицеливался еще раз. – Он наш друг!

Капитан усмехнулся и положил пистолет в кобуру.

– Ах, какой герой, лихой капитан! Мяу, мяу! Если бы воров ловил вовремя, да не знали бы горя! Мяу, мяу! – сказал на прощанье

ние кот-громадина и, махнув хвостом, побежал в полутемную пустоту.

– Легко сказать! – отчеканил капитан.

– Спасибо! – крикнул вслед коту Баян ата.

– Спасибо! – закричали хором дети.

Все вместе выбрались из злополучной ямы.

Дети обрадовались солнечному свету. Но взрослые, ощущая какую-то неловкость, молча разошлись.

Вечером великан кузнец закрыл яму крепкой деревянной крышкой.

МАЛЬЧИК, ПОБЕДИВШИЙ ДЖАЛМАУЗ

Сказка

В квартире

В маленькой городской квартире живет мальчик Асан. Ему девять лет. Он очень любит играть на компьютере. Особенно увлекается боевиками, днем и ночью самозабвенно смотрит фильмы про войну и играет в игры, где стреляют, дерутся и уничтожают друг друга. Он до того вживается в образ героев, что чувствует себя участником этих событий.

Однажды на экране компьютера появились вооруженные до зубов, грозные воины – мужчина и девушка. Они остановились в центре неизвестного города, и мужчина стал кричать.

– Я капитан Джойбек, то есть капитан-уничтожай! А эта симпатная Соямбике – чемпионка по сою-дзюцу!

Он провел ребром ладони поперек горла. Одета по-боевому Соямбике, играя мускулами, прыгает, пинает, бьет всех встречных.

– Сою-дзюцу – Соямбике-мисс зарезу! Когда мы вместе – всем хана! Капут! Вылезайте из вашей дыры или мы уничтожим всех! Сожжем ваши дома! Потопим в крови вашу землю! Так что пока целы, приползайте на четвереньках! Ах так! Вы гордые?! Хотите жить свободно? На, на – вам свобода и равенство! На, на – получайте!

Джойбек и Соямбике стреляют из автоматов, пулеметов, взрывают гранаты. Огонь и дым охватывают город. Кровавая бойня,

душераздирающие крики на экране восхищают Асана. Он с наслаждением подражает героям кино, повторяя их движения и мимику.

В это время пришла мама.

– Ой, Асан, миленький, хватит! Хоть бы чуть-чуть отдохнул, поиграл на улице! День и ночь сидишь перед компьютером! – ворчала недовольная мама.

Асан продолжал играть азартно, не обращая внимания на слова матери. Вместе с героями экрана он имитирует стрельбу: «пух, пах», «кы, кых».

Мама: Асан, послушай, Асан! Когда ты станешь послушным, нормальным человеком? Компьютер вреден для здоровья! Будешь долго засиживаться – заболеешь!

Асан: Но все равно сейчас без компьютера не обойтись!

Мама: Ты тоже прав, сынок, но все прекрасно в меру! Чересчур увлекаться – нехорошо. Голова забивается, мозг воспаляется – и станешь зомби! Вот мы же выросли боевыми – без компьютеров, без боевиков!

Асан: Ой, мама, вы такие отсталые... прямо смешно!

Мама: Посмотрим, какими чудотворцами будете вы! А теперь, иди, сходи за хлебом! Сколько ни хвали, компьютером сыт не будешь!

Асан нехотя, лениво вышел из квартиры.

Во дворе

Во дворе играли дети. Асан подбежал к ним, одного дернул за волосы, другого грубо оттолкнул и нарочно выбил мяч в сторону. У маленькой смугленькой Еркеш вырвал мороженое. Один толстый мальчик хотел заступиться за нее, так Асан дал ему пинка. Тот полез драться и начал наседать. Асан вытащил из кармана нож-бабочку и закричал страшным голосом.

– Убью! Уничтожу всех!

Все замерли в испуге.

Но Еркеш смело выступила вперед и начала ругать Асана.

– Ну-ка прекрати! Брось нож! Не будь таким плохим мальчиком! Кому говорю, прекрати!

Асан немножко замешкался. Затем разозлился пуще прежнего и размазал мороженое по лицу Еркеш. Мальчики закричали, девочки завизжали.

На шум прибежала мать Асана. Она схватила его за руки и силой поволокла к дому.

Мама: Ах ты негодяй! Маленький бузотер! Я тебя отвезу в безлюдный край, в дремучий лес!

Асан: А туда можно захватить мой компьютер?

Мама: Нет! Там будешь жить среди диких зверей!

Асан задумчиво умолк.

В лесу

Асан с мамой едут в машине по степи. На лугу пасся скот. Асан воскликнул:

– О-о! Мама, смотри, мама! Столько мяса и шкуры! Если бы их резать и продать на базаре... У-у! Сколько денег бы выручили!

Мама прервала его, пригрозив кулачком.

После приезда в лес, на побережье озера у подножия гор, Асан побежал играть, прыгая с камня на камень. Пока мама наслаждалась красотой природы, Асан гнался за птицами, бросал камни в зверьков, пытаясь поймать их. Разрушил муравейник, птичье гнездо, нору сурка.

Но вскоре все это надоело ему. Он украдкой вернулся к машине.

Открыл багажник, вытащил завернутое в тряпку ружье. Зарядил и начал охотиться на зверьков и птиц.

Вдруг он увидел косуленка и тихо подкрался к нему. Прицелился и выстрелил. Звук выстрела потряс тишину. Косуленок рухнул на траву.

Мама встревоженно оглянулась по сторонам и побежала в сторону выстрела.

А Асан подошел к упавшей жертве. Глаза еле живого косуленка – красивые, чистые – наполнились мучительными слезами. Асан жестоко посмотрел в эти глаза и, торжествуя воскликнув, пустился в танец.

– Ура! Урря! Убил! Я убил! Урря! Я убил зверя!

Но ликовал он недолго.

Вдруг земля под его ногами разверзлась, и он провалился в большую дыру. В отчаянии Асан хватался за травинки, цеплялся за края дыры.

Тут подбежала испуганная мама, но не успела помочь. С дущераздирающим воплем Асан полетел вниз. Он орал и падал, кружась, долго, долго...

И наконец, упал в какой-то таинственный, полутемный мир. Глухая тишина наводила страх, и Асан в ужасе замер.

В объятиях чудовищ

В этих местах бродил великан Таусогар – Играй-гора и убирал лес. Он увидел Асана и стал тихо наблюдать за ним.

Вдруг донеслись громогласный смех и боевой клич. Из леса выскочили какие-то бешеные чудовища, быстро схватили Асана, связали руки-ноги и, повесив на длинную жердь, побежали.

– Кровопийца! Изверг! – визжала жезтыркак с обезьяньим лицом, поблескивая крупными зубами и размахивала длинными руками с торчащими острыми ногтями.

– Шакал! Гиена! – кричал киборг-робот, пошевеливая локаторами-ушами, покачивая антеннами-рогами, вращая страшными, большими, как ладони, глазами.

– Попался, гадина! Может, задушить тебя и проглотить целиком, а?! – рыкнул саблезубый тигр, раскрывая пасть.

– Нет! Надо изжарить на костре и есть! – сказал решительно чудище, с головой марсианина, телом человека, ногами кенгуру.

– О-о! Умно придумано! – зашумели все остальные страшные чудовища и побежали, громогласно хохоча и пританцовывая.

Прибежали на поляну, быстро разожгли большой костер и, не смотря на плач Асана, подвесили его на вертеле. «Ну, каково убивать безвинное животное? Вот теперь сам попробуй смерть!» – говорили они, издеваясь над Асаном, прокручивая вертел.

Асан задыхаясь, начал терять сознание. Чудовища нетерпеливо, наперебой начали дергать его тело острыми когтями, стараясь вырвать куски мяса. Они так хотят поскорее съесть его!

В это время в их толпу громогласным криком ворвался великан Таусогар и раскидал чудовищ по сторонам. Он одним рывком освободил Асана и бросил ввысь.

Чудовища кинулись на Таусогара, началась великая битва...

На карнавале

Улетевший ввысь Асан приземлился в большом дворце. Кругом светло, красиво – идет карнавал. Мальчики и девочки разных народов, сказочные герои, разодетые в свои оригинальные национальные костюмы, танцуют и поют.

Асан удивленно смотрит вокруг. К нему подошла та самая маленькая смуглянка Еркеш, одетая в красивый казахский национальный камзол и платье.

– О-о! Иди, иди, присоединяйся к нам! – Она затащила его в центр круга. – А ну-ка, спой нам песенку веселенькую!

Асан потупил взор. Попытался напевать какую-то зарубежную мелодию. Все засмеялись над ним.

– Ей, мальчишка! – сказала русская девочка Маша. – Такая музыка нам не нова! Ты лучше спой песню своего народа...

Асан: Я не знаю...

– Постой, постой, ты кто вообще? – спросила полячка Барбара.

Асан: Я – Асан!

Барбара: Нет, кто ты по национальности?

Асан: А-а... Я казах.

Маша: Если ты казах, спой нам казахскую песню.

Асан: Я не знаю казахскую песню!

Девочки: (Хором, нараспев). Стыд и срам! Стыд и срам!

Барбара: Разве бывают нормальные люди, не знающие песен своего народа!? Какой позор!

Девочки: Какой позор!

Маша: Ну ладно... Что ты вообще умеешь?

Асан: Я знаю компьютер. Играю, смотрю фильмы, слушаю музыку!

Барбара: Так, так... Это даже интересно. Покажи, чему ты научился?

Асан: Вот!..

Он показывает боевые движения стреляющих людей, имитирует взрывы. Девочкам это не понравилось.

Барбара: Да ну брось! Не подражай убийцам!

В этот миг Еркеш яростно взорвалась. Она показала пальцем на Асана и выпалила:

– А он и есть убийца! Это он стрелял в косуленка!

Все карнавальщики отвернулись от него.

Маша: Я не хочу дружить с таким злодеем!

Барбара: А мне противно даже дышать с ним одним воздухом!
Сказочные герои взяли его за руки и ноги, раскачали и со словами: «В таком прекрасном мире нет места кровопийце!» выбросили вон.

Душевные муки

Долго летел Асан с душераздирающим криком и упал прямо в объятия грозного чудовища с львиной головой, медвежьим туловищем, динозавровскими ногами и хвостом, который только размахивался, чтобы ударить великана Таусогара. Он сжал свои смертоносные лапы, и Асан начал задыхаться. Добрый Таусогар вступил в бой и силой, вырвав Асана, побежал.

Чудовища с гиком погнались за ними.

Таусогар и Асан невольно остановились – их путь преграждало большое озеро. Монстры приближались. Вот-вот они схватят их!

И тут великан Таусогар выпил все озеро, перешел с Асаном на другой берег и вновь слил воду. Преследователи остались в озере и барахтаясь, старались спастись.

Таусогар и Асан передохнув, пошли дальше. Усталые, замученные голодом и жаждой, они пришли к чистому ручью.

Это было место обитания косули. Раненный пулей Асана косуленок лежал у воды. Косуля плачет и умоляет Всевышнего сохранить жизнь своему детенышу.

– Один мальчик... выстрелил... Не за что! – ответила косуля сквозь слезы вопрошающему взгляду Таусогара.

Асан, сгорая от стыда, потупил взор. Горе матери глубоко тронуло его душу. Он сочувствовал ей и, впервые сожалея о содеянном, начал желать, чтобы раненый косуленок остался жив. Добрый великан Таусогар тоже пригорюнился.

Внезапно, невесть откуда появилась маленькая смуглянка Еркеш.

– Вот он, вот убийца! Это он стрелял в безвинного косуленка! Злодей! Душегуб! – кричала она, яростно бросаясь на Асана.

– Нет! Неправда! Не я! – закричал Асан, увертываясь от ударов Еркеш.

Таусогар разнял их. В это время косуленок открыл глаза и с болью посмотрел на Асана. Наступила тяжелая тишина.

– Это ты? Зачем? Зачем ты стрелял в моего малышонка? Как ты посмел? Как поднялась твоя рука? – приговаривала косуля, тихо рыдая.

Асан заплакал.

– Эй, мальчишка, это правда? Вправду стрелял ты? – спросил Таусогар растерянно.

Асан не мог говорить, захлебываясь в слезах. Тяжело вздохнув, Таусогар повернулся и ушел. Асан не мог смотреть в глаза косули и косуленка и убежал. Он бродил по лесам и по горам, безудержно плакал, бился головой о деревья, о землю. От переживания валялся на траве и перекатываясь, кружась, вдруг уперся в большие кирзовые сапоги.

В окружении злодеев

Это был капитан Джойбек. Вместе с ним – Соямбике и отряд, разодетый как спецназ, ниндзя, разбойники, вооруженные автоматами, гранатометами, луками, копьями и шашками.

Капитан Джойбек поднял Асана вверх и подержал в воздухе. Мальчик беспомощно барахтался.

Встряхнув несколько раз в воздухе, капитан опустил его на землю.

– Эй, Ас-сан, Асана, Асанато! Не бойся! Не грусти, не раскисай! Ты не девчонка! Будь мужчиной! На возьми! – С этими словами капитан Джойбек протянул ему автомат, гранату и кинжал. – Потопи лес в крови – уничтожь всех! Они хотели пристыдить тебя? Прогнали из своей среды? Ничего страшного! Сожги их среду вместе с совестью!

Асан не хотел братья за оружие и прятал руки за спиной.

Капитан Джойбек: Эй, мальчонок, молокосос! Мы хотим тебе добра. Если не присоединишься к нам – останешься совсем один. Ну ладно, как хочешь... Сейчас мы сами перебьем всех зверей и объявим миру, что это сделал ты. Потом все народы будут проклинать тебя! Твое имя вовеки будет вписано в черную книгу вместе с кровопийцами! Ну как, это нравится тебе?

Асан: Нет!

Капитан Джойбек: Тогда присоединяйся к нам! Совершай подвиги! Хочешь быть героем и прославиться на века?

Асан: Да!

Капитан Джойбек: Так в чем же дело? На! (Сует ему в руки оружие). Расстреляй всех, и – точка!

Асан: Нет! (Отталкивает оружие). Я не хочу больше стрелять ни в кого!

Капитан Джойбек: Ах так? Значит, по-твоему, мы – злодеи, да? Ладно! Я тебе покажу настоящее злодейство!

Махнув рукой, он подал знак. Огромный разбойник в миг схватил Асана и привязал к огромной сосне.

Капитан Джойбек: Ну, какво стрелять в живую мишень? Смотри прямо, если не трус...

Соямбике прицелилась из лука.

Асан, закрыв глаза, мотал головой, топал ногой, пытаясь вырваться. Стрела со свистом воткнулась в сосну, на два пальца выше макушки мальчика. Асан от страха повис на веревке.

Затем стрелы, выпущенные сильной рукой Соямбике, одна за другой начали втыкаться вокруг его тела. Асан от страха кричал. Все смеялись над ним.

Капитан Джойбек играючи прокрутил пистолет на пальцах и вдруг, не целясь, разрядил всю обойму в сторону Асана. Веревка, срезанная пулей, сползла с мальчика на землю. Соямбике подняла копье, прицелилась и бросила в его сторону. Асан перекатился в сторону и побежал. Копье вонзилось в дерево.

Разбойники погнались за мальчиком. Только настигли – их путь преградил добрый великан Таусогар, который все время следил за Асаном.

Отряд приготовился к стрельбе по ним.

В этот миг поднялся ураган и мрак покрыл все вокруг. Все застыли в ужасе. Когда стих ветер и стало светло, на высокое дерево сел огромный самрук – царь сказочного мира. Рассекая воздух взмахом могучих крыльев, раскатистым голосом самрук парализовал всех и собрал перед собой.

Самрук: В нашем прекрасном сказочном мире нет места кровопролитию, злодейству, ненависти, алчности, зависти и лжи! Сказочный мир – это чистый мир добра, честности и справедливости, мир красоты и гармонии. Убийцы, злодеи, лжецы, насильники, стервы и хамы недостойны этого мира! Место таких негодяев – среди мусора и гиен! И, согласно золотому своду законов сказочного мира, сгиньте немедленно!

Только самрук собрался взмахнуть крыльями, капитан Джойбек воскликнул и шагнул вперед.

Капитан Джойбек: О, великий царь сказочного мира! Прошу вас, выслушайте меня!

Самрук величественно кивнул головой.

– Говори кратко, по существу!

Капитан Джойбек: Я, капитан Джойбек, пережил столько войн! Убивал, уничтожал! Потому что не было другого выхода – война есть война. Если я не уничтожу врага, то они уничтожат меня! Прошу вас учесть это, справедливый царь!

Самрук: Капитан уничтожай-Джойбек! Да сгинет имя твое! За что ты воевал? Ты воевал, чтобы завоевать чужие земли! Ты воевал, чтобы властвовать над другими народами! Воевал за деньги – был наемником! Ты разрушал дома, приносил несчастье мирным людям! Поэтому нет тебе прощения!

Капитан Джойбек: Если вы такие справедливые, то зачем заступаетесь за этого мальчонка?

Он указал пальцем на Асана. Асан сник и прижался к великану Таусогару.

Капитан Джойбек: Его вина не меньше нашего... Он застрелил безвинного, беззащитного косуленка. Так дайте и ему по заслугам!

Самрук: Да! Быть этому маленькому кровопийце вместе с вами! Пусть сгинет!

Все повернулись и посмотрели на мальчика. Капитан Джойбек хотел схватить Асана, но добрый великан Таусогар отбил его руку.

– О, великий падишах сказочного мира! Разрешите сказать слово! – обратился он почтительно.

Самрук повернул голову к нему и слегка кивнул.

Таусогар: Да, вина Асана большая. Он совершил тяжкое преступление! Но он теперь осознает свою вину и очень переживает, сокрушается. Он отказался от оружия Джойбека. Я верю в Асана! Давайте мы ему поможем. Дадим шанс стать настоящим человеком!

Самрук глубоко задумался. Затем взмахнул крыльями. Вооруженный отряд исчез. Остались только Таусогар и Асан.

Из леса осторожно вышли звери и птицы. Пришла и косуля. Увидев Асана, животные возмутились.

– Надо наказать маленького злодея! Пусть получит по заслугам! – зашумели они.

Наступило тягостное молчание. Асан вышел вперед и опустил ся на колени перед косулей-матерью. Глаза наполнились слезами, и он склонил голову. Все грустно задумались.

Самрук: Слушайте все! Еще есть маленькая надежда, что раненый косуленок выживет! Для этого нужно принести живую и мертвую воду. Но это вода в руках у старухи Джалмауз! В подвластные ей волшебные края никому из нас не суждено ступить ногой! Только человек может идти туда!

Асан: Я пойду!

Самрук: Но это очень опасно! Еще никто не возвращался оттуда!

Асан: Если косуленок погибнет – то и мне нет жизни! Разрешите, великий падишах!

Самрук: Ты искренно раскаиваешься?

Асан: Да!

Самрук: Тогда есть возможность. Искренние слезы могут тронуть душу Джалмауз. Но смотри! Малейшую ложь в твоих чувствах сразу уловят колдуны и чародеи Джалмауз. Тогда прощайся с жизнью: или выпьют твою кровь, или превратят в вечного каменного охранника!

Асан: Я готов ко всему!

Животные и птицы одобрительно загудели и закивали головами. Самрук величественно взмахнул крыльями...

Бабушка Джалмауз

Подвластные Джалмауз земли оказались бескрайними просторами, где местами возвышались холмы, покрытые лесом. Долго, несколько дней и ночей бродил Асан по таинственным, необычным тропам и совсем измучился. Вдруг на него набросились колдуны и чародеи, накрепко связали и привели к Джалмауз.

Старуха Джалмауз решила превратить его в каменную статую и только хотела махнуть рукой, как Асан закричал в отчаянии:

– Постойте, прошу вас! Исполните мое последнее желание!

Джалмауз: (Подумав). Ну ладно, говори свое последнее желание. Только не болтай долго – не наскучи!

Асан: Мое последнее желание – я прошу вас выслушать меня!

Джалмауз: (Встряхнув лохматые волосы, поблескивая стальными ногтями, постукивая железными зубами). Да будет так! О мои колдуны, чародеи, ведьмы и вампиры! Слушайте все! Ловите каждое его слово и взвешивайте! Если в его словах будет столечко (показывает ноготь мизинца) лжи, то пусть он превратится по пояс в черный камень, наденет черный балахон, пусть будет вовеки

черным стражником черных ворон, пусть стоит на семи ветрах под палящим солнцем! А если скажет истинную правду – воздадим ему должное – пусть разгорается огонь его жизни! Ну, говори, малыш!

Асан искренне рассказал обо всем, что с ним произошло. Волшебники внимательно слушали, живо представляя в своих фантазиях его историю.

Асан: (завершая свой рассказ). Если косуленок погибнет, то и мне незачем жить! И я пришел к вам попросить живую и мертвую воду, чтобы спасти косуленка и себя. Если нет, то лучше мне умереть здесь, чем жить в душевных муках под тяжестью такого преступления!

Волшебники: Он говорит сущую правду! В его словах нет ни малейшей лжи!

Но старуха Джалмауз громко засмеялась. Огненными глазами просверливая Асана, она стальными ногтями провела по его лицу. Асан онемел от ужаса, а Джалмауз танцевала, трясась всем телом, и вдруг закричала диким голосом!

– Не-е-ет! Врешь! Врешь! Я не верю ни одному твоему слову! У тебя иные помыслы!

Волшебники в страхе пали ниц перед ней. Все наперебой, хором закричали:

– Вы правы! Верно говорите! Но этот мальчик сказал чистую правду! Мы это чувствуем!

Джалмауз: Человеческий род научился так искусно врать, что сами не могут различить правду от лжи!

Асан: (Возмущенно). Это я вру? Я никогда не лгал! Никогда! И дома, и в школе, и на улице! Почему вы не верите мне?

Джалмауз: (Иронизируя). О-хо-хо! Посмотрите на этого правдивого человечка! Э-эй, дуралей! Разве трудно солгать такому, как ты, подлому мальчику, который готов не задумываясь зарезать любого!?

Асан: (В отчаянии): Не-нет, бабушка Джалмауз, пожалуйста, не издевайтесь надо мной! Я и так замучился! Скажите, как быть мне теперь?!

Джалмауз: Об этом надо было думать в самом начале... Когда собирался стрелять в живое существо! Ведь у других тоже есть душа и они тоже хотят жить. Понравилось бы тебе, если кто-то стрелял в тебя?

Асан: В кинофильмах, которые я любил смотреть, никто об этом даже не задумывается. Там убивают людей толпами и спокойно перешагивают через их трупы. Никто не держит ответа, никто не знает душевных мук! Я насмотрелся на это... я наивно верил в них. Оказывается, убивать – это совсем не так, как в кино! Не как в кино!

Джалмауз: Ладно! Люди давно обогнали нас по части кровопролития и злодейства. Мы так ужаснулись от их злодеяний, что давным-давно перестали воевать, творить зло. Но люди до сих пор не напились крови и продолжают истреблять друг друга. Ты тоже в будущем наверняка станешь настоящим убийцей. Ну что же, иди и убивай!

Асан: Нет, бабушка Джалмауз! Лишь бы косуленок остался жив! Я больше никогда ни на кого не подниму руку! Не буду стрелять!

Джалмауз: Ах так? Когда человеку становится невдомек, он называет даже Джалмауз бабушкой! Когда я боролась против добра и совершала зло, тогда я была старухой Джалмауз. До сих пор это имя закрепилось за мной. А ведь по правде на мне нет безвинной крови! Из-за этих существ, превращенных в черных камней, я себя не считаю виновной. Они сами виноваты. Пришли за живой водой – за вечной жизнью и нашли вечное пристанище. А ты? Ты хочешь вот так поплакать немножко и смыть невинную кровь? Нет! Приходит время ответа за все! Вырвал цветок, сломал сучок – за все надо платить! Так что, ты тоже принимай свое наказание!

Джалмауз сделала двумя руками отталкивающий жест, и Асан покатился в глубокую темницу.

Спасение

Асан несколько дней томился в темнице.

Однажды за ним пришли капитан Джойбек и Соямбике. Они украдкой, ползком подошли к темнице. Джойбек бросил кинжал в караульного. Острая сталь отскочила от него, как от камня. Соямбике в прыжке ударила караульного в челюсть и вырубила.

Она спустила веревку в темницу.

Капитан Джойбек: Ас-сан, Асана, Асанато! Мы пришли освободить тебя! Вот видишь, мы не бросаем друзей в беде. Теперь ты

будешь с нами. Нет земли, куда бы не ступала наша нога, нет крепости, которую мы не взяли бы!

Они вытащили Асана из темницы.

Капитан Джойбек. Пойдем, зарежем эту старуху и всех волшебников и уйдем, забрав то, что нужно!

Асан покачал головой. Соямбике обняла его и с пониманием хлопнула по плечу.

Капитан Джойбек пришел в ярость и дал команду к началу спецоперации. Но в это время появилась Джалмауз. Джойбек бросился на нее неожиданно, из засады, но она ловко увернулась от его ударов. Одним взмахом руки она превратила одного каменного караульного в ниндзя. Ниндзя бросился на Джойбека, и они начали самоотверженно биться. Вдруг Джалмауз дико засмеялась и тихим заклинанием превратила их, а также Соямбике и весь отряд в каменных охранников.

Джалмауз: Вы любите нарушать покой мирных стран, а теперь навеки стойте на страже тишины! – Она обратилась к Асану: – Вот вы меня называете Джалмауз. А кого я пожирала? Кому я приходила домой и устраивала погромы? Вот, все они, – она показала рукой на каменных фигур: – пришли сюда за богатством и властью! Причем они жаждали безграничной власти! Ненасытные! Хотели испить живой воды и жить вечно! Властвовать века! А я всего-навсего не позволила этим дурным людишкам завладеть живой водой. Представь себе, что было бы, если кровопийцы жили вечно?! Они же не остановятся ни перед чем! Я их превратила в черных камней! Не-ет! Не я Джалмауз! Джалмауз – это вы! Вот в тебе, в тебе, в каждом из вас сидит Джалмауз! Побеждайте этого Джалмауза в своей душе! Тогда станете настоящими людьми! (Встряхнувшись всем телом, она превратилась в симпатичную бабушку). Асан, сыночек! В течение тысячелетий я впервые вижу человека, который, рискуя жизнью, пришел сюда не ради себя, а во имя спасения другого. Ты сказал правду! Самое большое чудо на свете – это правда!.. Ты назвал меня бабушкой!.. Как прекрасно быть бабушкой! Я постараюсь быть хорошей бабушкой, чтобы тебе не было стыдно за меня! И ты постарайся быть достойным мальчиком, чтобы мне не пришлось краснеть за тебя! Возьми, возьми живительную влагу, сынок!

Бабушка обняла Асана и нежно погладила по голове. Она вручила ему драгоценные сосуды с живой и мертвой водой.

– Спасибо, бабушка, спасибо большое! – сказал взволнованный Асан. – Можно еще одно слово?

Джалмауз: Говори, сынок...

Асан: Освободите, пожалуйста, этих людей...

Джалмауз: Заступаться за злодеев – равноценно самому злодейству! Нет прощения кровопийцам и душегубам!

Асан: Они осознали свои ошибки и жалеют об этом! Может, исправятся, станут хорошими людьми? Посмотрите, какие красавцы-молодцы! Разве вам не жалко их?

Джалмауз, задумчиво покачивая головой, освободила весь отряд.

– Не делайте больше никому зла! Будьте людьми! – проговорила она твердым голосом.

Все бросили оружия со скалы вниз, поклонились бабушке и ушли.

Смертельная схватка

Как только покинули край Джалмауз, ниндзя незаметно отделился от отряда и исчез.

Капитан Джойбек начал как-то странно посматривать на Асана. Он сделал себе из дерева соил – боевую дубинку. Вдруг внезапно напал на мальчика и забрал сосуды.

Соямбике оттолкнула Джойбека и, вырвав сосуды, возвратила Асану. Асан побежал.

Джойбек догнал его и ударил дубинкой изо всех сил. Но Соямбике в прыжке обняла мальчика и упала вместе с ним. Дубинка попала ей в голову, и она погибла на руках Асана.

Асан начал убегать от Джойбека в глубь леса, прячась за деревьями. Джойбек преследовал его по пятам.

Неожиданно из чащи леса выскочил тот самый ниндзя и бросился на мальчика. Завалив Асана на землю, пытался забрать сосуды.

В это время подбежал Джойбек и со словами: «На тебе вечная жизнь!», ударил его дубинкой по голове. Ниндзя увернулся от удара и вступил с ним в бой. Схватка была насмерть, и они убили друг друга.

Асан в ужасе тихо удалился...

Возрождение

Когда Асан принес драгоценные сосуды, звери встретили его радостными возгласами. Он с почтением отдал сосуды великому самруку. Самрук дал попить живую воду раненому косуленку. Но... никакого эффекта! Звери приуныли. Косуля прислезилась.

Самрук, глубоко вздохнув и покачивая головой, вымолвил:

– Наверное, прошли тысячелетия, как эта вода хранилась в волшебном сундуке. И она потеряла свою силу, стала обычной водой!

Все грустно покачивали головой. Асан от обиды тихо заплакал. Самрук ловко подставил сосуды к слезам Асана.

Самрук: Слышал я в детстве от бабушки... О, сколько тысяч лет пролетели с тех счастливых пор! Так вот, бабушка говорила, если к живой и мертвой воде добавить искренние слезинки, то они заново обретают свое изначальное свойство!

Самрук дал пить воду косуленку. Косуленок, встряхнувшись, встал на ноги. Но все еще был слаб!

Самрук: К слезам надо добавить чистый смех от души!

Асан начал громко смеяться. Кривлялся, хватался за живот, трясся, хохотал – бесполезно!

Самрук: Да ладно, перестань! Не мучайся! У кого рука в крови, душа в грязи, у того и смех нечистый! Ну что же, ничего не поделаешь! Прощай, Асан! Не забудь горький урок жизни, будь хорошим человеком!

Царь сказочного мира похлопал крыльями по плечу Асана, и он в мгновение ока очутился там, откуда впервые провалился в подземный мир.

Смотрит – сидит мама, горюет. Увидев Асана, от радости чуть рассудок не потеряла – то громко рыдает, то звонко смеется.

Ее радостный смех как будто всколыхнул лес. К ее смеху начал присоединяться радостный смех многих. Оказывается, все сказочные герои пришли на землю и радовались вместе с матерью.

Косуленок подошел к Асану и по-дружески ткнул носом в его руку. Асан от души засмеялся чистым, детским смехом. Люди и животные, сказочные герои, Асан и Еркеш танцевали на природе и пели песню добра, дружбы и радости!

Содержание

РАЗРЕШИТЕ ЖИТЬ! Повесть.....	3
Бандероль вместо бомбы	3
Абсурдная война.....	4
Я – инвалид	9
Ненависть и совесть	14
Гениальный злодей.....	21
Альтернатива	23
Любовь в поезде.....	24
Интуиция	29
Трест очистки.....	30
Откровения обманщика	33
Конспирация	35
Агенты многоплановые.....	36
Нравственность – доля неудачника?.....	38
Оружие всемогущее	38
Везение	40
Искренние чувства.....	41
Честный бой	42
Агония	46
Либо – либо	47
Исключительные	49
Мольба	52
Жить разрешите?	52
Алогизм	54
Наши – ваши	54
Охота.....	55
Ваше величие	56
ГОЛОД И ЛЮБОВЬ. Киноповесть	65
Незванный гость хуже врага.....	65
Путь другого	67
Забракованное мясо.....	68
Верблюжонок на привязи	69
Вигвам в степи	70
Оскверненная вода	71
Загадочный уполномоченный	73
Гибель скакуна.....	74
Объявившийся зять	76

Слезы девушки.....	77
Немая женщина.....	78
Мой дед Богенбай!.....	80
Наступление на казахов.....	81
Активист-беспредельщик.....	84
Перегиб.....	84
Напуганная девушка.....	86
Захороненный кобыз.....	87
Награда.....	88
Гибель большого казаха.....	90
Любовь и политика.....	92
Конфискация.....	94
Беглецы.....	95
Последний бай степей.....	96
Дом без хозяина.....	97
Мороз и голод.....	97
В безвыходном положении.....	99
Страшный сон.....	100
Ужасающий стих.....	105
Мертвый аул.....	108
Схватка со смертью.....	109
ПОРАЖЕНИЕ. Рассказ.....	114
ПОБЕДА ЧЕМПИОНА АЙХАНА. Киноповесть.....	129
Мечтатель.....	129
Бой с другом.....	129
Искорка любви.....	130
Чемпион Советского Союза.....	130
Испорченное интервью.....	131
В ожидании Олимпийской путевки.....	133
Вычеркнутый из списка.....	134
Больница.....	135
Пьяный ураган.....	136
Похмелье.....	138
Дом милиционеров.....	140
Пропавший.....	142
Новое время и старый друг.....	142
Дауыл хаджи.....	146
Нечто таинственное.....	148

Возвращение	149
Победа.....	150
АБЛАЙ ХАН И ЕГО БАТЫРЫ. Легенды Великой степи.	
Повесть-легенда для детей и юношества.....	151
Беспечный	151
Атака	152
Ярость	154
Никто	156
Гибель	158
Аталык	162
Лохматый.....	164
Истина.....	165
Аттан.....	167
Лавина.....	167
Исключительная метаморфоза	169
Жэлбе	172
Аблаи-невольник	173
Одиночество. Воспоминания.....	173
Любовь и ненависть матери.....	186
Дыхание смерти	188
Трон хунтайчи.....	189
Станный сон.....	191
Посланцы казахов.....	193
Казнить или миловать?	194
Голова барана.....	195
Два владыки степей	196
Примечания автора:.....	201
ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ АСКАР. Сказка	203
Старый степняк.....	203
Птенчики и змея.....	203
Волшебная тибетейка	204
Старушка и золотая рыбка.....	205
Маша и медведь	206
Ну, погоди!	207
Мудрая гусыня Акка	209
Достопочтенный барон Мюнхгаузен.....	210
Стойкий оловянный солдатик	212
Бременские музыканты	212

Теплота Снежной королевы	214
Подарок золотой рыбки	216
СНЕЖНЫЙ ДОМИК	217
ЗУБ СОСЕДА	219
ЖЕЛЕЗНАЯ КРЫШКА	224
МАЛЬЧИК, ПОБЕДИВШИЙ ДЖАЛМАУЗ. Сказка	229
В квартире	229
Во дворе	230
В лесу	231
В объятиях чудовищ	232
На карнавале	233
Душевные муки	234
В окружении злодеев	235
Бабушка Джалмауз	238
Спасение	240
Смертельная схватка	242
Возрождение	243

Баянғали Әлімжанов

ШЫҒАРМАЛАРЫ

Разрешите жить!

X том

Повести и рассказы

Ответственный редактор Р.Ж. Абдрахманова
Помощник редактора Ю. Макарушкина
Корректор М.О. Джусупова

Подписано в печать от 20.09.2016 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура ТАЙМС.
Усл. п. 15,5. Тираж договорной.

020000, г. Кокшетау, ул. Абая, 112а
тел.: 8 (7162) 40-21-55, e-mail: techno@keleshek-2030.kz

Отпечатано в типографии ТОО «Келешекторгснад»